

Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Филологический факультет

Кафедра русской и мировой литературы

СОГЛАСОВАНО

Заведующий кафедрой
русской и мировой литературы

Афанасьев И.Н.Афанасьев
23 марта 2020 г.

СОГЛАСОВАНО

Декан филологического
факультета

Полуян Е.Н.Полуян
26 03 2020 г.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ «КЛАССИЧЕСКАЯ ПРИТЧА»

для специальности 1 - 21 05 02 Русская филология (по направлениям)
1-21 05 02-01 (Литературно-редакционная деятельность)
специализации 1 - 21 05 02-01 02 Литературоведение

Составитель:

Цыбакова С.Б., доцент кафедры русской и мировой литературы, к.ф.н.,
доцент,

Рассмотрено на заседании
кафедры русской и мировой литературы

23 марта 2020 г., протокол № 8.

Рассмотрено и утверждено
на заседании научно-методического совета

15.04. 2020 г., протокол № 5.

Гомель, 2020

Содержание учебно-методического комплекса
по учебной дисциплине «Классическая притча»
для специальности 1-21 05 02 «Русская филология»

Пояснительная записка.....	3
1 Теоретический раздел.....	6
1.1 Материалы для теоретического изучения.....	6
1.2 Материалы для обеспечения самостоятельной учебной работы.....	84
2 Практический раздел.....	91
2.1 Вопросы к практическим занятиям.....	91
2.2 Задания к практическим занятиям.....	94
3 Контроль знаний.....	101
3.1 Вопросы к зачету	101
3.2 Вопросы к контрольной работе.....	102
3.3 Тесты.....	103
4 Вспомогательный раздел.....	107
4.1 Рекомендуемая литература.....	107
5 Учебная программа.....	111

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Предлагаемый электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для реализации требований образовательных программ и образовательных стандартов высшего образования и разработан в соответствии с учебной программой учебной дисциплины «Классическая притча» для студентов 3 курса дневного отделения и студентов 2 курса заочного отделения специальности 1-21 05 02 «Русская филология». Учебная программа составлена на основе образовательного стандарта специальности 1-21 05 02 «Русская филология» ОСВО 1-21 05 02-2013, утвержденного и введенного в действие постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 30.08.2013 № 88 и учебного плана УВО, утвержденного 09.04.2019, регистрационный № D-21-2-02/ Д-19 (для дневного) и № D 21-2-02/3-19 (для ЗФ).

Данный электронный учебно-методический комплекс учитывает все темы вышеназванной учебной программы и составлен с целью овладения студентами научно-теоретическими знаниями о поэтике классической притчи, определения специфики генезиса, закономерностей функционирования жанра притчи, его основных структурных типов и традиций в историко-литературном контексте. ЭУМК является для студентов источником необходимого объема знаний об особенностях становления жанра притчи, образовании его разновидностей, генетической связи с духовными традициями человечества, развитии в художественной литературе.

Данный ЭУМК направлен на приобщение студентов к сокровищнице духовной мудрости человечества, частью которой являются нравственно-религиозные притчи, произведения этого жанра в творчестве таких выдающихся мыслителей и писателей, как Г.С. Сковорода, Л.Н. Толстой, в современной православной прозе, продолжающей духовную традицию в русской литературе. Электронный учебно-методический комплекс способствует формированию историко-теоретической и методологической базы для усвоения студентами знаний, умений и навыков самостоятельного анализа произведений в жанрово-стилевом аспекте, а также развитию и закреплению академических, социально-личностных и профессиональных компетенций.

ЭУМК включает следующие разделы: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный.

Теоретический раздел содержит учебные, научные и методические материалы для теоретического изучения дисциплины «Классическая притча» (темы № 1–№ 6), а также материалы для обеспечения самостоятельной учебной работы студентов по теме № 5. Материалы для теоретического изучения учебной дисциплины представляют собой дополненные тексты лекций, в которых последовательно изложены основные вопросы, выделенные в учебной программе в связи с изучением той или иной темы. Материалы для обеспечения самостоятельной учебной работы студентов

содержат задания, составленные к каждому из основных вопросов по вышеуказанной теме с учетом трех модулей сложности. Данные задания в зависимости от возрастания степени сложности расположены следующим образом:

А) Задания, формирующие знания по учебному материалу на уровне узнавания.

Б) Задания, формирующие компетенции на уровне воспроизведения.

В) Задания, формирующие компетенции на уровне применения полученных знаний.

Задания, формирующие знания по учебному материалу на уровне узнавания, представляют собой тесты закрытого типа.

Практический раздел электронного учебно-методического комплекса содержит материалы для проведения практических занятий. Он включает в себя вопросы и задания к практическим занятиям. Цель составленных заданий и вопросов заключается в овладении студентами знаниями о генезисе, специфике поэтики классической притчи, ее основных структурных типах и традициях в художественной литературе, в формировании умений и навыков профессионального литературоведческого анализа.

Раздел контроля знаний электронного учебно-методического комплекса содержит материалы текущей и итоговой аттестации и состоит из закрытых тестов по темам № 3, № 4, № 6, по которым в учебной программе зафиксирован данный вид контроля, из тем контрольных работ и соотнесенных с ними вопросов, а также из перечня рекомендуемых вопросов к зачету.

Вспомогательный раздел включает перечень рекомендуемой основной и дополнительной литературы по тематике электронного учебно-методического комплекса.

В результате изучения дисциплины «Классическая притча» с использованием материалов предлагаемого электронного учебно-методического комплекса студент должен **знать**:

- специфику генезиса классической притчи;
- жанрово-стилевые особенности классической притчи и ее структурные типы;
- отличие притчи от близкородственного дидактико-аллегорического жанра басни;
- традиции жанра притчи в художественной литературе, особенности притчеобразного способа художественного моделирования в современной прозе.

уметь:

- выделять особенности генезиса притчи;
- определять жанрово-стилевые особенности притчи, а также ее структурные типы;
- выявлять закономерности функционирования жанра притчи, ее отличия от близкородственного басенного жанра;

- анализировать традиции классической притчи в творчестве отдельных писателей, в современной художественной литературе.

владеть:

- навыками профессионального литературоведческого анализа художественного произведения;

- понятиями и терминами, связанными с содержанием категории «жанр», в частности со спецификой притчи.

Форма обучения – дневная, курс – 2, семестр – 3. Общее количество часов – 52 (1,5 з. е.); аудиторное количество часов – 34, из них: лекции – 12 часов (в том числе управляемая самостоятельная работа – 2 часа), практические занятия – 22 часа. Форма отчетности – зачёт в 3 семестре.

Форма обучения – заочная, курс – 2, семестр – 3, 4. Общее количество часов – 52 (1,5 з. е.); аудиторное количество часов – 6, из них: лекции – 4 часа, практические занятия – 2 часа. Форма отчетности – зачет в 4 семестре.

Тема 1. Генезис притчи

1. Дидактическая словесность и ее жанровый диапазон.
2. Мудрость и ее трактовки.
3. Притча – жанровая кристаллизация и сокровищница духовной мудрости человечества.
4. Отличие притчи и басни.

1. Дидактическая словесность и ее жанровый диапазон.

Понятие «дидактический» древнего происхождения и в переводе с греческого означает «поучительный». Англоязычный поэт и литературный критик Т. С. Элиот, разъясняя содержание термина «дидактический», отмечает, что он может обозначать «передающий информацию», но может обозначать и «содержащий моральное наставление» или нечто среднее между этими понятиями». Согласно Т. С. Элиоту, специфическая функция дидактического произведения сопряжена с функциями самого предмета информации. Если дидактическое произведение имеет своим содержанием философию, религию, политику, мораль, то его назначение самым непосредственным образом обусловлено функциями всех этих категорий. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» «дидактическое» определяется как «выражение моральных, научных суждений, мистического опыта для нравственного воспитания, обучения, духовного наставления». Произведения дидактического характера, таким образом, имеют утилитарную установку, и их предназначение сводится к поучению, к убеждению в полезности какого-либо предмета, а также к популяризации какой-либо отрасли духовных и научных знаний.

В истории мировой литературы дидактическая словесность занимает значимое место, образуя обширный свод текстов. Она охватывает все роды литературы и включает в себя многообразные литературные жанры.

Дидактика широко представлена в античной словесности. Древнейшим из известных классических произведений «дидактического эпоса» является поэма Гесиода «Труды и дни» (VIII-VII вв. до н. э.). Ее содержание составляют главным образом моральные и практические, в частности земледельческие, наставления. В Древнем Риме классиками дидактического эпоса были поэты Лукреций и Вергилий. Поэма Лукреция «О природе вещей» популяризирует учение Эпикура и представляет собой единственное полностью сохранившееся систематическое изложение материалистической философии античности. Дидактический эпос Вергилия «Георгики» содержит ценные сведения о земледелии и восходит к поэтической традиции, связанной с «Трудами и днями» Гесиода.

Моральная поучительность – одно из главных свойств жанра «обрамленной повести» в древнеиндийской и средневековой восточной литературе, в которой объединены посредством связующей повествовательной истории («рамки») разнородные рассказы новеллистического, сказочного или басенного типа. Самый древний памятник древнеиндийской «обрамленной повести» – книга «Панчатантра»

(ок. III - IV вв.), которая получила широкую мировую известность. «Панчатантра» разделена на пять частей (книг), или тантр: «Утрата дружбы», «Обретение друзей», «Сказание о войне ворон и сов», «Гибель достигнутого», «Опрометчивые деяния». Тантрам предшествует «Начальное слово» – история о мудреце-брахмане Вишнушармане, взявшемся за шесть месяцев обучить глупых сыновей могущественного царя науке разумного поведения. «Начальное слово» является общей повествовательной рамкой и выполняет организующую композиционную роль.

Каждая из пяти тантр, предназначенных автором для просвещения неразумных, их обучения основам житейской мудрости, в свою очередь, содержит собственный обрамляющий сюжет («внутреннюю рамку»), в который вставлены занимательные и поучительные рассказы. Так, повествовательная рамка первой книги – история о том, как хитроумный шакал Даманака поссорил сдружившихся между собой быка Сандживаку и льва Пингалаку. Обрамление второй книги составляет повествование о дружбе четырех животных – ворона, мыши, черепахи и оленя, которые вышли победителями из смертельно опасных ситуаций благодаря тому, что оставались верными и помогали друг другу. В обрамляющей истории третьей тантры рассказывается о происхождении вражды между совами и воронами и о том, как посредством хитрости и коварства последним удалось одержать победу над своими соперниками. Рамка четвертой книги – повествование о глупом морском чудовище и находчивой, рассудительной обезьяне. Чудовище обманом завлекло обезьяну в море, но та спаслась, применив свою смекалку и силу разума. Наконец, содержание рамки пятой книги составляет история о глупом и алчном цирюльнике, наказанном судьями. Таким образом, героями обрамляющих историй преимущественно являются птицы и звери, которые наделены человеческими чувствами и эмоциями и выступают в роли мудрых политиков и искусных толкователей правил разумного поведения.

Сталкивая различные точки зрения, излагая поучения и беседы своих героев, автору «Панчатантры» удалось вставить большое количество рассказов, отдельные из которых очень часто обрамляют повествовательные эпизоды, примыкающие к ним. Так, к рамочной истории о глупом и алчном цирюльнике, открывающей пятую книгу «Панчатантры», примыкает рассказ о брахманке и мангусте в изложении судей. За ним следует история о четырех брахманах, искавших клады, которую рассказывает своему мужу брахманка – героиня первого вставного эпизода. История о кладоискателях становится в свою очередь рамкой еще для девяти рассказов. Один из них, повествующий о трехгрудой царевне, содержит притчу о брахмане и злом существе и выступает по отношению к ней как обрамляющий.

В жанровом отношении вставные повествовательные эпизоды, нанизанные друг на друга на основе приема соподчинения, разнообразны. Их главным образом можно разделить на занимательные новеллы бытового характера, притчи, рассказы сказочного и басенного типа. Последние иногда определяют как апологи (греч. букв. – рассказ). Они близки басне и, подобно ей, являются одной из древнейших форм животного эпоса, в котором по образцу поведения людей моделируется поведение животных. Главными

источниками этих рассказов служат индийские народные сказки о животных. Апологи в «Панчатантре» представляют собой небольшие иносказательно-нравоучительные повествования, построенные на аллегорическом изображении различных представителей животного мира. Они служат иллюстрациями, образными примерами, подкрепляющими бытовые поучения, полезные советы героев, проповедуемые ими основы «науки житейской мудрости». Персонажи нравоучительных рассказов «Панчатантры» радуются и страдают, побеждают и терпят поражения, обретают богатство и друзей или теряют различные блага, главным образом, в соответствии со своим нравом, способностью принимать разумные решения. В этих рассказах восхваляется благоразумие, осторожность, смекалка, а в иных случаях польза хитрости и обмана. Так потому, что во многих жизненных ситуациях, столкновениях противоборствующих сторон доверчивость, следование правде могут обернуться страданием и гибелью. Слабые, но наделенные хитростью и разумом существа, как правило, в апологах «Панчатантры» остаются в живых лишь благодаря обману несправедливых и свирепых. Об этом, например, – рассказы о смекалистом зайце, который избежал гибели, обманом заманив льва в колодец, о раке, перехитрившем коварного журавля, о лягушачьем царе, который благодаря своей изворотливости ушел от прожорливой змеи и др. В нравоучительных рассказах «Панчатантры» более всего порицаются глупость и излишняя доверчивость. Неразумные погибают, как это происходит с простодушным ослом, поверившим неправдоподобным посулам коварного шакала, или с глупыми сойкой и зайцем, съеденными лицемерным котом.

Житейская мудрость нравоучительных рассказов основывается на приоритете здравого смысла, которому противопоставляется безрассудство, приводящее к опрометчивым поступкам. В «Панчатантре» восхваляются и такие высокие моральные качества, как бескорыстие, самоотверженность, верность, честность. Однако их следует применять по отношению к друзьям, добросердечным и благоразумным. Вторая часть «Панчатантры» почти целиком посвящена показу преимуществ крепких уз дружеского союза. Доверие, доброта, проявляемые по отношению к неразумным и порочным, идут только во вред. Об этом повествуется в рассказах о верблюде, поверившем хищным зверям и съеденном ими, о сердобольной птице Сучимукхе, добрым советом навлекшей на себя ярость глупых обезьян и др. Проповедь самоотверженности по отношению ко всем живым существам, что характерно для буддийской дидактической литературы, – явление исключительное в «Панчатантре». Единственный пример – рассказ о голубе, который пожертвовал жизнью, чтобы накормить голодного птицелова. Он, как предполагают, заимствован из буддийских джатак.

«Панчатантра», которую называют «учебником правильной и разумной жизни», получила огромную известность за пределами Индии. Судьба этой книги примечательна во многих отношениях. Сюжеты ее апологов и других рассказов через цепь заимствований проникли в иные литературы, послужив источниками басен Лафонтена, Крылова и др.

«Панчатантра» была переведена на множество языков. Один из самых древних – арабский перевод, осуществленный в VIII веке, дополненный сюжетами других древнеиндийских «обрамленных повестей». Он известен под названием «Калила и Димна». В основу заглавия легли искаженные санскритские имена героев первой части «Панчатантры» – шакалов Каратаки и Даманаки. Большую популярность приобрел перевод «Калилы и Димны» на греческий язык, выполненный в XI веке и получивший название «Стефанит и Ихниллат». В XII веке «Калила и Димна» была переведена с арабского на еврейский, а с него – на испанский и латынь под названием «Наставление человеческой жизни». После этого «Наставление», переведенное на европейские и славянские языки, стало одной из самых заметных книг эпохи Возрождения. К персидскому переводу текста «Калилы и Димны» «Анвар-е Сохейли» («Светила Канопы») (XV в.) восходят французские издания 1724 и 1775 гг., которые в русском переводе известны как «Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индейского». В одном из прологов «Калилы и Димны» сказано, что мудрый Бидпай был автором индийского оригинала книги. Из «Басен Бидпая» почерпнул для себя немало сюжетов великий Лафонтен.

Яркие образцы философско-дидактической словесности представляют собой древнеегипетская афористика («Поучение Птаххотепа», «Поучение Аменемопе»), арабская философско-аскетическая лирика VII-XII вв. (Абу Нувас, Абу-ль-Атахия, аль-Маарри), ирано-таджикские трактаты и поэмы (Санаи «Сад истин», Саади «Бустан», «Гулистан», Джами «Весенний сад»). Назидание и поучение – один из основных элементов Библии. К ветхозаветным текстам библейского канона религиозно-дидактического характера относятся Притчи Соломона, Экклезиаст, книга Иова. Наставления широко представлены в Новом Завете (Евангелия). Памятниками, содержащими морально-назидательный элемент, являются древнерусские «Поучение» Владимира Мономаха, «Домострой».

Жанровый спектр дидактики весьма широк. Универсальные аллегорико-дидактические жанры – басня и притча. Большой пласт в мировой художественной культуре образует дидактическая афористика. Поучительным и философско-дидактическим элементом насыщены многие произведения эпической повествовательной формы: роман (Б. Грасиан «Критикон»), повесть («Повесть о Варлааме и Иоасафе», Вольтер «Кандид, или Оптимизм»), рассказ («народные рассказы» Л. Н. Толстого), новелла (У. Акинари «Рассуждение о бедности и богатстве», Сервантес «Назидательные новеллы»). Из лирических и драматических произведений в назидательном ключе нередко создавались оды и послания, а в средневековой Западной Европе – светские пьесы – моралите и религиозные – мистерии и миракли.

Особенно широкое распространение дидактические жанры получили в древней и средневековой литературе. В средневековой арабской лирике был популярен жанр зухдийят. Специфическими жанрами дидактики в средневековой западноевропейской литературе являются, например, такие, как «зерцало», «бестиарий», «пример» (exempla) и некоторые другие.

Exemplum («пример») (лат. *exemplum* – пример) – термин, применяемый для обозначения религиозно-дидактического жанра средневековой словесности Западной Европы (XII – XV вв.), обращенного к непросвещенной и малообразованной публике. «Примеры», представлявшие собой короткие рассказы, чаще всего включались в проповеди с целью преподнести пастве наглядный душеспасительный урок. Они записывались на латыни, а с XIV века и на народных языках. В *exempla* использовался материал древних легенд, хроник, житий, Библии, бестиариев, народных сказаний, басен и анекдотов. «Примеры» включались в последнюю часть проповеди, когда требовалось оживить притупившееся внимание слушателей. Обычно они сопровождались «моралите», то есть нравоучительным толкованием, в котором раскрывалось, что персонажи и их поступки – это символы церкви, Христа, странствия души в миру и ее спасения. Составители сборников *exempla* понимали, что не отвлеченными поучениями, а конкретными, не лишенными занимательности рассказами, насыщенными повседневно-жизненным материалом, можно привлечь внимание и умы малообразованных людей. Поэтому они особенно охотно использовали анекдоты, наиболее близкие и понятные для простолюдинов. Игровая природа анекдотов как нельзя лучше соответствовала поэтике жанра «примера». «*Exempla*, – отмечает в своем обстоятельном исследовании этого жанра А.Я. Гуревич, – короткие рассказы, анекдоты имели дидактическую, морализаторскую направленность, должны были учить, назидать, внушать отвращение к греху и приверженность к благочестию». «Эти цели – пишет А.Я. Гуревич далее, – достигались не посредством отвлеченных, общих рассуждений, а преимущественно при помощи демонстрации конкретных казусов, случаев из жизни, чудесных происшествий и древних легенд, рассказ о которых был рассчитан на то, чтобы вызвать изумление, восторг или ужас слушателей и читателей».

Среди наиболее интересных сборников *exempla* выделяются «Наставление клирикам» Петра Адьфонсо и «Граф Луканор» Хуана Мануэля. Эти произведения, написанные в средневековой Испании, имеют структурное сходство с «Панчатантрой» и являются первыми образцами европейского жанра, представляющего собой параллель к восточной «обрамленной повести». Как и в «Панчатантре», важнейшие структурообразующие элементы испанских сборников *exempla* – это, во-первых, обрамление, а во-вторых, вставные рассказы, называемые «примерами». В прологах к сборникам указано их предназначение. Так, в книге «Граф Луканор» говорится, что она была написана с целью «научить людей, как они должны блюсти свою честь, увеличивать богатство, умножать свое состояние и вступать на путь спасения души». Приблизительно те же задачи ставил перед собой и автор «Наставления клирикам». Аналогично «Панчатантре» в сборниках мотивировано введение вставных рассказов-примеров, повествующих как о действительных, так и о необыкновенных событиях, которые, тем не менее, предназначены восприниматься как реальные, воздействуя на разум и моральное чувство читателя. В «Наставлении клирикам» поучительные примеры приводит философ, наставляющий своего сына на путь истинный в соответствии с христианской

моралью. В «Графе Луканоре» их рассказывает мудрый Патронио, к которому в трудных жизненных случаях обращается за советом граф Луканор. Рассмотрим структуру вышеуказанной книги, ее жанровые особенности.

Автор «Графа Луканора» испанский вельможа дон Хуан Мануэль (1282-1348) обладал редкой для своего времени образованностью. Он был не только писателем, но также политиком и воином, прожив полную бурных событий жизнь. Очень высоко оценивая силу знания, автор «Графа Луканора» считал, что это лучшее, чем может обладать человек. Дошедшие до нас произведения Хуана Мануэля в большинстве своем несут дидактический характер и являются ценным источником, дающим представление о нравах, правилах поведения, образе жизни в средневековой Испании. Среди них – «Книга примеров графа Луканора и Патронио», которая была завершена в 1335 году. Она состоит из нескольких частей, неравноценных по объему и значению. Первая часть, самая большая и значимая в содержательном отношении, представляет собой беседы графа Луканора со своим советником Патронио, человеком, имеющим немалый жизненный опыт и обладающим большой остротой ума и красноречием. Вторую, третью и четвертую части составляет преимущественно собрание мудрых изречений, подобранных к темам, которые обсуждаются в беседах графа и Патронио. Последняя часть – краткий морально-дидактический и теологический трактат.

Советы, преподанные мудрым Патронио иносказательным путем, в форме различных историй, объединены в первом разделе книги сюжетным обрамлением. Оно имеет простой, незамысловатый вид и представляет собой обращения графа к Патронио, в котором желающий получить полезный совет кратко характеризует ту или иную трудную жизненную ситуацию. Круг вопросов, подлежащих разъяснению, связан со сферой частной жизни и быта людей, их взаимоотношениями с родственниками, окружением друзей и недругов. Как и в «Панчатантре», сюжетное обрамление выполняет в «Графе Луканоре» композиционную и дидактическую функцию. Оно позволяет подчеркнуть назидательный характер «примеров» и сформулировать те моральные и религиозные принципы, которые этими «примерами» иллюстрируются. Обратившись к такому построению книги, Хуан Мануэль ориентировался на малообразованного читателя, не способного к усвоению знаний, изложенных в абстрактной и незанимательной форме. В прологе Хуан Мануэль сообщил, что написал «Графа Луканора» подобно тому, как поступает врач, «когда он хочет, чтобы больной принял лекарство, полезное для печени». Далее писатель разъяснил: «Зная, что печень любит сладости, они [врачи] примешивают к лекарству сахар, или мед, или что-либо в этом роде». «Печень, охотно принимающая сладкое вещество, вместе с тем усвоит и полезное лекарство. Так и со всяким другим членом нашего тела: необходимое для него снадобье всегда применяют при помощи вещи, которую он охотно притягивает к себе. Совершенно также, по милости божией, составлена и эта книга».

«Примеры», посредством которых показывается, как должно, или, напротив, не следует поступать в тех или иных жизненных ситуациях,

выражают этическое кредо человека, придерживающегося принципов благоразумия и практического смысла. Давая совет, Патронио почти всегда исходит из приоритета личной пользы графа, которая, однако, должна быть соблюдена без нарушения моральных и религиозно-христианских норм. Патронио учит быть благочестивым, предприимчивым, умеренным, осмотрительным во всех своих поступках и взаимоотношениях с людьми. В «примерах» изобличаются различные человеческие пороки: злословие, лицемерие, жадность, своеволие и др.

Большая часть из пятидесяти с лишним «примеров» не являются оригинальными сочинениями Хуана Мануэля. Писатель-моралист почерпнул их из разнообразных источников и, литературно обработав заимствованные сюжеты, придал им национальный колорит. В «Графе Луканоре» обнаруживается немало так называемых «странствующих» сюжетов мировой литературы, восходящих к восточным «обрамленным повестям», к басням Эзопа и Федра, хорошо известным во времена Хуана Мануэля по переложениям в средневековых сборниках. Книга «Граф Луканор» отражает духовный мир, стиль мышления образованного человека западноевропейского средневековья.

Назидательность – неотъемлемый компонент проповедей, житийной и апокрифической литературы, патериков.

Итак, дидактическая словесность – это совокупность произведений разных жанров, осуществляющая наставление, поучение, вообще информацию как художественную задачу. Дидактика может носить моральный, философский, религиозный, научно-познавательный характер. Нередко в дидактических произведениях сочетаются элементы морали и философского осмысления бытия, религиозно-мистические воззрения и наставления бытового характера.

2. Мудрость и ее трактовки.

Одна из трактовок мудрости принадлежит Аристотелю и составляет важнейший момент его этического учения. Древнегреческий философ рассматривает мудрость как добродетель и наряду с разумом, искусством, наукой, практичностью относит ее к «пяти путям» (принципам) достижения души истины (Аристотель. *Этика* (К Никомаху)). В его определении «мудрость есть знание и разумное понимание наиболее важного в природе». Она не тождественна практичности, «ибо если назвать мудрость знанием того, что полезно самим себе, то будет много «мудростей»; ведь ни одна не охватывает блага всех животных, а для всякого блага иная...».

Немецкий философ Н. Гартман в своей «Этике» определяет мудрость как «проникновение чувства ценности в жизнь, в любое чувствование вещей, во всякое действие и реагирование вплоть до спонтанного «оценивания», сопровождающего каждое переживание; всегда лежащая в основе образа действия практического сознания его связь с ценностью».

В Толковом словаре русского языка, составленном С.И. Ожеговым и Н.Ю. Шведовой, мудрость – это «глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт». Данная трактовка весьма популярна и в ходу в обыденной сфере жизни людей. Более того, «разум и мудрость, хитрость и мудрость в бытовом сознании часто сближаются».

Глубокий нравственный смысл заключен в понимании мудрости В.И. Далем. В его Толковом словаре живого великорусского языка мудрый – это «основанный на добре и истине; праведный, соединяющий в себе любовь и правду; в высшей степени разумный и благонамеренный».

Роберт Б. Й. Скотт, прослеживая историю смыслового обогащения слова мудрость в контексте традиции школы еврейской мудрости, заключает, что оно «обретает смысл «искусства жизни», особой выучки жить в равновесии с моральным законом мира». Ученый выделяет следующие уровни в библейском понимании мудрости: «На одном уровне это – разум и проницательность, на другом – это благомыслие, здоровое суждение и моральное разумение. «Мудрость разумного – знание пути своего» (Притч 14:8). На третьем уровне мудростью является способность осмыслить более глубокие проблемы человеческой судьбы и бытия. «Купи истину и не продавай мудрости и учения и разума» (Притч 23:23). Мудрость, таким образом, оказывается стяжанием смысла бытия и религии. «Но где же мудрость обретается? – вопрошает книга Иова. – Скрыта она от очей всего живущего... Бог знает путь ее, и Он ведает место ее» (Иов 28: 12, 21, 23). «Всякая премудрость от Господа и с Ним пребывает вовек», – подтверждает Сирах (1:1). Поиск высшей мудрости приводит к двуединому убеждению в том, что, в конце концов, мудрость приходит к человеку лишь в качестве Божественного дара и она соприсуща самой природе Бога». Прославленная в веках необыкновенная мудрость (премудрость) израильского царя Соломона, которому в легендарной традиции приписывается авторство книги Притч, была, согласно этой традиции, получена им от Бога.

В библейской аксиологии высшая мудрость (премудрость) выступает как «ценность сакральная, где ее нет – там грех». Согласно учительной концепции Книги Притч Соломона, «начало мудрости – страх Господень»; глупцы только презирают мудрость и наставление» (СП 1:7). Как замечает С.С. Аверинцев, «константой традиции, о которой мы говорим, остается нерасторжимое единство сакрального интеллектуализма, предполагающего, что праведность – неперемное условие тонкости ума, но и тонкость ума – неперемное условие полноценной праведности». В Притчах Соломона грешник противопоставлен праведнику, а персонифицированный образ Премудрости – своему «злому двойнику» (С.С. Аверинцев), «чуждой жене», «прелюбодейке» («ложной Премудрости»).

В отличие от Притч Соломона, в дидактической концепции которых «учение мудреца – источник жизни; оно сберегает от сетей смерти» (СП 13:14), книга Екклесиаст проникнута духом сомнения, скептической мудростью, выразившейся в знаменитом лейтмотиве «суеты сует». Если Притчи Соломона, как об это пишет Роберт Б.Й. Скотт, представляют консервативную, охранительную тенденцию в литературе, выработанной школой мудрости, то Екклесиаст – «критичен, (даже радикален) в своем отношении к общепринятым верованиям; он спекулятивен, индивидуалистичен и, вообще говоря, пессимистичен». «Все – суета и томление духа». Этот главный вывод в книге распространяется и на мудрость как одно из проявлений духовной жизни человека. Ее приобретение не дает возможности изменить существующий порядок вещей и только усиливает

внутреннюю неудовлетворенность человека, его страдания от осознания невозможности достичь желаемого: «Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл 1:18).

Из сказанного выше следует, что «библейская мудрость»: во-первых, выражена в основном в гномической форме, состоящей из кратких изречений и притчей; во-вторых, не сводится к одному значению и заключает в себе разные смыслы: от проницательности и просвещенного божественным откровением разума до того, что на языке Екклезиаста есть «суета и томление духа». В Притчах Соломона, представляющих консервативную учительную тенденцию, аксиологический авторитет мудрости огромен. В книге Екклезиаста мудрость – ценность относительная, и полное обретение ее сомнительно, не в силах человека: «...я сказал: «буду мудрым»; но мудрость далека от меня. Далеко то, что было, и глубоко – глубоко: кто постигнет его?» (Еккл 7: 23, 24). В представлениях о мудрости в учительной традиции народа Ветхого Завета выражены особенности его мировоззрения и веры. В Притчах Соломона, Премудрость, по словам С.С. Аверинцева, в определенном смысле – это «момент монотеистической мысли: посредничество между Творцом и Творением, как ряд аналогических библейских понятий». «Христианство, – замечает ученый, – добавило к ним еще одно: Церковь...» [9, с. 21].

В Новом Завете «мудрость человеческая» («мудрость века сего») в сравнительной оценке с «премудростью Божией» предстает как антиценность, «безумие пред Богом» и суета: «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: «уловляет мудрых в лукавство их». И еще: «Господь знает умствования мудрецов, что они суетны» (1 Кор 2: 19, 20).

Понимание мудрости (премудрости), заключенное в Новом Завете, получило углубленное истолкование в православном святоотеческом учении, в сочинениях церковных писателей, где мудрость как добродетель тесно связана с идеалами христианского смирения, праведности и любви к ближнему. В святоотеческой православной традиции «мудрость плотская» («суетная, внешняя, земная, дольная, мудрость мира сего») противопоставлена «мудрости (премудрости) духовной» (истинной, небесной). В толковании последней подчеркивается ее сотериологический, душеспасительный смысл. Так, согласно святителю Василию Великому, «истинная мудрость – родовая добродетель, познающая добро и зло, и что безразлично, и что мы должны делать, и что избегать, полагая основанием камень веры во Христа». Приобретение мудрости земной в сотериологическом смысле бесполезно: «Плотская мудрость во многих упражняется умствованиях неполезных, в некоторые входит тонкости, которые только и могут, что потемнять настоящую истину». Мудрость и смирение в святоотеческой традиции в принципе не различаются, соединяясь в понятии «смиреномудрия» как важнейшей христианской добродетели, противопоставляемой самой пагубной страсти и греху из грехов – гордости (гордыне). Смиреномудрие – истинная мудрость, евангельский образ чувств и мыслей; гордость – порождение лжи, «прелести» («ложная мудрость», дьявольская мудрость»). Однако в святоотеческой психологии гордость –

не только «бесовское изобретение», но и душевная болезнь, имеющая ряд симптомов, одним из которых является так называемое «высокоумие», а также безумие («помрачение ума»). Суть смиренномудрия и гордости, например, выражена посредством растительной аллегорезы в притче, приведенной в одном из Слов «Лествицы» преподобного Иоанна Лествичника: «Естественное свойство лимонного дерева таково, что оно, будучи бесплодно, поднимает ветки кверху, а когда оные наклоняет, то они скорее бывают плодоносны. Разумно познавший уразумеет сие». «Высокомудрие» близко по смыслу «суемудрию», которое есть бесплодное, бесполезное умствование. Проявления «суемудрия» – «суесловие» (пустословие), многословие («многоглаголение»), отрицательное отношение к которым отражено и в произведениях мировой народной мудрости, особенно в пословицах и поговорках (мирских или народных притчах).

Специфика мудрости как концепта более всего проявляется, на наш взгляд, через такую характеризующую ее пару антагонистических абстракций, как «истина – ложь». Их смысловое наполнение вариативно и зависит от той «идеосферы», в которую они включались. Религиозная и обыденная трактовки мудрости иногда расходятся, что выражается, например, в таких смысловых образованиях, как «нравственная мудрость» и «житейская мудрость». Во многих религиозных традициях человечества мудрость разъясняется в качестве ценности нравственного мира человека, проявления высших духовных сил и способностей. В канонических текстах буддизма, излагающих учение Будды Гаутамы (Джатаки, «Сутта-Нипата») мудрость фактически тождественна нравственности. Будда Гаутама – величайший Мудрец, поскольку он достиг нравственного совершенства. «Истинновсепросветленному» (один из многочисленных титулов учителя Мудрости в каноническом буддизме) не случайно противопоставлен Мара, бог-искуситель, обманщик, олицетворяющий мирские наслаждения и власть.

Житейская мудрость не всегда вводится в сферу нравственности, а в некоторых случаях вообще не подразумевает наличие нравственного смысла. В большей мере она связана с обыденной сферой сознания и жизни людей, с накопленным в этой сфере опытом разносторонних наблюдений. Это, как правило, практическая мудрость, опирающаяся на здравый смысл (благоразумие) и долголетнюю жизненную практику («знание жизни»). В древнеиндийской дидактической традиции, например, кладезем такой мудрости является «обрамленная повесть» «Панчатантра». Характер полезной поучительности носит древнеегипетская афористика, ряд наставлений из Притч Соломона и многие другие дидактические тексты древности и средневековья. Житейская мудрость нередко трактуется в них в тесной связи с осмыслением счастья. По мнению А.Шопенгауэра, житейская мудрость и есть «искусство провести жизнь по возможности счастливо и легко». Свою «теорию» философ называет «эвдемологией», так как она «имеет целью научить счастливой жизни».

Богатый опыт житейской мудрости сконцентрирован в баснях, в народных пословицах и поговорках. Что касается нравственной мудрости, то она, в значительной степени содержится в притчах многих религиозно-

мистических традиций (буддийские, библейские, христианские, суфийские притчи). Многоликость мудрости проявляется в совокупности характеризующих ее устойчивых определений (житейская, плотская, божественная, народная, буддийская, восточная, библейская и др.). Каждый из видов мудрости функционирует в определенной «идеосфере», представляя для ее носителей духовную ценность. Разные «идеосферы» порождают различное, а иногда и полярное, понимание «мудрости» и соответственно «лже-мудрости».

Ярким примером нетрадиционного, подчеркнуто индивидуалистического подхода к истолкованию этой оппозиционной пары является учение Ф. Ницше о «сверхчеловеке», в философско-иносказательной форме изложенное им в книге «Так говорил Заратустра». «Мудрость» – одно из самых часто повторяемых слов на протяжении всего текста произведения. Причем, это не столько слово, сколько слово-образ, а в определенном контексте и слово-притча, содержание которых выражается через совокупность таких определений, которые не закреплены в качестве типичных для характеристики мудрости («безумная», «дикая», «веселая», «унылая», «недоверчивая», «львица-мудрость»). Призывающий к разбитию «скрижалей ценностей добрых и праведных», поэтический персонаж книги Ф. Ницше предстает как обладатель особой, «безумной мудрости». Отвергая мудрость «учителей добродетели» и народа, которая в его понимании есть «лже-мудрость», гордый одиночка Заратустра, называющий себя «другом злых», приходит к выводу о том, что «мудрец тот же безумец» («Праздник осла»).

Итак, под мудростью следует понимать:

- 1) религиозно-нравственное качество, добродетель, взаимодействующая с другими добродетелями (в библейской учительной традиции – благочестие, в православном святоотеческом учении – «смирennemудрие»);
- 2) интеллектуальная и нравственная ценность, выступающая основой «искусства жизни» и достижения «счастья»,
- 3) глубокомыслие (с обыденной точки зрения нередко и хитроумие), а также проницательность («сердцеведение»), которые опираются на большой жизненный опыт («знание жизни», «мирская искушенность»);
- 4) проявление «премудрости Божией» в духовной природе человека, «момент монотеистической мысли» (С.С. Аверинцев);
- 5) метафизическая и этическая абстракция, противопоставляемая такому же отвлеченному мысленному образованию, как «лже-мудрость»;
- 6) высшая духовная способность, развитая разумная сила, выражающиеся в осознании ценности жизненного существования, в различении блага и вреда, добра и зла.

3. Притча – жанровая кристаллизация и сокровищница духовной мудрости человечества.

Наряду с басней притча является универсальным дидактико-аллегорическим жанром словесного искусства. Ее становление обусловлено стремлением к просвещению людей нравственными законами, опытом духовной мудрости. Классические образцы притчевого жанра связаны

с этической и психотерапевтической практикой зародившихся в глубокой древности религиозных учений.

Классической притче, оформившейся как жанр, главным образом, в контексте религиозно-идеалистических учений Востока, чаще всего свойственны антигедонистическая направленность, утверждение аскетического принципа жизнеустройства. В словесном искусстве притчу как жанр кристаллизуют принципы нравственной мудрости, своими истоками уходящие в мир религиозных учений. Произведения, представляющие классику притчевого жанра, разъясняют смысл и назначение высших нравственных принципов. Притчевую мудрость можно определить как «мистическую», «сокровенную», «не от мира сего», поскольку она глубоко проникает лишь в сознание верующих. Устойчивое действующее лицо многих духовных притчей – Мудрец (мудрый Учитель, Наставник, старец, царь, советник). Нередко он – носитель идеальных внутренних качеств, хранитель Знания, имеющего особую духоносную значимость для верующих.

В притчах суфийского происхождения (суфизм – мистико-аскетическое движение в исламе) его принято называть дервишем. Суфий-дервиш – духовидец, бескорыстный, кроткий, самоотверженный человек. Состояние смиренной пассивности, созерцательность, отречение от мирских благ характерны для персонажей древнекитайских притчей. Аскетическая духовность – самая примечательная черта Бодхисаттвы, главного действующего лица буддийских притчеподобных повествований – Джатак.

С давних времен притча служила традиционным материалом обучения в практике разных духовных дисциплин Востока. Посредством ее даже самое отвлеченное знание становилось понятным для непросвещенных умов. Не случайно притчевая форма словесного искусства пользовалась особым почитанием у религиозных проповедников, выступая устойчивым компонентом их речей. После рассказанной на Галилейском Озере притчи о Сеятеле Иисус Христос на вопрос учеников: «Для чего притчами говоришь им?» ответил: «Для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано... Потому говорю им притчами, что они видя, не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» (Матф.13: 10-13).

Отличительная особенность притчи – отсутствие у нее четких жанровых границ. В определенном контексте в роли притчи могут выступать сказка, легенда, пословица, метафорический оборот. Так, в истории художественно-эстетической мысли библейский миф нередко истолковывается в притчеподобном ключе, как иносказание, иллюстрирующее идею слабости человека, его склонности к пороку. Теологема о грехопадении положена в основу романа У. Голдинга «Повелитель мух», который англоязычные исследователи называют притчей о падении человека, о его первородном грехе.

Книжной традицией многих народов в качестве особого варианта притчевого жанра рассматривается мудрое изречение пословичного типа («Премудрость Ахикара» (Сирия, VII в. до н. э.), «Книга притчей Соломоновых» (Библия) и др.). Притча-изречение была одной из самых популярных форм в «учительной» литературе Древней Руси.

В истории мировой литературы к жанровым возможностям притчи чаще всего обращались писатели-моралисты, в творчестве которых была отчетливо выражена дидактическая тенденция (Саади «Бустан», Б. Грасиан «Критикон», Г. С. Сковорода «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни», «Убогий жаворонок», Л. Н. Толстой «Исповедь», «народные» рассказы и др.). В XX веке традиция притчевой мудрости Востока получила органичное продолжение в творчестве арабо-американского писателя-мистика Дж. Х. Джебрана. В его притчах, изящных по форме, запечатлен уникальный опыт духопознания и горестно-трагедийные размышления о человеческой участи в суетном и жестоком мире. Элементы жанровой структуры притчи, притчеподобность обнаруживаются в произведениях ряда других писателей, художественное мышление которых характеризуется ярко выраженными философичностью и мистицизмом (Р. Бах «Чайка по имени Джонатан», Г. Гессе «Поэт», «Лесной человек», «Игра в бисер», А. Ким «Отец-Лес» и др.).

4. Отличие притчи и басни.

Басня – один из древнейших жанров дидактической литературы. Это, как правило, краткий аллегорический рассказ в стихах или прозе с назидательным выводом в прямой или завуалированной форме. Родоначальником басенного жанра считается полупоэтический мудрец Эзоп (VI в. до н. э.). Его басни, написанные прозой, предельно кратки и схематичны и напоминают геометрические доказательства с моралью в качестве вывода. В них четко выделены три части: поступок персонажа, его результат и назидание, вытекающее из сопоставления поступка и результата. Мораль эзоповой басни пессимистична. Она обобщает опыт разносторонних житейских наблюдений, выражая очевидные и неизменные истины: страсти пагубны, злой не станет добрым, слабый – жертва сильного, надежда обманчива, добродетель и благородство, как правило, не свойственны людям, поступки которых определяются чаще всего корыстными побуждениями. Зная все это, следует усмирять желания, быть скромным, довольствуясь тем, что отмерено судьбой. Стихотворные переложения басен Эзопа на латинский язык были сделаны в I в. н. э. римским поэтом Федром. Они послужили источником сюжетов для последующих баснописцев. У Федра и его европейских последователей басня превратилась в стихотворный жанр. Наряду с мотивами, восходящими к Эзопу, источником общеизвестных басенных сюжетов является «Панчатантра».

Выдающиеся баснописцы – Ж. Лафонтен, И. Крылов – обновили басню, обогатили этот жанр, придав ему яркую стилевую оригинальность. В отличие от своих античных предшественников, с характерным для их произведений схематизмом, Ж. Лафонтен создал лирическую басню. В ней выражен уникальный внутренний мир самого автора, его наблюдения за жизнью и людьми. Басни Лафонтена представляют собой живописные, насыщенные диалогами, остроумные стихотворные повествования. Классик басенного жанра – И. Крылов. Кроме него в России было немало талантливых баснописцев (А.П. Сумароков, И.И. Дмитриев и др.). Однако ни один из них не достиг в своем творчестве той оригинальной простоты и

афористической меткости стиля, которые составляют непревзойденные достоинства крыловских басен. Это поэтичные занимательные сценки, передающие живость и богатство народной речи. В них отразился уравновешенный, добродушный нрав автора, а также его христианско-православное мироощущение. Неотъемлемые свойства крыловских басен – юмор и скромная, ненавязчивая поучительность.

С середины XIX века популярность басенного жанра резко снизилась, что отчасти связано с консервативностью его идеологии и форм ее выражения. На протяжении долгих столетий басня почти не подверглась значительным структурным изменениям. Со времен Эзопа она сохранила двухчастную композицию, закрепленный традицией постоянный круг персонажей. Повествовательная часть басни аллегорична. В качестве персонажей в ней выступают чаще всего животные, реже – схематичные фигуры людей и мифологических героев, растения и неодушевленные предметы. Постоянство аллегорезы – один из главных элементов, определяющих структуру басенного жанра. Наиболее частое обращение к животным объясняется, возможно, тем, что они обладают закрепленными за ними определенными чертами человеческого характера. Так, басенной традицией за лисой закреплена хитрость, волк воспринимается как средство иносказательного изображения сильного и жестокого человека, змея – злобного и коварного, осел – глупого, ягненок – кроткого и беззащитного и т. д. Употребление в басне звериных образов исключает их описательность, способствуя лаконичности повествования. А.А. Потебня по этому поводу замечает следующее: «Третье свойство образа басни, вытекающее из ее назначения, это то, что она, чтобы не останавливаться долго на характеристике лиц, выбирает такие лица, которые одним своим названием достаточно определяются для слушателя, служат готовым понятием. Как известно, в басне пользуются для этого животными... Практическая польза для басни от соблюдения такого обычая может быть сравнена с тем, что в некоторых играх, например в шахматах, каждая фигура имеет определенный ход действий: конь ходит так-то, король и королева так-то, это знает всякий приступающий к игре, и это очень важно, что всякий это знает, потому что в противном случае приходилось бы каждый раз уславливаться в этом, и до самой игры дело бы не дошло».

Вторая часть басенной композиции – вывод-мораль. Это основная поучительная мысль, сформулированная в концовке басни, реже – в ее начале. Мораль выражена в лаконичной форме, сближаясь с пословицами и сентенциями.

Почительность басни носит ярко выраженный утилитарный характер. Ее назначение заключается в утверждении разумных начал жизни и общеморальных правил. Басня оценивает внешний мир с точки зрения «должного» и «недолжного», «допустимого» и «недопустимого». Она представляет собой один из способов познания природы человека и житейских отношений и служит для того, чтобы показывать людям вред пороков и пользу благоразумия. Согласно Эзопу, басня направлена против человека грубого и глупого. Басенный антиидеал – неблагоразумный человек. Идя на поводу у своих страстей, он позволяет нечестным людям

использовать себя в качестве орудия для достижения их низменных целей. Такой человек обречен на страдание и гибель по собственной глупости и легкомыслию.

Притча во многом сходна с басней. Оба жанра выполняют этико-регулятивную функцию и закрепляют за собой аллегорический тип образности. Однако в отличие от басенной морали, имеющей характер полезной поучительности и обобщающей аподиктическую мудрость обыденной сферы человеческого бытия, притча связана с наиболее абстрактным слоем морального сознания, соотносимым с понятием нравственного идеала. Басенную дидактику определяют правила житейской мудрости, притча соотносится с категориями возвышенного и мистического. В ней с давних времен находят концентрированно-иллюстративное выражение идеи нравственного должностования, представления духовных гениев, мудрецов о добре и зле, свободе и бессмертии. В литературах разных национально-литературных эпох произведения этого жанра составляют классику душеполезного чтения. Идея альтруизма и аскетической духовности особенно ярко выражена в буддийских и христианских притчах. В них проповедуются нравственные ценности, милосердное отношение ко всему живому. Богатство мистического опыта запечатлено в притчах мудрецов Древнего Китая и мусульманского Востока.

В притче говорится о вечных ситуациях, в которых оказываются люди, о вечных пороках человеческих и вечных проявлениях добра. Сюжеты притч проникнуты нравственным содержанием и наделены глубиной смысла. Притча понимается человеком по его сознанию. Вдумчивого читателя или слушателя она приводит к пониманию истины и обретению духовного знания. Мудрые притчи можно сравнить с катализаторами, поскольку они ускоряют духовную реакцию, связанную с обогащением нашего приземленного сознания духовной мудростью и нравственным опытом человечества.

Архиепископ Иоанн Шаховской писал о роли притчей как проводников «благодати вечных ценностей в души и сознание людей». То есть притчи формируют позитивную духовность.

Если басня заключает житейскую мудрость, то притча – духовную мудрость. Притчи переориентируют сознание человека на духовные ценности. («Брать и давать», «В лавке у Бога» и др.). Сознание персонажей притч приземленное, притча и раскрывает недостаточность развития духовной природы, которую представляют данные персонажи.

Яркий образец притчи, иллюстрирующей христианское отношение к человеку (ближнему), – Евангельская притча о Милосердном Самарянине.

В становлении жанра притчи в литературе первостепенная роль принадлежит фактору религиозно-этического значения. Примечательным является тот факт, что притча пользуется особой популярностью именно в те культурные эпохи, когда искусство выступает в значительной мере в качестве средства, подчиненного морально-религиозной форме сознания (Древний Восток, христианский и мусульманский мир средневековья). Наиболее плодотворно эта художественная форма развивается в контексте освященной гуманистическими заповедями философско-этической мысли

древних мировых религий и их течений (Джатаки (буддизм), «Чжуанцзы» (даосизм), Евангелие (христианство) и др.).

В притче находят выражение такие общие для большинства духовных концепций нравственные принципы, как:

1. идея добра, закон непротивления злу насилием;
2. осуждение порока, аскетизм;
3. бескорыстный поиск истины, познание глубинного смысла явлений, нравственное самосовершенствование.

Поскольку жанр, согласно одному из авторитетных утверждений, «как и всякая художественная форма, есть отвердевшее, превратившееся в определенную литературную конструкцию содержание», то жанр притчи, следуя этому утверждению, представляет собой кристаллизацию перенесенных в сферу художественного творчества идей религиозной нравственности. Основу притчевой топики составляет инвариантный мотив ценностного приоритета духовного начала жизни перед телесным. Абсолютизация значимости духовного обусловлена характерными для религиозно-идеалистического сознания Востока принижением земного существования человека и культивированием онтологически-трансцендентных идеологем (буддийская нирвана, христианское Царство Небесное др.). Именно поэтому древняя духовная притча, имеет, как правило, антигедонистическую направленность, а ее сокровенный подтекст связан с трансцендентным пониманием смысла бытия, с поисками освобождения от зла, смерти и страданий жизни за ее пределами. Притча аккумулирует в себе опыт духовного и мистического знания, и этим отличается от басни, ориентирующейся на земную, обыденную мудрость, а не на отвлеченные принципы. Даже когда речь идет о повседневном, притча стремится представить его в философском измерении. Она тяготеет к глубокой премудрости, как это характерно для библейской Книги Притчей Соломоновых, в которой самые утилитарные назидания переплетаются с нравственно-возвышенной дидактикой. Тип содержания и дидактики определяет, главным образом, дифференциацию басни и притчи в процессе их жанровой эволюции в литературе. Басня развивается как жанр с подчеркнуто-моралистическим заданием, перерастающим зачастую в сатирическое обличение типичных человеческих и общественных пороков. Притча на протяжении долгого времени эволюционирует в религиозном направлении, переходя впоследствии в «большую» литературу и выступая в ней одной из элитарных моделей построения произведений философско-этического, интеллектуального типа проблематики.

Для притчи, оформившейся как жанр в контексте разных религиозно-дидактических учений, характерно утверждение аскетического принципа жизни, психологии странничества и альтруизма. Богатство, чувственные удовольствия, почести и другие временные блага чаще всего соотносятся в ней с грехом, пороком, нарушением нравственных законов. Грех стяжания, например, разоблачает в одной из своих притчей Христос («О любостяжательном богаче, у которого был большой урожай в поле»). Он показывает в ней, что жизнь человека не зависит от изобилия его имения. «Ядовитым змеем» называет золото другой великий духовный Учитель

человечества – Будда Гаутама (притча «О пахаре и найденном им слитке золота»). Идея преходящей значимости вещественного лежит в основе притчей из «Повести о Варлааме и Иоасафе» («О трех друзьях», «О царе на один год» и др.). Древняя духовная притча способствует переориентации обыденного ума на более высокие и истинные ценности, учит людей жить в соответствии с нравственными законами и избегать низменных страстей. Испытав в своей жизни все земные удовольствия и не найдя в них покоя и истинного счастья, мудрый Экклезиаст, выражая «сущность всего», заключает: «... бойся бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека; Ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо» (Эккл. 12: 13-14). Аксиологический приоритет внутреннего перед внешним, духовного перед материальным выступает, пожалуй, самой примечательной и своего рода уникальной чертой содержания притчи. В те культурные эпохи, когда религия не является доминирующей или авторитетной формой общественного сознания, а искусство носит светский, свободный от религиозного мироощущения характер, к жанру притчи чаще всего обращаются писатели, творчество которых отличается ярко выраженным дидактизмом и антигедонистической направленностью. Авторы, использующих в своих произведениях формально-содержательные особенности древней духовной притчи (Б. Грасиан, Г.С. Сковорода, Л.Н. Толстой и др.) объединяет общность нравственно-психологического отношения к «миру» как к жизни человеческой, в которой над принципами ограничения низменных явлений преобладают суетные страсти, погоня за чувственными удовольствиями и развлечениями. «Мир» наделяется самыми негативными персонифицированными свойствами: алчностью, сладострастием, тщеславием, жестокосердием и др. Он заманивает человека обманными прелестями и кратковременными радостями, превращая последнего в раба своих низменных вожделений. «Миру» внешнему с его многочисленными соблазнами противостоит «мир» внутренний, соотносимый с человеколюбием, благочестием, кротостью, воздержанностью от низменных искушений.

Тема 2. Генезис притчи

1. Поэтика классической притчи.
2. Жанровые границы притчи. Структурные типы притчи.
3. Притча в древнерусской литературе.
4. Притчи в контексте романа Б. Грасиана «Критикон».

1. Поэтика классической притчи.

Наряду с басней притча закрепляет в литературе аллегорический тип образности. В ее создании проявляется способность человеческого ума к отысканию сходства между чувственно-конкретными созерцаниями и представлениями, связанными со сферой абстрактного. Так, евангельские притчи о Царстве Небесном – это развернутые аллегорические сравнения, в которых абстрактная сущность онтологически трансцендентного идеала уподобляется вещным образам земного мира. Непосредственно воспринимаемые реалии и явления иллюстрируют отвлеченное, сверхчувственное: «... подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое нашед человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет и покупает поле то» (Матф. 13: 44); «... подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода. Который, когда наполнился, вытащили на берег и севши хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон, так будет при кончине века: изыдут Ангелы и отделят злых из среды праведных. И ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов» (Матф. 13: 47-50) и др.

Ф. Бэкон отводит притче место в одном словесном ряду с басней, загадкой, символом, аллегорией и другими, содержащими в своей основе прием уподобления фигурами. Он считает, что фигуральный иносказательный язык служит для древних главным, наиболее простым приемом обучения, «ибо в то время ум человеческий был груб и бессилен и почти не способен воспринимать тонкости мысли, а видел лишь то, что непосредственно воспринимали чувства». По мнению Ф. Бэкона, «как иероглифы старше букв, так и параболы старше логических доказательств. Да и теперь тот, кто хочет в какой-нибудь области осветить людям что-то новое, и притом сделать это не грубо и труднодоступно, обязательно должен пойти по тому же самому пути и прибегнуть к помощи сравнений».

Среди первых форм художественного мышления рассматривает притчу Гегель. Он относит ее к развитому преимущественно в древневосточном искусстве типу символической образности. Согласно гегелевской трактовке, в основе притчи, а также близкородственных ей басни, пословицы и некоторых других формообразований, лежит «сравнение между собой всеобщего смысла и единичного случая». Притча, как и басня, «берет события из сферы обычной жизни, но придает им высший и более всеобщий смысл, ставя своей целью сделать понятным и наглядным этот смысл с помощью повседневного случая, рассматриваемого сам по себе». «Единичный случай», выступая «исходным пунктом для сравнения», заключает в себе важные, существенные для наглядного представления

«всеобщего смысла», т. е. отвлеченного положения, свойства. Классическими образцами наглядной передачи «всеобщего смысла» посредством «единичного случая» могут служить притчи Христа о Блудном сыне, о милосердном самарянине и др. В евангельском контексте они предстают в качестве примеров, поясняющих основополагающие идеи христианской этики.

Притчу как особое искусство слова выделяет в своем трактате-антологии «Остроумие, или Искусство изощренного ума» (1648) Б. Грасиан, писатель-моралист, видный представитель эстетики барокко. Он относит притчу наряду с басней к повествовательным жанрам «сложного остроумия». Суть остроумия, по Грасиану, состоит в самом широком смысле в искусстве сравнивать, в изобретательности ума. «Остроумие, – отмечает также Жан-Поль, немецкий писатель и теоретик искусства, – отыскивает отношение сходства, то есть частичного тождества, которое скрыто за преобладанием несходства». Иными словами, «остроумие в узком смысле слова отыскивает отношения несоразмеримых величин, то есть сходства между телесным и духовным миром (пример: солнце и истина)...». Самым простым видом образного остроумия Жан-Поль называет аллегорию. В концепции Грасиана притча как один из видов сложного остроумия оперирует аналогией аллгорий. В ее основе – уподобление отвлеченного конкретному, морального материальному. На остроумие как на необходимую основу притчи указывает Гете, когда в своем эссе «Западно-восточный диван» характеризует своеобразие художественного мышления восточных поэтов. Автор считает, что «для восточного поэта все предметы одновременны, он с легкостью сопрягает самые далекие вещи, поэтому он и приближается к тому, что мы именуем остроумием...».

Поскольку остроумная мысль предполагает лаконичную и изящную форму выражения, то притча должна быть занимательной и краткой. Данные свойства произведений этого жанра отметил выдающийся ренессансный просветитель Ф. Скорина. В его предисловии к библейской Книге Притчей Соломоновых сказано: «Притчи или присловия понеже иными словы всегда иную мудрость и науку знаменуют а иначей ся разумеють, нежели молвлены бывають, и болши в себе сокритых тайн замыкають, нежели ся словами пишутъ». Согласно другому скорининскому определению, ставшему благодаря своей лаконичной выразительности хрестоматийным, притча предстает как иносказание, в котором под обычным рассказом «сокрита мудрость, якобы мощь в драгом камени, и яко злато в земли, и ядро у вореху».

В классической притче передаются не столько реальные в своей конкретности события, явления жизни с ее преходящими страстями и муками, суетой и мимолетными радостями, сколько некие вневременные начала и истины, универсальное и неизменное. Такова, например, «Притча об инороге» из древневосточной «Повести о Варлааме и Иоасафе». Она имеет двухчастное построение, суть которого заключается в том, что во второй части каждый из аллегорических образов сюжета получает свое истолкование. Содержание притчи следующее. Человек, преследуемый разъяренным инорогом, падает в ров, но успевает схватиться за ветки дерева

и опереться на выступ рва. Осмотревшись, он видит двух мышей, черную и белую, подгрызающих корень дерева, огромного дракона на дне рва и четыре змеиные головы у своих ног. А с древесных ветвей капает мед, и человек, забыв об опасностях, тянется к нему. Инорог – образ смерти, преследующей всех людей; ров – мир, полный бед и опасностей; дерево, которое подгрызают мыши, – жизнь, снедаемая сменой дня и ночи; змеиные головы – четыре стихии, составляющие человеческое тело; дракон – образ ада, мед – наслаждения, которые отвлекают людей от мысли об их смертном уделе.

Подобно мифу и легенде, сказке и басне, притча относится к наиболее ярким жанровым проявлениям «вторичной» условности в фольклоре и литературном творчестве. Притчевый способ художественного моделирования чаще всего основывается на деформации реальности, на преднамеренном отклонении от внешнего правдоподобия. Основным принципом притчевой поэтики является абстрагирование. Притча моделирует действительность и человеческие отношения в обобщенно-трансформированной форме. В ней, по словам Д.С. Лихачева, «события не определены ни хронологически, ни территориально, по большей части нет прикрепления к конкретным историческим именам действующих лиц». Притчевые персонажи обычно безымянны, очерчены схематично и лишены характеров. Чаще всего они определяются по своему социальному положению (царь, крестьянин, купец и т. д.), занятиям, увлечениям и духовным поискам (ученый, отшельник, Учитель, искатель истины и т. д.). Излюбленным приемом притчи является добавление к социальным определениям героев эпитетов типа «некий» и «некоторый». Значительно реже, чем баснописцы, авторы притчей обращаются к опыту и возможностям животной аллегорезы. Иногда в роли действующих лиц могут выступать персонифицированные метафизические и морально-психологические абстракции – Истина, Ложь, Судьба, Смерть и др. (притча Б. Грасиана о значении Остроумия, пользующегося условным вымыслом для успеха истины, «Притча о Витязе и о Смерти»).

Суть притчи не в том, какой человек в ней изображен, а в том, какой этический выбор сделан человеком. По сравнению с басней, притча более интеллектуалистична. Она «дает ситуацию, и человек должен внутренне, как говорят, экзистенциально почувствовать эту ситуацию и найти свой ответ». В произведениях, тяготеющих к жанру притчи, более всего ценится изобретательность, тонкость самой человеческой мысли, а не объемность ее словесных форм выражения и украшения.

Притчевый сюжет, как правило, подчинен изначально заданной авторской идее, а его немногочисленные события развиваются с прямолинейной последовательностью и быстротой. Отчасти с временной динамикой происходящего связано отсутствие в притче описаний образов материального мира. В ней, по замечанию С.С. Аверинцева, «природа и вещи должны упоминаться лишь по ходу действия и по связи со смыслом действия, никогда не становясь объектами самоцельного описания, выражающего бескорыстно-отрешенную радость взгляда».

С давних времен притча имеет практическое назначение, и сфера ее применения определяется, в первую очередь, назиданием и этически-религиозным познанием, конечная цель которых состоит во внутреннем очищении и обогащении духовным опытом. Н.И. Прокофьев определяет притчу как «малый повествовательный жанр, в котором абстрагированное обобщение носит назидательный характер и утверждает моральное или религиозное наставление».

К поэтике классической притчи обращаются современные православные писатели (монах Варнава (Санин), Симеон Афонский и др.). В современной белорусской прозе жанр классической представляет произведение Анатоля Боровского «IX», проникнутое библейскими образами и реминисценциями. Ориентация автора притчи на библейские духовные ценности – одна из примечательных особенностей его мировоззрения, сформировавшегося в результате многолетней концентрации на постижении сакральной мудрости Книги Книг. Писатель выразил свое неприятие антидуховных явлений и тенденций в развитии современной цивилизации. Безымянный персонаж притчи, носитель черт христианского подвижника, проповедника-пророка и юродивого, противопоставляется грешникам безбожной страны. Божий избранник самоотверженно призывает «Садамовых и Гаморавых нашчадкаў» (Анатолий Боровский) к покаянию. Город в авторской идейно-художественной концепции воплощает мир под властью дьявола, бездуховное состояние отпавших от Бога людей. В осмыслении злободневных глобальных проблем современности Анатолий Боровский опирается на притчевый жанрово-стилевой принцип абстрагирования.

2. Жанровые границы притчи. Структурные типы притчи.

В ряде случаев притча не имеет четких жанровых границ. В определенном контексте в функции притчи могут выступать сказка, легенда (например, легенда-притча о Рогатой матери-оленихе в повести Ч. Айтматова «Белый пароход»), изречение.

Л.Е. Тумина отмечает, что «наряду с так называемой “классической притчей” существуют определенные разновидности этого жанра, содержащие дополнительные структурные элементы при сохранении основных жанрообразующих признаков притчи». Е.К. Ромодановской были выделены два структурных типа притч: притча-пословица и притча-повесть. Притча-пословица – это краткое непосредственное поучение, сводящееся по большей части к афоризму. Данный структурный тип притчи представляют, например, Притчи Соломона, Премудрость Сирахова. Древнерусские притчи-повести – повести об Агее, Димитрии Римском, об Андрее Критском, о царе Газии.

Л.Е. Тумина выделяет следующие критерии структурной классификации притч, выдвинутых учеными (Н.И. Прокофьев, Е.К. Ромодановская и др.):

- 1) способ толкования сюжета повествователем;
- 2) характер поучения в притче;
- 3) соотносительность притчи с другими жанрами, т. е. наличие в притчеобразном произведении элементов, характерных для других жанров.

Наиболее ярким образцом притчи-повести в древнерусской литературе является «Повесть о царе Аггее», которая, по мысли Е.К. Ромодановской, «сохраняет не только общие с притчей особенности построения сюжета (его заданность, подчинение обязательному, заранее определенному выводу), но и стилистику, прежде всего абстрагированный стиль повествования». Л.Е. Тумина определяет повесть-притчу как «структурный тип притчи, сохраняющий общие с его жанровым образцом принципы построения и стилистику, но включающий элементы, характерные для жанровой формы повести, а именно: обилие деталей, живых подробностей, внутренних речей действующих лиц, занимательность сюжета».

3. Притча в древнерусской литературе.

Слово «притча» имело различные значения в древнерусском языке. В «Материалах для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского» указаны следующие значения этого слова: уподобление, иносказание, доказательство, указание, пример, изречение, гадание, присловие, поговорка, посмешище, предмет пересудов, причитание, плач, неудача, беда, случай, случайность. Притчевать – намекать, притчник – составитель притч, притчествовать – говорить иносказательно, сокровенно.

Притча в ее разновидностях широко представлена в древнерусской литературе. Древнерусские притчи – классика душеполезного чтения, жемчужины духовной мудрости. Н.И. Прокофьев замечает: «Притчи всех разновидностей – и сюжетно-аллегорические, и краткие афористические, и пословичные – оказывали благоприятное влияние на воспитание душевной чистоты и нравственности народа. Они легко запоминались, прочно держались в сознании, побуждали к разумным деяниям и справедливости, несли советы прямые и аллегорические: как свято жить в обществе, в семье, как вести себя с друзьями и недругами; без унижения человеческого достоинства высмеивали пороки». По мнению Е.К. Ромодановской, «распространение притчи в древнерусской литературе несомненно воспитывало у читателя и слушателя умение видеть глубинный смысл “за текстом”, причем воспитывало не только конечным “толкованием”, в котором раскрывалось аллегорическое содержание рассказа, но и многочисленными ораторскими и публицистическими сочинениями на темы евангельских притч».

Притчи распространялись в составе летописей, Прологов, назидательных, нравоучительных слов, сборников изречений, поучительных бесед. Один из обширных переводных сборников изречений Древней Руси – «Пчела». Н.И. Прокофьев выделяет такие жанровые разновидности древнерусской притчи, как притчи-басни, притчи-пословицы, притчи-загадки, повести-притчи. Притче-басне посвящены исследования Р.Б. Тарковского. Художественное значение притч-пословиц показано в трудах В.П. Адриановой-Перетц. Промежуточное положение между притчей и басней занимают рассказы Физиолога, в которых персонажи-животные, иногда фантастические, описываются в привычной для них обстановке, но их повадки истолковываются в духе христианской символики. Притчами-загадками названы притчи-аллегии, лишенные назидательности. «Притча-загадка звучит на страницах вопросно-ответных сочинений (Беседа трех

святителей), где в аллегорической форме дается объяснение тому или иному явлению, предмету, случаю», – замечает Н.И. Прокофьев. Разновидностью древнерусской притчи-загадки являются загадки-игры, «где ум древнерусского книжника увлечен занимательными манипуляциями с числами (О царе-годе, Об имени Христофор) ». По мнению Л.Е. Туминой, «притча тесно связана с другими жанрами, прежде всего с басней, дидактической повестью и пословицей».

Особое место занимают притчи в «Повести о Варлааме и Иоасафе». Сюжет произведения таков: у жестокого индийского царя, идолопоклонника, преследователя христиан рождается долгожданный сын Иоасаф. Звездочеты предсказывают ему будущее христианского подвижника. Царь-язычник приказывает изолировать сына от окружающего мира, чтобы тот не смог узнать о христианстве. Божиим Промыслом об этом узнает пустынный Варлаам. Под видом купца он проникает во дворец и наставляет царевича в христианской вере, излагает догматические истины в виде притч. После многих испытаний Иоасаф уходит в пустыню к Варлааму для отшельнического подвига. Христианское подвижничество героев увенчивается посмертными чудесами и исцелениями на их могиле. Притчеобразный характер придают Повести вставные притчи: О трубе смерти и четырех ковчегах, О соловье и ловце, Об инороге, О трех друзьях, О царе на один год, О царе и разумном советнике. Широкое распространение получила в древнерусской литературе двучастная притча Об инороге. Варлаам рассказывает эту притчу после обличения тех, кто любит мир земной более, нежели будущую загробную жизнь, уподобляя их человеку, убежавшему от разъяренного зверя.

4. Притчи в контексте романа Б. Грасиана «Критикон».

Аллегорико-дидактический роман «Критикон» – вершина творчества испанского писателя-моралиста, видного теоретика искусства барокко Бальтасара Грасиана (1601-1658). Помимо этого романа Грасиан обрел мировую известность такими сочинениями, как трактат «Остроумие, или Искусство изощренного ума» и сборник афоризмов житейской мудрости «Карманный оракул, или наука благоразумия». В романе «Критикон» писатель в иносказательной форме выразил свои взгляды на природу человека, социальное устройство и культуру. В этом произведении наиболее ярко проявилась философско-назидательная тенденция литературы испанского барокко.

«Критикон» отличается очевидной дидактической направленностью. В предисловии автор сообщает читателю, что в одном сочинении предлагает ему обозрение всей человеческой жизни. Главным героем романа выступает человек как таковой, как существо антропологическое, обобщающее в себе все родовые качества человеческой природы и олицетворяющее ее во всей полноте. В «Критиконе» Грасиан воплощает свои эстетические принципы, изложенные им в трактате «Остроумие, или Искусство изощренного ума». Философия человеческой природы и социума выражена писателем в занимательно-игровой форме, посредством различных видов иносказания и вымысла. Особо значимую, организующую роль в идейно-художественной структуре романа играют развернутые уподобления и притчи, относимые

Грасианом к типам сложного остроумия. Вследствие этого и весь «Критикон» предстает как своеобразная многоплановая притча, снабженная развернутыми авторскими толкованиями и комментариями. Следуя своей эстетической концепции, Грасиан одновременно выступает в роли критически настроенного, поучающего моралиста и остроумного художника слова, развлекающего и занимающего читателя.

«Критикон» имеет четкую композицию. Произведение состоит из трех частей, каждая глава которой называется кризисом, что означает критическое суждение. Жизнь человека в ее биологическом и социальном ритме уподобляется писателем четырем порам года. В соответствии с этим определяются и три части романа: «весна детства и лето юности»; «осень зрелости, ее разумная, светская философия»; «зима старости». Содержание романа в общих чертах следующее. Испанец Критило в результате кораблекрушения оказывается на необитаемом острове, где встречает юношу-дикаря, выросшего на лоне природы и не знающего законов и условностей общественного устройства. Критило становится духовным наставником юноши, которого он нарекает Андриено. Герои покидают остров и совершают длительное путешествие по всем сферам человеческого общества и жизни. Остров выступает в романе моделью природного, досоциального бытия, совершенного творения Верховного Мастера. Грасиан противопоставляет его социуму, главным законом устройства которого считает всеобщую борьбу, исключаящую следование нравственным принципам. «Ты, счастливцев, – говорит Критило своему воспитаннику, – вырос среди зверей, я же, увы, среди людей, где всяк всякому волк, то бишь, человек, что еще хуже». «Дабы ты лучше понял, скажу, – добавляет он далее, – что, живя среди львов и тигров, мы подвергались лишь одной опасности – потерять жизнь телесную, бrenную, а кто живет среди людей, тому грозит намного больше опасностей и куда более страшных: утратить честь, покой, имущество, радость, счастье, совесть, даже душу». Свое пессимистическое представление о человеке Критило поясняет занятной притчей о человеческой жестокости и неблагодарности.

Обращение к притче, аллегорической сцене, подкрепляющими то или иное рассуждение героя, – устойчивый компонент художественной структуры «Критикона». На протяжении всего романа Грасиан проявляет неиссякаемую фантазию и блестящее остроумие, с помощью занимательных и нередко замысловатых аллегорий раскрывая сущность мира-социума. Этот мир, в соответствии с эстетикой барокко, предстает как «великий театр», а жизнь человеческая уподобляется трагедийному представлению. Несправедливость общественного устройства изображается писателем посредством аллегорий социальной пирамиды и Лестницы Жизненного Успеха. В показе всеобщего лицемерия Грасиан опирается на традиционный материал животной аллегорезы и олицетворений. Так, в столице «знаменитого короля Фальшемира» (Ч. 1, кризис VIII) герои встречают мужчин и женщин в разных звериных масках. При этом, замечает автор, «все предпочитали личины чуждые и даже противные своему нраву». И далее: «Лис надевал личину ягненка; змея – голубки; ростовщик – благодетеля; потаскуха – богомолки, таскающейся по богомольям; прелюбодей – верного

друга мужу рогачу; сводня – лекарки; волк – постника; лев – барана; вороватый кот римской породы – доблестного римлянина; осел – пока молчит – льва; бешеный пес, хватая кусок мяса, надевал личину улыбчивую. Словом, все маски были обманные и лживые».

Пороки и добродетели представлены в романе в олицетворенном виде, наподобие живых людей, совершающих свой выбор. Во время своего странствия Критило и Андриено становятся свидетелями ожесточенного столкновения между уродливой, но богато одетой Ложью и прекрасной нищенкой Правдой. Когда Андриено желает заступиться за избитую, поверженную Правду, его умудренный жизненным опытом спутник советует не делать этого, поскольку идти против Лжи, значит выступить против всего света.

Фабула «Критикона» целиком иносказательна. События и герои показаны в притчеподобной, обобщенно-трансформированной форме. Путешествие героев по социальному пространству – это модель пути каждого человека, его жизненных скитаний вплоть до Смерти. Путники проходят как через разные реальные государства, так и через фантастические страны, символизирующие всевозможные пороки и формы зла. В третьей части, например, герои посещают королевство Старости, дворец Гордыни, проходят через площадь Видимости. Как и в притче, главные герои «Критикона» предельно деиндивидуализированы, воплощая разные ипостаси человеческой натуры: естественную (Андриено) и культурную, благоразумную (Критило).

Злу и фальши, царящим в обществе, Грасиан-дидактик противопоставляет нравственные принципы, возлагая воспитательную миссию на культуру и искусство. В кризисе Чудеса Артемии писатель замечает: «Против изменчивой фортуны – высокий дух; против сурового закона – высокая мораль; против несовершенной природы – высокое искусство; и во всем – высокий разум». Последним пристанищем в жизненном странствии Критило и Андриено становится Остров Бессмертия, символизирующий Достоинство и добрые деяния, остающиеся в памяти потомков. Согласно Грасиану, только Добродетель и героическое Мужество открывают человеку путь в обитель Бессмертия, большинство же людей поглощает забвение, огромная пещера Ничто. Идеалом писателя является духовно совершенный человек, идущий своим путем и избегающий неисчислимых ловушек «Фальшемира». Такая позиция ставит «Критикон» в ряд редких и неординарных художественных произведений, обращенных, как и все творчество Грасиана, «к немногим аристократам духа».

Тема 3. Библейские притчи

1. «Книга Притчей Соломоновых».
2. «Книга Иова». Проблема теодицеи.
3. Евангельские притчи.
4. Притча о Блудном сыне, ее христианская трактовка и общечеловеческое значение. Мотив блудного сына.

1. «Книга Притчей Соломоновых».

Автором «Книги Притчей Соломоновых», согласно библейской традиции, был израильский царь-философ Соломон. О его мудрости в одной из ветхозаветных книг сказано, что она была «выше мудрости всех сынов Востока и всей мудрости египтян» (3 Цар. 4: 30). Книга Притчей Соломоновых создана в традициях литературы премудрости, пользовавшейся большой популярностью на Востоке. Ее сравнивают с древнеегипетскими сборниками «Поучение Аменемопе» и «Поучение Птаххотепа». Исследователи Библии отмечают «факт смоделированности одного раздела Притчей Соломона по образцу египетского текста Аменемопе». Поэтому название Книга Притчей Соломоновых не следует воспринимать как указание на авторство в современном смысле слова. Речь в данном случае идет о том, что сборник, вобравший в себя изречения разных мудрецов, освящен именем Соломона – великого философа, мудрость которого вошла в поговорку.

Книга Притчей Соломоновых, наряду с Экклезиастом и Книгой Иова, характеризуются разъяснением понятия мудрости как в религиозно-философском аспекте, так и в морально-этическом, вынесенном из внимательного наблюдения за повседневной жизнью. Центральная мысль Книги Притчей Соломоновых сосредоточена в сфере нравственной дидактики: что должен делать человек, чтобы уберечь себя от зла и пороков, как достичь совершенной жизни. Книга Притчей Соломоновых представляет собой свод этических рекомендаций, адресованных в большей мере юношеству. Нравственным идеалом сборника являются истина и мудрость. Им противопоставлены ложь и глупость.

Одна из особенностей Книги Притчей Соломоновых в том, что в ней житейские наставления перемежаются с похвалой Премудрости, предстающей в образе добродетельной и умной женщины. О мудрости (Премудрости) говорится, что она дороже серебра, золота и драгоценных камней. Господь создал ее прежде бездны, вод, земли и моря, она присутствовала при сотворении мира. Премудрость, таким образом, соотносена с божественной сферой. С этим понятием, концептуальным в сборнике, связаны все его религиозно- и нравственно-дидактические мотивы. Вполне обыденные, утилитарные назидания освящены ореолом божественного знания, что придает всему сборнику возвышенный стиль.

Притчи Соломона пронизаны идеей праведности как основы устройства достойного образа жизни. Главные религиозно-этические оппозиции в книге

следующие: праведность – нечестивость, мудрость – глупость, зло – добродетель. Мудрый человек, согласно дидактической концепции сборника, благочестив, добронравен, уклоняется от дурных страстей. Глупый – тот, кто подвержен страстям, порочен, отвергает Бога и знание, поскольку «начало мудрости – страх Господень; глупцы только презируют мудрость и наставления» (1: 7. – СП). В Книге Притчей Соломоновых раскрываются различные формы глупости и порока: распутство, надменность, корыстолюбие, гневливость, лживость, лень, коварство и другие. Удел злодея – отвержение Господом:

Кто Господа боится – живет долго,
но годы нечестивых сочтены.
Радостны упования праведных,
но погибнет надежда нечестивых (10: 27-28. – СП).

Стилевое своеобразие притчей Соломона заключается в их лаконизме и яркой художественной выразительности. Эти свойства достигнуты посредством различных видов параллелизма, иносказаний, сравнительных и метафорических оборотов:

Прилежной руке – править,
ленивой руке – нести повинность (12: 24. – СП).

Учение мудреца – источник жизни,
оно сберегает от сетей смерти (13: 14. – СП).

Кто роет яму, сам в нее упадет,
Кто катит камень, сам под него угодит (26: 27. – СП).

Книга Притчей Соломона – одно из наиболее заметных произведений мировой афористической дидактики. Она существенно повлияла «на стиль и афористическую природу евангельских притч и Посланий Святого Апостола Павла, а также далее на писания отцов христианской церкви и на светскую афористику – вплоть до “Опытов” Монтеня, “Мыслей” Паскаля, “Максим” Ларошфуко, “Характеров” Лабрюйера и т. д.» (Г.В. Синило).

2. «Книга Иова». Проблема теодицеи.

Библейская Книга Иова, как и Притчи Соломона, относится к разряду учительных. Это сложное, многоплановое произведение, предметом содержания которого является нравственно-философская проблематика. Г.В. Синило отмечает, что «Книга Иова представляет притчу в ее наиболее сложной разновидности – притчу-параболу – и по своим жанровым признакам является лиро-эпической поэмой с очень сильными элементами драматизма...». Одна из главных особенностей этого произведения заключается в том, что иносказательный план его сюжета носит не аллегорический, а символический характер, допуская разные трактовки. С одной стороны, Книга Иова предстает как назидательная притча об испытании благочестивого праведника, а с другой, – это философская поэма, обращенная к проблеме трагедийного удела человека на земле.

Главный ее герой – непорочный и богобоязненный Иов, которого Бог без всякой вины обрекает на горе и муки. Внезапно Иов остается

без имущества, погибают его дети, а сам несчастный поражен мучительной кожной болезнью. Иов терпеливо переносит страдания. Его смирение и преданность Богу проявляются, к примеру, в ответе жене, когда она внушает мужу богохульство: «Ты говоришь, как безумная! Неужели мы будем принимать от Бога только хорошее, а плохого не примем?» (Иов. 2: 10). Даже в сетованиях на свою горькую участь Иов, прокляв день своего рождения, сохраняет величие души и надежду на будущее воскрешение из мертвых, «Я знаю, – восклицает он, – искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию; и я во плоти моей узрю Бога» (19: 25-26). От Иова скрыта причина его страданий, каковой выступает спор между Богом и Сатаном, то есть врагом (евр. сатан – «недруг, противник, соперник, обвинитель»). Сатан подстрекает Бога наказать Иова, заявляя, что праведник благочестив лишь потому, что огражден от всевозможных несчастий. Согласно Сатану, отними у Иова дары его счастья, и он станет богохульником. С разрешения Бога Сатан проверяет, так ли это.

Испытание на истинное благочестие завершается счастливым концом. Бог, показав Иову величие сотворенного им мира и получив от страдальца раскаяние в былых жалобах, возвращает ему благосостояние, укрепив и приумножив его. Иов проживает еще 140 лет и в окружении многочисленного семейства умирает, сполна насытившись жизнью. Аллегорический уровень прочтения сюжета Книги Иова, таким образом, сводится к назидательному уроку о пользе смирения и благочестия. В данном случае в произведении показывается могущество Бога и слабость человека, всецело зависящего от божьей воли.

Однако предметом содержания Книги Иова является не только учительная идея о терпеливом перенесении страданий, но и проблема теодицеи, то есть оправдания справедливости божественного бытия. По мнению Роберта Б.И. Скотта, Книга Иова «по сути... является исследовательским критицизмом по отношению к доктрине награды и наказания, как о них учили консервативные мудрецы». Извечная проблема страданий праведного человека предстает в полемически заостренной форме. Большую часть текста Книги Иова составляет диалог-спор невинного страдальца с друзьями, оканчивающийся кульминационным вмешательством в него самого Бога. Друзья выражают традиционную точку зрения, согласно которой в человеческом мире царит правосудие, и бог всегда карает нечестивцев. Иов же, познавший на собственном опыте жесточайшие мучения, напротив, убеждает своих оппонентов в том, что в этом мире праведники страдают, а порочные процветают.

Поэтические монологи Иова проникнуты глубоким отчаянием:

Почему я не умер в утробе,
не погиб, едва из чрева вышел?

Зачем меня взяли на колени,
грудью зачем кормили?

Я лежал бы теперь в покое, я бы почивал, отдыхая
вместе с царями земли и их советниками,
чьи постройки лежат в руинах,

и с князьями, что копили золото,
серебром наполняли дома.
Похоронили бы меня среди мертворожденных,
среди младенцев, не видевших света.
Там стихает суeta нечестивых,
там покой для изнуренных... (3: 11-17).

Стали ныне вздохи моим хлебом,
льются слезы мои словно воды.
Что меня ужасало, то со мной и случилось,
чего я страшился, то ко мне и пришло.
Нет мне ни мира, ни покоя,
Ни отдыха – только смятение (3: 24-26).

Несмотря на счастливый конец, Книга Иова переполнена пессимистическими суждениями о человеческом уделе:
Удел человека на земле – труд подневольный,
и дни его – что дни поденщика (7: 1).

О рожденный женщиной человек!
Короток век его, но полон тревог,
словно цветок, он распускается и вянет,
Промелькнет, как тень, и исчезнет (14: 1-2).

Изречения о горьком жизненном опыте людей, перерастают в отдельных монологах Иова в скептические рассуждения и дерзкие выпады против обрушившихся на него несчастий:

Бог отдал меня злодеям,
бросил в руки нечестивцам.
Был я безмятежен, а Он вверг меня в трепет,
схватил за шею, изранил
и поставил Себе мишенью,
Его стрелы летят отовсюду (16: 11-13).

Лишь божественный «голос из бури», раздавшийся в ответ на сетования Иова, приводит многострадального героя к смиренному и полному раскаянию. Однако Бог только показывает Иову свое могущество, проявленное в великолепии сотворенного им мира. Вопросы же героя о собственном страдании, о бедах всех людей и о многочисленных несправедливостях остаются без ответа. Вследствие этого произведение приобретает полемическую философскую направленность и характеризуется невозможностью однозначного истолкования. Г.В. Синило отмечает: «... перед нами и опыт дерзновенного сыновнего спора с Богом, умудряющего и просветляющего дух..., и опыт горького разлада с миром и самим собой, и – в результате – опыт качественно нового познания мира и постижения Бога, приятия Его и примирения с Ним». Ситуация испытания, в которую оказался поставленным библейский Иов, носит экзистенциальный характер и применима по отношению ко всем временам. Она предстает как «некая условная испытательная модель, в которой подвергался проверке человек, крепость его веры, сила его духа». Именно поэтому Книга Иова оказала

огромное влияние на духовно-интеллектуальную мысль и искусство. Особой популярностью она пользовалась в эпоху христианского Средневековья, истолковываясь как назидательная притча о пользе смирения. Философскую сторону проблематики этого произведения актуализировали в своем творчестве Шекспир и Достоевский.

3. Евангельские притчи.

Евангельские притчи – один из важных источников, передающих духовные основы христианского учения. В Евангелии, повествующем об Иисусе Христе, его деятельности, заветах, крестной смерти и воскресении, притча, по сути, выступает формой проповеди Царствия Небесного (Царствия Божия) как духовного христианского идеала. Именно по отношению к учению об этом идеале евангельские притчи принято разделять на три группы: «период подготовки Царствия, основание и распространение Царствия на земле, условия осуществления Царствия». К первой группе относятся притчи О злых виноградарях, О званых на вечерю, О бесплодной смоковнице, О двух сыновьях. Среди притчей, входящих во вторую группу, такие, как О сеятеле, О пшенице и плевелах, О найденном сокровище, О горчичном зерне, О закваске. Третью группу составляют самые известные притчи: О блудном сыне, О мытаре и фарисее, О милосердном самарянине, О богатом и Лазаре и некоторые другие. Притчи первой и второй группы разъясняют сокровенную сущность Царствия Божия, выступающего наивысшей ценностью, к обретению которой должны стремиться истинные последователи учения Христа. Так, в притчах О найденном сокровище и О драгоценной жемчужине, представляющих собой развернутые аллегорические аналогии, раскрывается аксиологический приоритет учения о Царствии, вести о котором настолько важны, что человек отдает все, чтобы их услышать:

Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое нашед человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет и покупает поле то.

Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, Который нашед одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее (Мф. 13: 44-46).

В притчах О горчичном зерне и О закваске, тоже построенных по принципу развернутого уподобления, показывается внутренняя сила и влияние Царствия на людей:

Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем,

Которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его (Мф. 13: 31-32).

Поскольку Царствие Божие становится доступным для тех, кто достиг совершенства души и поступает согласно заповедям Христа, то особое место в евангельском контексте занимают притчи, иллюстрирующие данную идею. Они являются наглядными примерами, подкрепляющими такие основополагающие постулаты христианской этики, как: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39); «Как хотите, чтобы с вами поступали

люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6: 31); «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7: 1); «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6: 19-20) и др.

По свидетельству евангелистов, Христос часто обращался к притче с целью разъяснения неясных мест и понятий. Таким образом была, например, рассказана притча О милосердном самарянине. Поступок самарянина, бескорыстно позаботившегося о путнике, попавшем в беду, преподносится Христом как образец гуманного отношения человека к своему ближнему. Самарянин проявил по отношению к безвестному человеку такую же деятельную любовь, какую пожелал бы увидеть со стороны окружающих, если бы оказался в положении несчастного путника. Главный этический урок притчи соответствует евангельским заповедям. Христос показывает, что ближними людей делают взаимопомощь и милосердие.

В ряде притчей и притчеобразных оборотов, которыми богат евангельский текст, разъясняется, что достижение Царствия Божия зависит от определенного поведения, то есть от соблюдения заповедей любви к ближнему, смирения, правды, нестяжательства и др. Предупреждая своих учеников о том, что алчность несовместима с Царствием Божиим, Христос приводит следующее притчеобразное выражение: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Мф. 19:24). Заповедь о материальном нестяжательстве иллюстрирует притча О безумном богаче. Ее мораль, выраженная самим Христом, такова: «Берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк. 12: 15). Богачу, который из жадности сделал огромные запасы материальных благ в надежде насытить ими свою душу на многие годы, Бог говорит: «... Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лук. 12: 20). Христос добавляет: «Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет» (Лк. 12:21).

Аллегии большинства евангельских притчей не разъясняются. Иносказательный смысл этих притчей в том контексте, в котором они приводятся, почти всегда понятен и не нуждается в специальном толковании. Существует мнение, что Христос намеренно избегал объяснения своих иносказаний. Он стремился овладеть вниманием слушателей, приучая их к самостоятельному размышлению.

Все евангельские притчи очень просты по сюжету, изложены ясным и лаконичным языком. Их события, герои, предметы и явления взяты из обыденной жизни. В основе многих евангельских притчей лежит вещественная и растительная аллегореза. Ее источником является тот природный и социальный мир, в котором жил и проповедовал Христос. Механизм возникновения притчи в «Полной популярной библейской энциклопедии», созданной архимандритом Никифором в 1891 году, описывается следующим образом: «Видит например Он пред Собою засеянное поле и говорит о сеянии. Говорит Ученикам, которые большею частью были рыболовы, и предлагает притчу о рыбной ловле. Сидит

за столом, и царствие Божие уподобляет большому пиру. Проходит мимо виноградных садов, и говорит о виноградной лозе и ветвях на лозе. Все у Него заимствовано из обыкновенной, окружающей нас природы, из круга учеников и их образа мыслей и занятий, из нравов и жизни народа, все соответствует обыкновенным понятиям и обыкновенному образу мыслей человеческих».

Смысловой емкостью отличается евангельская растительная аллегореза, которая является одной из самых примечательных форм для выражения религиозно-нравственной дидактики Евангелий. Ее своеобразие состоит в том, что высшие духовные принципы и ценности, составляющие ядро евангельской этики, уподоблены явлениям и реалиям ботанической сферы. Таковы притчи о Сеятеле, о Горчичном зерне, о Полевых лилиях, о Плевелах и др. В них растительная аллегореза служит выявлению аксиологического значения и сокровенной сущности Царствия Небесного как проповедуемого духовно-религиозного идеала. В притче о Горчичном зерне, например, представляющей собой развернутое сравнение, показывается внутренняя сила и влияние Учения о Царствии на людей, раскрывается ценность истинной веры. В притче о Плевелах посев сорняков – аллегорическое выражение зла, греха, враждебной распространению евангельского Учения деятельности. В этой притче, как и в некоторых других, акцентирован именно нравственный смысл характерного для библейской поэтики сравнения человека с травой.

4. Притча о Блудном сыне, ее христианская трактовка и общечеловеческое значение. Мотив блудного сына.

По справедливому и точному замечанию одного из героев романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», создававшегося в соответствии с замыслом писателя как выражение его взглядов на искусство, Евангелие и жизнь человека в истории, «Христос говорит притчами из быта, поясняя истину светом повседневности». А «в основе этого лежит мысль, что общение между смертными бессмертно и что жизнь символична, потому что она значительна». В приведенных словах заключается, по-видимому, разгадка секрета того огромного влияния, которое оказывают многие евангельские притчи на духовную сферу людей. Самый яркий пример в этом ряду – притча О блудном сыне, приведенная в Евангелии от Луки. Ее сокровенный смысл имеет универсальное значение и выходит за границы идейного содержания евангельского контекста. История блудного сына, взятая из жизни, передает извечную драму потери и обретения родного и близкого. Об этом пишет в своей знаменитой работе «Основы дзэн-буддизма» Д.Т. Судзуки. Он свидетельствует, что подобная история описана в буддийской сутре, названной «Евангелие Лотуса». «Вероятно, – делает предположение Д.Т. Судзуки, – они исходят из одного и того же источника». «В них интересно то, что сколько бы человек ни странствовал, он неизбежно тоскует по дому и хочет вернуться домой. Потерянный рай должен быть возвращен. Иначе мы не найдем себе покоя. Как ни странно мы должны потерять, чтобы найти». Блудный сын является вечным образом, а его история в многочисленных вариациях передается в произведениях разных поколений литературных классиков.

Мотив блудного сына, восходящий к евангельской притче, относится к разряду вечных и неоднократно в различных формах и вариациях прослеживается в структуре произведений художественной литературы. В драматургическом творчестве, как правило, этот мотив связан с постановкой и осмыслением актуальной во все времена проблемы отцов и детей. Следует заметить, что и сама евангельская притча содержит в себе элемент драматизма. Что же в первую очередь представляет собой история блудного сына, как не типичную «жизненную драму»? В определенном смысле и мотив, восходящий к этой древней истории, есть мотив драматический, наилучшим образом предназначенный для его драматургической обработки. Рассмотрим специфику воплощения этого мотива на примере таких пьес, как «Комедия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого, «Блудный сын» С. Найденова, «Потерянный сын» А. Арбузова, «Блудный сын» словенского писателя А. Хинга. «Комедия притчи о блудном сыне» была создана выдающимся литератором-просветителем Симеоном Полоцким во второй половине XVII века, когда в недрах Святой Руси начало интенсивно формироваться новое художественное сознание, ориентированное на западноевропейские жизненные и культурные приоритеты. Пьеса Симеона Полоцкого явилась одним из откликов на особо злободневный для того переходного периода вопрос об «отцах», выступающих хранителями старых патриархально-домостроевских начал, и «детях», стремящихся к новой жизни, к высвобождению из-под родительской опеки, но сбивающихся в своих поисках с пути добродетели. Если неизвестные авторы нравоучительных повестей выразили консервативное мировоззрение, («Повесть о Горе-Злочасти», «Повесть о Савве Грудцыне»), то западник Симеон Полоцкий, развернувший в Московии активную культурно-просветительскую деятельность, вопрос об «отцах» и «детях» решил в более прогрессивном духе. Несмотря на утверждение в пьесе отцовской морали, в ней также не отрицается и право молодежи на самоопределение. Автор осуждает Блудного сына не за сам уход из родного дома, а за то, что юноша не смог соблюсти моральных принципов и последовал своим грубым чувственным наклонностям. Комедия, как и евангельская притча об отце и двух сыновьях, положенная в ее основу, была создана в назидательных целях. Симеон Полоцкий разглядел сценические возможности этой притчи, о чем и было сказано им в Прологе к комедии. Автор сохранил в ней ряд черт притчевой поэтики, образцом которой служит евангельская история Блудного сына. Однако обращение автора к проблеме «отцов» и «детей» в условиях русской действительности, ее решение на материале «Христовой притчи» (Симеон Полоцкий) привели к тому, что в пьесу были введены эпизоды, отсутствующие в Евангелии. Как отмечает А.С. Демин, Блудный сын Симеона Полоцкого это «не абстрактный персонаж вне времени и пространства; он имеет свою национальную и социальную принадлежность».

Мотив блудного сына проходит через творчество популярного в России начала XX века драматурга С. Найденова. Продолжив традиции театра А.Н. Островского, он в ряде своих пьес («Дети Ванюшина», «Блудный сын», «Авдотьяна жизнь», «Стены») показал драму бунтующих «блудных детей»

исторически обреченного патриархально-купеческого мира. Следует заметить, что драма «Дети Ванюшина» нередко сопоставляется с написанной одновременно пьесой М. Горького «Мещане», в которой автор, по словам А.Б. Рубцова, «касается сходных ситуаций, затрагивает те же проблемы, рисует близкие к отцам и детям Ванюшиным образы отцов и детей Бессеменовых». Что касается пьесы «Блудный сын», то в ней С.А. Найденов частично использовал сюжетную схему евангельской притчи. Как и Симеон Полоцкий, он создал свою вариацию мотива блудного сына, запечатлев определенный социальный тип, характерные черты и явления русской действительности начала 1900-х годов. По сравнению с «Комедией притчи о блудном сыне» пьеса С.А. Найденова имеет еще более ярко выраженную национальную и социальную окраску. Купеческий сын Максим Коптев, чей образ восходит к непослушному сыну евангельской притчи, везде чужой одиночка-идеалист, вечный скиталец. Автор завершает пьесу его уходом из отчего дома, где герой после возвращения из многолетнего странствия не смог наладить новую жизнь. Безалаберный Максим выступает как антипод своему старшему брату-богачу Степану, человеку деловому и практичному. В этом противопоставлении проявляется определенная связь с расстановкой персонажей и их идейной функцией в евангельской притче. С. Найденов, тоже сын купеческий, еще в юности осознавший свою чужеродность в родной среде, симпатизирует Максиму, сочувствуя ему. Мотив блудного сына в пьесе, таким образом, несет важную смысловую нагрузку. Он лежит в основе ее сюжета, выступая движущей силой в создании и разрешении конфликтных ситуаций. Из всех возможных значений, составляющих смысловое поле этого мотива, С. Найденов акцентирует такие, как «бунтарство», «неприкаянность» и «скитальчество». Эти же значения выступают на передний план и в пьесе словенского драматурга А. Хинга «Блудный сын», которая была написана во второй половине 1970-х годов. Ее жанр автор определил как мелодраму. В пьесе А. Хинга использование сюжетно-композиционной схемы евангельской притчи подчинено раскрытию изнаночной стороны провинциально-мещанского образа жизни. В роли блудного сына в ней прежде всего выступает Эдо Ветрин, который внезапно, после долгих лет скитаний, появляется в доме добропорядочного мещанина, бывшего учителя. Дерзкий бродяга, напоминающий романтического героя-бунтаря, противопоставляется автором внешне благопристойному, но низменному по своей сути миру провинциальных обывателей. А. Хинг создает свой вариант жизненной драмы «блудного сына». Эдо Ветрин оказывается внебрачным сыном образцового отца семейства. Он предстает не как раскаявшийся грешник, что имеет место в евангельской истории, а как бесстрашный разоблачитель, которому нечего терять. В отличие от отца притчи, выступающего в роли идеального по своей нравственной сути персонажа, Отец в пьесе А. Хинга это «антигерой», деспот и ханжа. Несмотря на то, что конфликт двух поколений разрешается автором преимущественно в границах семейно-бытовой сферы и носит моральный характер, пьеса содержит идеи общественно-этического звучания. Н. Вагапова по этому вопросу замечает: «Эгоист и фарисей в роли воспитателя социально опасен. Он воспитывает себе подобных. Зофия,

приемная дочь Отца, духовно близкое ему существо. Такая же нудная, лживая, по-мещански сентиментальная, она становится агрессивной и безжалостной, когда затронуты ее личные интересы». Именно Зофии отведена автором роль, восходящая к той, которая закреплена за послушным сыном из евангельской притчи. Ее брат Милан, сын Отца, чей образ вводится в контекст пьесы посредством высказываний разных действующих лиц, напротив, выступает в качестве еще одного бунтаря, покинувшего отчий дом ради поиска своего идеала. Название мелодрамы А. Хинга включает двойной смысл. Оно связано с образами «блудных детей» Эдо Ветрина и Милана, последний из которых не выведен автором в число действующих лиц. Двойственный смысл заключается и в заглавии мелодрамы А. Арбузова «Потерянный сын» (1961). Проблема «отцов» и «детей» в ней поставлена во многом под влиянием духовных настроений и веяний периода «оттепели» в советском обществе. Автор симпатизирует молодому поколению, отстаивающему нравственные принципы и идеалы. А. Арбузов создает свою версию жизненной драмы утраты и обретения. Мотив блудного сына в пьесе связан с образом писателя Антона Охотникова, растратившего душевные силы в погоне за столичным успехом. Связь этого образа с евангельским Блудным сыном подчеркивается автором посредством обращения не только к сюжету притчи, но и к его отображению в искусстве. После долгой разлуки с родными Антон, вернувшийся в отчий дом и решивший остаться в нем, видит в себе «нечто рембрандтовское». В данном случае очевидна отсылка к известной картине голландского живописца Рембрандта «Возвращение Блудного сына». Мотив нравственного прозрения в мелодраме связан также и с образом Николая Эрнестовича Шварца, на примере истории которого драматург поставил актуальный во все времена вопрос об ответственности родителей за судьбу своих детей. В образе его сына Петра, воспитанного семьей Охотниковых, он запечатлел такие черты, как честность, энергичность и принципиальность. Однако А. Арбузову все же интереснее и дороже тип «блудного сына», человек, которому «приходится изрядно пострадать, прежде чем он найдет дорогу к самому себе». Мелодраматический эффект в какой-то степени создается посредством актуализации в авторском сознании такого значения из смыслового поля мотива блудного сына, как внутреннее, нравственное прозрение, обретение необходимой для осмысленного бытия истины. Пьеса А. Арбузова наряду с другими драматургическими произведениями, в написании которых определенную роль сыграло обращение авторов к мотиву блудного сына, свидетельствует о том, что этот мотив обладает с их точки зрения особой и по-своему уникальной значимостью. Благодаря своей глубинной смысловой сущности он содержит большие возможности для искусной постановки и решения вечной проблемы «отцов» и «детей», акцентуации важных нравственных и социальных ценностей, а также в интеллектуализации мелодраматических тенденций в драматургии второй половины XX века.

Религиозный по своему происхождению мотив блудного сына более всего причастен к «антропологическому аспекту художественной тематики» (В.Е. Хализев), что связано, по-видимому, не только со спецификой его семантического поля, но и с основным историческим движением литературы,

в которой постепенно теоцентризм и сотериология были вытеснены антропоцентрическими ценностями. В оригинальной древнерусской словесности первым значимым произведением, где «теоцентрическая точка зрения уступает место антропоцентрической» (Ю. Воротников), и сюжет которого возводится исследователями к сюжету притчи о блудном сыне, является анонимная нравоучительная «Повесть о Горе и Злочастии», созданная в традиционном стиле устной народной поэзии в XVII веке. Мотив блудного сына в этом произведении связан с его идейной новизной, с отражением процессов эмансипации личности, происходивших во второй половине XVII столетия в древнерусском обществе, с ломкой средневековой картины мира. Тип блудного сына, ослушника родительской воли, запечатлен в образе Молодца, расплачивающегося за своевольный уход из отчего дома и нарушение старозаветного уклада жизни горестной скитальческой судьбой и уходом в монастырь.

В поэтическом тексте мотив блудного сына может выступать, с одной стороны, в качестве метафорического выражения судьбы лирического героя, а с другой, – как форма представления вечной ситуации «жизнь в своем доме – пребывание на чужбине – возвращение к истокам. В стихотворении С. Есенина «Письмо матери», проникнутого чувствами ностальгии и покаяния, «потерянным раем» является «деревянная Русь», крестьянская родина. «Потерянный рай» в есенинской лирике – это деревня, покинув которую лирический герой постепенно превратился в блудного сына распутного столичного мира, в одурманенного его страстями бесприютного грешника. Мотив покаяния и исповедальная направленность поздних произведений С. Есенина связаны с жизненным опытом автора, с преждевременно приобретенным им состоянием внутренней усталости и опустошенности. В структуре стихотворений «последнего поэта деревни» в этом автопсихологическом мотиве сконцентрированы все наиболее сокровенные душевные чувства и устремления лирического героя, его пресыщенность мирскими страстями и соблазнами.

Функцию метафоризации судьбы литературного героя мотив блудного сына выполняет в стихотворениях А. Городницкого «Якопо Пальма Младший» и «Рембрандт». В отличие от есенинского «Письма матери», в поэтическом тексте «Якопо Пальма Младший» содержатся отсылки к материалу евангельской притчи. Значительную часть стихотворения «Рембрандт» занимает монолог Отца, адресованный Блудному сыну. А. Городницкий обращается не столько к самой притче, сколько к воссозданию одной из самых впечатляющих ее сцен в изобразительном искусстве. Начальные строки стихотворения отсылают к всемирно известной картине Рембрандта «Возвращение Блудного сына». Нарисованная рукой великого мастера сцена встречи двух близких людей наделяется в авторском сознании конкретными пространственно-временными приметами и очертаниями. Бессмертная композиция вызывает эмоционально окрашенные размышления, связанные с опытом пережитого жертвами советского ГУЛАГа. Поэт мысленно переходит из одного пространственно-временного измерения в другое, создавая посредством аллюзий и реминисценций сеть впечатляющих ассоциаций:

В доме холодно, пусто и сыро.
Дождь и ветер стучат о порог.
Возвращение Блудного сына
Пишет Рембрандт. Кончается срок.
Сын стоит на коленях, калека,
Изможденных не чувствуя ног,
Голова – как у бритого зека, –
Ты откуда вернулся, сынок?
Затерялись дороги во мраке.
За спиною не видно не зги.
Что оставил ты сзади – бараки?
Непролазные дебри тайги?
Кто глаза твои сделал пустыми, –
Развратители или война?
Или зной Галилейской пустыни
Все лицо твое сжег дочерна?

Обращение к мотиву блудного сына в современной поэзии связано с усилением исповедальных интонаций в литературе (М. Стригалева «Возвращение блудного сына»), с авторским стремлением подчеркнуть связь своего творчества с книжной традицией (С. Цветков «Блудный сын»). В стихотворении М. Стригалева «Возвращение блудного сына» (1993) акцентировано такое из значений, входящих в семантический состав вечного мотива, как «духовное исцеление», обретаемое посредством возвращения «ко своим земным истокам», «на круги своя в смирение, к предначертанной Судьбе» (М. Стригалева).

Как следует из вышеизложенного, мотив блудного сына проходит через произведения, созданные в разные времена. Он связан с вечной тематикой, с осмыслением надэпохальной ситуации «жизнь в своем доме – пребывание на чужбине». В структуре поэтического текста этот мотив может выступать в качестве метафорического воплощения судьбы литературного героя, а также в качестве одного из путей выражения автопсихологизма.

Идейно-художественные особенности трансформации мотива блудного сына выявляются в поэзии белорусского поэта Анатоля Сыса. В стихотворениях «Сон», «Блудны сын» і «На твары шчацінне...» данный мотив раскрывается в соответствии с авторской самоидентификацией с универсальным транскультурным типом. В стихотворении «Блудный сын» воплощение библейско-притчевой версии архетипической мифологемы возвращения становится главным сюжетообразующим компонентом и композиционной основой произведения. Паэт выражает эмоциональное состояние лирического героя, его сомнения и тревогу:

Блудны сын, блудны сын –
разам з сэрцам маім
лямантуюць на рэйках колы.
Блудны сын, блудны сын, блудны сын –
словы, быццам куслівыя пчолы.

Мама, мама, што мне парабіці з сабой,
калі позна дадому прыеду,
калі ў хату зайду – анямелы сабор –
без вясяняк, без ляскання бердаў?

В стихотворении «Блудный сын» создан выразительный художественный автопортрет, в котором передана внутренняя драма и дисгармония лирического героя, свойственные ему тревога, раздвоенность, чувства неприкаянности и одиночества и одновременно мечты о новой жизни, душевное и духовное пробуждение от предчувствия скорой встречи родными местами, с матерью.

Поэт передает сокровенное желание стать маленьким, почувствовать по отношению к себе материнскую любовь и ласку. Лирический герой обращается к матери, просит, чтобы она вышила его на своей подушке:

Мама,
вышый мяне на падушцы сваёй,
памякчэюць грачыныя пер'і,
я прыснюся табе – еду зноўку дамоў,
да зямлі адтуліўшы бязвер'е.

Вышитый на подушке портрет, о котром мечтает лирический герой-блудный сын приобретает для него магический смысл, поскольку посредством своего двойника, созданного материнскими руками, он верит в установление независимой от обстоятельств, вневременной душевной связи с матерью через сон. Сон в художественной реальности произведения – та утраченная ценность благодатной поры детства, которую герой надеется обрести в родной деревенской тиши. Только тут и можно легко заснуть под песню, которую мама, вышивая ручник, поет притихшим мышам:

У зашыйку заціхлі мышы,
а на спіцах стары павук
павуцінкаю ружу вышыў,
падсачыўшы узор у рук.
.....
Маці крыжыкам вышывае.
павуцінку павук пляце.
маці мышам спявае
пра дарослых сваіх дзяцей.

С помощью ряда памятных бытовых деталей, которые в поэтической картине произведения преобразовываются в выразительные символы, А. Сыс передает животворную атмосферу родной избы хаты, вобравшей в себя позитивную энергетику женщины-матери, хорошей хозяйки, ее душевный свет, доброту, нежность. Обращение к маме в последней строфе стихотворения включает в себя слова словы «ты свяці, ты свяці», которые

имеют символический смысл и в определенной степени молитвенное звучание:

Ты спявай, ты спявай,
ты свяці, ты свяці,
расцялі ручнікі, як сцяжыны,
можа, здарыцца так, я заблудну ў жыцці,
тагды выйду па іх да Айчыны.

Земная и праведная мудрость матери лирического героя – плод есемоотверженной жизни. В обращении к любимому сыну, который потерял ключи от личного счастья, мать выражает не только глубокую душевную боль, тревогу и недобрые предчувствия, но и тот извечный нравственный закон, от которого неаозможно быть свободным ни одному человеку («На твары шчацінне...»):

На твары шчацінне, як пожня жытнёвая,
вочы – праталіны мутнай вады...
– Мілы сыноч мой, пачні жыццё новае.
грэх блазнаваць у Хрыстовы гады

Несмотря на убежденность в своей мистической избранности «музами» поэт иной, антидионисийской, «няхмельной», частицей своей души принимает со словами матери эту горькую для себя правду:

Хто ж вінаваты, што аж з нараджэння
з медам смакчу я з цябе малако?
Ведаю, сохне паціху карэнне,
хоць і жывеш над Вялікай Ракой.

В отличие от финала евангельской притчи, где передано покаяние и духовное изменение-очищение грешника, лирический герой А. Сыса продолжает «блазнаваць у Хрыстовы гады». Его ответ матери – это не покаянная исповедь, а, наоборот, утверждение, экзальтированная декларация своей поэтической избранности, уникальности, особенного творческого дара и ничем не ограниченной свободы его опьяняющей растраты. В строфах стихотворения отображена дионисийско-эк статическая (в соответствии с разработанной Ф. Ницше в произведении «Рождение трагедии из духа музыки» дихотомией аполлонического и дионисийского начал в искусстве) сущность А. Сыса-поэта, которой и можно объяснить доминирование в его художественном мире иррациональных мотивов и архетипических мифологем, связанных со сферой подсознания, с интуицией:

– Мама, я рады б – як пчолы на ліпень,
музы лятуць на хмяльнага мяне.

Жыць без паэзіі – гэта ж пагібель!
Жыць без віна? Гэта ж смерць удвайне.

.....
Ну і няхай музам колкая пожня,
горкія вусны мае, дык няхай.

Мама, такога народзіць не кожная,
мама,
не перажывай!

Выражение «блазнаваць у Хрыстовы гады» определяет не столько возраст лирического героя, сколько присутствует в тексте в качестве художественного шифра его жертвенно-мученической миссии посредством творчества. «Блазнаванне» поэта – одно из воплощений в его стихотворениях мифологемы Диониса и жертвы. В стихотворении «На твары шчацінне...» происходит неожиданная метаморфоза лирического героя. Блудный сын, который, кажется, должен покаяться в грехах преображается в «выклятага нацыянальнага паэта» (Л. Голубович). И даже в последних словах, сказанных матери, чтобы успокоить ее, одновременно с сыновьей нежностью и благодарностью выражено романтическое своеволие, душевная неукротимость и гордость, которые совсем не совмещаются с христианскими чувствами и добродетелями.

Внутренние антиномии между стремлением к покаянию и стихийным и иррациональными силами своей души, христианским и языческо-экстатическими началами в ней, остались для поэта не разрешенными. В одном из интервью А. Сис следующим образом охарактеризовал себя: «Я веру ў Бога. Але ў царкву хаджу рэдка, гады ў рады. Калі вельмі-вельмі цяжка на душы. Дык калі прыцісне – я бягу ў царкву. Было такое, што прыбягаю й на калені станаўлюся... Але лягчэй мне ўсё адно не робіцца. Мабыць, я крэпка зграшыў у гэтым жыцці...».

Тема № 4. Притча в творческом наследии Г. С. Сковороды

1. Г.С. Сковорода как философ и писатель-моралист. Учение о «сродности».

2. Притчи в философских трактатах «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира».

3. Притча Г.С. Сковороды «Убогий жаворонок».

4. Притча Г.С. Сковороды «Благодарный Еродий».

1. Г.С. Сковорода как философ и писатель-моралист. Учение о «сродности».

Григорий Саввич Сковорода (1722-1794) – русский и украинский философ, баснописец, поэт и моралист-педагог. На территории Украины имя Г.С. Сковороды носят несколько исследовательских учреждений и высших учебных заведений. Один из них – Институт философии имени Григория Сковороды НАН Украины в Киеве.

Родился в селе Чернухи на Полтавщине, в семье малоземельного казака. В 1734 – 1753 гг. учился в Киево-Могилянской Академии. Из стен Академии вынес превосходное знание античной литературы, древних (латынь, древнееврейский) и современных языков. В 1742 – 1744 гг. провел в российских столицах в качестве придворного капеллы – у него был прекрасный голос. С детства Сковорода любил церковное пение и сам пел на клиросе. Сковорода играл на скрипке, бандуре, гусях, флейте. Многие его стихи положены на музыку. В 1745 г. отправился в Венгрию, а оттуда – Словаки, Австрию и другие страны. Путешествие длилось 5 лет. По возвращении был приглашен преподавать теорию поэтического искусства в коллегиуме Переяславля, откуда его изгнали из-за отказа привести свой курс в соответствии с установленными образцами. Работал домашним учителем, отверг неоднократно предлагаемый монашеский сан. С 1759 по 1769 г. преподавал поэтику, древнегреческий язык и катехизис в Харьковском коллегиуме. С 1769 года и до конца дней вел жизнь странствующего философа, «старчика» (своеобразное монашество в миру). С палкой в руках, с торбой за плечами, в которой лежали рукописи, Библия, флейта, он скитался по дорогам Малороссии. Временный приют ему предоставляли друзья, знакомые в дворянских усадьбах, в монастырях, селах, хуторах, пасаках. В пору странствий написал свои основные сочинения. За два месяца до смерти Сковорода отправился в Орловскую губернию, чтобы встретиться со своим учеником Михаилом Ковалинским и отдать ему на сохранение свои рукописи. Михаилу Ковалинскому, любимому ученику Сковороды посвятил свое последнее философское сочинение «Диалог. Имя ему – Потоп Змиин». Михаил Ковалинский – первый биограф Сковороды. Его сочинение «Жизнь Григория Сковороды – основной источник сведений о жизни Сковороды (1794). Умер философ в селе Ивановка под Харьковом (ныне Сковородиновка). На своем надгробном камне Сковорода завещал начертать – «Мир ловил меня, но не поймал».

Большую часть жизни Сковорода провел в странствиях, проповедуя свои этические и религиозно-мистические идеи. Сковорода был человеком исключительной энциклопедической образованности. Он хорошо знал античную философию и Библию. Выступая против буквального понимания Библии, философ рассматривал ее как Книгу Книг, в аллегорической форме обобщающей накопленный человечеством познавательный и моралистический опыт. По мнению ряда исследователей, Сковорода был, прежде всего, моралистом. В центре его внимания – нравственно-гуманистическая проблематика, выяснение смысла человеческой жизни, путей достижения счастья и душевного мира. Этика Сковороды тесно связана с его философией, главными чертами которой являются мистицизм и аскетическая отрешенность. По мнению протоиерея В. В. Зеньковского, философия Сковороды – «это... философия мистицизма, исходящая из твердого чувства, что сущность бытия находится за пределами чувственной реальности». Ориентируясь на духовный тип жизни, Сковорода утверждал, что в человеке таится дух Божий. Он считал эту силу противостоящей тому началу в человеке, которое мешает его моральному росту. Сковорода высоко ценил самопознание, ведущее, по его убеждению, к истинной, духовной, жизни и счастью. Счастье мыслитель видел в душевном покое и независимости. Не случайно один из самых известных его афоризмов – «Мир ловил меня, но не поймал».

Сковорода – автор сборника «Басни Харьковские». Автор утверждает: «Басня тогда бывает и скверная и бабья, когда в подлой и смешной своей шелухе не заключает зерно истины, похожа на орех пустой».

В учении Сковороды выделяются следующие аспекты: теология (учение о Боге), онтология (учение о двух натурах, видимой, материи и невидимой и трех мирах), гносеология (онтологическое понимание истины), антропология (учение о «внутреннем человеке»), этика, эстетика. Вся эта проблематика связана с философской мыслью Античности, Средневековья, Ренессанса и Барокко (Платон, Плотин, Эпикур, Плутарх, Цицерон, Сенека, Климент Александрийский, Максим Исповедник, Эразм Роттердамский, Дмитрий Ростовский и др.)

Как моралиста, выразившего свои философско-этические взгляды, Сковороде интересовали проблемы духовного воспитания и нравственного самосовершенствования. Сковорода развил учение о «сродности», то есть о склонности к определенному виду деятельности. Он утверждал, что только человек, распознавший свои склонности, становится счастливым. Философ был убежден, что человеческое счастье заключается не в материальных благах и почестях, не в деньгах и роскоши, а в самопознании и в выборе деятельности соответственно своей природе. «Счастье твое и мир твой, и рай твой, и бог твой внутри тебя...», – писал Сковорода в трактате «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь Мира». Склонность человека к тому или иному виду деятельности философ связывал с его природными наклонностями, данными от бога. В трактате говорится: «Природа и сродность значит врожденное божие благоволение и тайный его закон...». Воспитание, согласно этическому учению Сковороды, должно быть

«природосообразно», «ибо кто может человека наставить к тому, к чему сам бог преградил ему путь?»).

2. Притчи в философских трактатах «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира».

В дороге Сковорода много общался со своими учениками и простыми встречными. Поэтому жанр беседы, трактаты, изложенные в диалогической форме, занимают значительное место в его творческом наследии. В произведении «Диалог. Имя ему – Потоп Змиин» беседуют Душа и нетленный Дух. Подзаголовок произведения «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни» – «Разговор дружеский о душевном мире». Собеседники – Афанасий, Яков, Григорий, Ермолай, Лонгин. В диалогической форме написано из главных произведений Сковороды – «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира», где изложено учение о сродном труде. Название диалога связано с давней традицией понимания мира как Книги. В этом трактате «дружеский разговор о душевном мире» ведут Афанасий, Яков, Григорий, Ермолай, Лонгин. Они же – собеседники в трактате «Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире» (Иаков вместо Якова). Философские диалоги Сковороды – сложные жанровые образования, которые восходят к «сократическому диалогу», эвристическим беседам Сократа. Сковорода осознавал себя прежде всего философом, «Сократом на Руси». В ряде свих произведений («Разговор, называемый Алфавит, или Букварь Мира», «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни», «Убогий жаворонок», «Благодарный Еродий» и др.) Сковорода использовал аллегории, развернутые сравнения, мудрые изречения и притчи. Притчу, наряду с басней, он считал весьма занимательным, «фигурным родом писаний», излюбленным у древних мудрецов. В творчестве Сковороды, сочетающем в себе элементы философского логично-дискурсивного мышления с элементами эмоционально-образного восприятия мира, притча представлена по-разному. Чаще всего это изречение и краткий рассказ в роли примеров, аргументирующих авторские философско-этические размышления. Притчами сам Сковорода назвал два своих произведения – «Убогий жаворонок» и «Благодарный Еродий».

В трактате «Разговор, или Алфавит, называемый Букварь Мира», имеющем форму диалога, собеседники, отстаивая свою точку зрения, как правило, обращаются к пословицам, библейским притчам и афоризмам античных мудрецов. Изречения, которыми густо расцвечена речь персонажей, названы в трактате притчами, в соответствии с одним из древнейших значений этого слова. В некоторых случаях собеседники приводят с целью пояснения своих идей рассказы, определяя их как басни и притчи. Роль вспомогательного средства убеждения выполняют также «притчи-картинки», изображающие в большинстве своем животных. В обращении к такому виду иносказательной наглядности Сковорода опирался на традиции греческого «Физиолога» и популярных в средневековой дидактической литературе сборников бестиариев. Каждая из иллюстраций содержит сокровенный иносказательный смысл, в ходе разъяснения которого становится понятным ее поучительное назначение. Животные, их свойства и

характер поведения являются символами и аллегориями идей нравственной сферы, душевных качеств и поступков человека. Так, на одной из картинок нарисован больной олень, срывающий целебную траву. На вопрос, кто научил его умению распознавать лечебные свойства трав, мудрый Яков отвечает: «Разве не видишь, что сей тебе говорит олень? Природа превосходит науку. Вот кто его учит! самый лучший учитель». Идею самопознания выражает нарисованная раковина: «... она говорит самое премудрейшее: «Ищи себя внутри себя». Все ее добро внутри черепа сохраняется». Погибающий в пламени свечи мотылек – аллегория последствий «несродного» поведения; бобр, отгрызающий свои «ядра», то есть детородные органы, чтобы спастись от охотящихся за ним людей, – образ-иллюстрация принципа приоритета духовного начала жизни перед материальным.

3. Притча Г.С. Сковороды «Убогий жаворонок».

Центральным лейтмотивом притчей «Убогий жаворонок» и «Благодарный Еродий» является представление о человеческом социуме, или о мире (в понимании Сковороды) как об устройстве, исполненном губительных соблазнов и испытаний. Для выражения этой идеи автор-моралист постоянно прибегает к аллегории и сравнению, уподобляя мир то коварному ловцу, расставляющему сети для неопытных и неразумных, то волку, обрядившемуся в овечью шкуру и под такой личиной губящему наивных людей-жертв. Избежать западни мира-ловца, по убеждению Сковороды, может лишь разумный и праведный человек.

Герои притчей-трактатов – птицы и звери. Каждый из них выражает определенную жизненную позицию. Так, в притче «Убогий жаворонок» собеседники-антагонисты – тетерев (Салакон) и жаворонок (Сабаш). Тетерев считает первостепенным чины и почести, изысканную пищу, мнения и моду. Его оппонент жаворонок, названный убогим, живет по принципу, преподанному его мудрым отцом Алаудой. Жаворонок исповедует евангельскую мораль, согласно которой «блаженны нищие духом». Он ставит духовные ценности выше материальных. В притче «Убогий жаворонок» основная мораль проистекает из аллегорического сюжета. Каждый из иносказательных образов этого сюжета включает определенный смысл. Неразумный тетерев со своими столь же алчными собратьями попадает в сеть, расставленную птицеловом. Шумная пирушка, глупое веселье и обжорство приводят к трагическому исходу: птицы погибают. Тетерев – аллегорический образ человека неразумного, непросвещенного светом божественной премудрости; птицелов с сетью – мирские соблазны, пленяющие и губящие людей. Мораль притчи имеет религиозно-мистический характер. Не случайно ее значительную часть составляют поучения Алауды, в которых много оборотов и изречений библейской мудрости. В наставлениях Алауды Сковорода развивает один из дидактических мотивов Книги Притчей Соломоновых – мотив мудрой отеческой заповеди. Идеалом автора, выраженным жаворонком, является хранение чистоты сердца и благоразумия. Необузданность желаний, слепые чувственные влечения приводят к страданиям. Поэтому в притче звучат изречения Экклезиаста.

4. Притча Г.С. Сковороды «Благодарный Еродий».

В притче «Благодарный Еродий» сходные с взглядами жаворонка идеи выражает аист Еродий, рассуждающий о воспитании. Суть воспитания, по Еродию, не в приобретении мирских знаний, преуспевании в модных науках и искусствах, а в нравственном самосовершенствовании, в благочестии и удалении от соблазнов. Мудрый Алауда учит, что разумный человек – это тот, кто умеет читать книгу мира, не поддаваясь его уловкам. В притче «Благодарный Еродий» (выражено учение о «сродности») – собеседники-оппоненты обезьяна Пишек и Еродий (аист) (подзаголовок притчи – «Притча, нареченная «Еродий». В ней разлагольствуют обезьяна с птенцом Еродиевым о воспитании»). Еродий утверждает: «От природы, как матери, легонько успевает наука собою. Сия есть всеродная и истинная учительница, единая. Сокола вскоре научишь летать, но черепаху. Орла во мгновение наставишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. ... Учитель и врач – не врач и учитель, а только служитель природы, единственной и истинной врачевницы, и учительницы. Если кто чего хочет научиться, к сему подобает ему родиться. Ничто от людей, от Бога же все возможно. Если же кто дерзает Без Бога научить или научиться, да памятует пословицу «Волка в плуг, а он в луг». Воспитание, согласно Сковороде, должно усиливать природные способности. Вопросы и задания к практическому занятию

Тема 5. Притча в творчестве Л. Н. Толстого

1. Представления Л.Н. Толстого о сущности искусства и его назначении. Тратат «Что такое искусство?».
2. Притчи в «Исповеди».
3. Притчеобразная поэтика «народных» рассказов.

1. Представления Л.Н. Толстого о сущности искусства и его назначении. Тратат «Что такое искусство?».

Обращение Л.Н. Толстого к притче, древним притчевым сюжетам, построение им произведений по законам поэтики притчевого жанра наблюдается на протяжении значительного периода творчества писателя. Притча как жанр дидактико-аллегорический была весьма близка художественно-эстетической ориентации Л.Н. Толстого, его устремленности к духовному учительству.

Л.Н. Толстой оставил человечеству художественное наследие, которое справедливо можно определить ДУХОВНОЙ ЗАПОВЕДЬЮ, откровением великого и мудрого сердца, взыскующего веры и истины, проповедующего свет духовности и разума всем, стремящимся обрести в своем частном существовании нравственные опоры, разумный смысл и целесообразность.

Дидактизм Л.Н. Толстого, в конечном итоге проистекавший из осознанного им стремления к устранению расхождения между должным и сущим, идеалом нравственности и практической этикой людей, пронизывает в большей или меньшей мере почти все произведения этого писателя. Однако наиболее ярко дидактизм выражен в творчестве позднего Л.Н. Толстого. С конца 1870-х годов Толстой-психолог заметно уступил место Толстому-публицисту, моралисту и нравственному педагогу. В значительной степени благодаря произведениям, созданным писателем в поздний период, современниками и последующими поколениями он стал восприниматься не только как художественный авторитет, но и как учитель жизни, образец для истинно подвижнического отношения к нравственным обязанностям человека.

К притче в ее различных модификациях Л.Н. Толстой пришел вследствие своей эволюции к бескомпромиссному дидактизму, отходу от любых проявлений внеучительного понимания назначения искусства. В трактате «Что такое искусство?» (1897 – 1898) Л.Н. Толстой осудил современное ему искусство высших классов, которое «могло возникнуть только на рабстве народных масс и может продолжаться только до тех пор, пока будет это рабство». Задача писателя состоит в единении всех людей, в формировании их нравственного облика. Идеалом Л.Н. Толстого является христианское искусство, которое «должно быть кафолично в прямом значении этого слова, то есть всемирно, и потому должно соединять всех людей». «Христианское искусство или вызывает в людях те чувства, которые через любовь к Богу и ближнему влекут их ко все большему единению, делают их готовыми и способными к такому единению, или же вызывает в них те чувства, которые подсказывают им то, что они уже соединены единством радостей и горестей житейских. И потому христианское искусство

нашего времени может быть и есть двух родов: 1) искусство, передающее чувства, вытекающие из религиозного сознания положения человека в мире, по отношению к Богу и ближнему, – искусство религиозное, и 2) искусство, передающее самые простые житейские чувства, такие, которые доступны всем людям всего мира – искусство всемирное. Только эти два рода искусства могут считаться хорошим искусством в наше время», – утверждает автор трактата «Что такое искусство?».

Если перевести размышления Л.Н. Толстого на язык древнерусских понятий, то искусство прежде всего должно быть душеполезным, т. е. врачующим, исцеляющим «внутреннего человека» от соблазнов, губительных страстей и иллюзии найти в жизни «мира сего» разумный смысл и истину. В Древней Руси особое распространение получила литература для «душеполезного чтения», и притча в этой литературе занимала одно из первостепенных по значимости мест.

В позднем творчестве Л.Н. Толстого притча стала одной из форм выражения идей о путях преодоления зла, обретения веры и смысла человеческой жизни.

В границах дидактического понимания назначения искусства и литературы притча нашла в произведениях Л.Н. Толстого разнообразные пути применения. Выделим лишь некоторые из них:

1. Притча как вставной компонент в художественном контексте произведений, выступающий в них как средство иллюстрации авторских мыслей и представлений («Исповедь»).

2. Построение произведений по поэтическим канонам притчевого жанра. Таковы многие «народные рассказы», созданные Л.Н. Толстым в 1880–1890 годы («Чем люди живы», «Два старика», «Три вопроса», «Три старца» и др.). В эту группу, несомненно, входят и произведения, определенные самим Л.Н. Толстым как притчи. Это притча «Три сына» и своеобразный цикл «Три притчи».

Кроме приведенных примеров обращения Л.Н. Толстого к традиции духовной притчи, писатель оставил подробное, детальное истолкование всех евангельских притчей из четырех Евангелий, переведенных им с греческого языка. Глубокое знание Л.Н. Толстым евангельских текстов самым прямым образом повлияло на создание им многих «народных рассказов».

2. Притчи в «Исповеди».

«Исповедь» – автобиографическое сочинение Л.Н. Толстого. Она занимает пограничное положение между художественно-литературным творчеством и религиозно-философским, этическим дискурсом. Л.Н. Толстой с присущим ему глубоким психологизмом проводит анализ становления своих нравственно-религиозных чувств от детских лет до произошедшего с ним на рубеже 1870-х – 1880-х годов духовного переворота. «Исповедь» – это история движения души от состояния неведения, из плена ложных ценностей к обретению света религиозной нравственности и веры. Последней Л.Н. Толстой придавал ключевое значение, считая, что она «есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет». Определяя веру как «силу жизни», то есть то, что единственным образом обеспечивает осмысленность человеческому

существованию, Л. Н. Толстой строит «Исповедь» как последовательную мотивацию своей нравственно-религиозной концепции. Композиционно «Исповедь» напоминает трехчастные христианские легенды. Первый ее компонент – преступление. Затем следует наказание грешника и, наконец, его духовное исцеление, прозрение, обретение благодати. Описывая каждый из этапов своей духовной эволюции, Л. Н. Толстой неоднократно обращается к аллегории, притче, символическому уподоблению. Форма притчевого выражения позволяет писателю наиболее адекватно решить поставленную им в «Исповеди» главную дидактико-проповедническую задачу: убедить читателя в истинности своей нравственной позиции. Отсюда и исповедальный пафос, определивший лейтмотив содержания и название толстовского повествования. Почти каждый из логически завершенных его фрагментов Л.Н. Толстой обобщает выразительным аллегорическим символическим образом, легендой, заимствованной или оригинальной притчей, а также изречениями мудрецов человечества. В сцеплении между собой последовательно сменяющих друг друга повествовательных фрагментов, рассказывающих об отдельных периодах его жизни, автор «Исповеди» следует композиционному принципу притчи классического образца, состоящей из иносказательной фабулы и ее толкования. Только в сочинении Л.Н. Толстого размышление-толкование, напротив, предшествует художественному иносказанию, обобщающему его.

Первый и, пожалуй, самый примечательный из всех других образно-иносказательных компонентов в составе «Исповеди» – это древневосточная притча о путнике, спасающемся от разъяренного зверя. В Древней Руси она была широко известна в проложном изложении под названием «Об инороге». Эта притча занимает центральное место в толстовском произведении, поскольку раскрывает суть отношения автора к жизни после пережитого им духовного кризиса и обретения веры. Свою прежнюю жизнь, извращенные, ложные представления о целях человеческого существования Л.Н. Толстой аллегорически уподобляет сладким медвяным каплям, которые в древней притче есть иносказательный образ самообольщения и мирских соблазнов, отвлекающих людей от аскетического созерцания жизни и познания истины. Притча «Об инороге» в трактовке Л.Н. Толстого обретает более четкий, индивидуально-конкретный смысл. Автор «Исповеди», подобно путнику, долгие годы утешался «сладостью», пребывая в состоянии самообольщения, в плену у прелестей мира сего. Описывая свое разочарование, потерю вкуса к жизни как следствие неистинного, праздного существования Л.Н. Толстой акцентирует именно аллессию соблазна сладости, перерастающую в сквозной мотив всей «Исповеди»: «...я держусь за ветки жизни, зная, что неминуемо ждет дракон смерти, готовый растерзать меня, и не могу понять, зачем я попал на это мучение. И я пытаюсь сосать тот мед, который прежде утешал меня; но этот мед уже не радует меня, а белая и черная мышь – день и ночь – подтачивают ветку, за которую я держусь. Я вижу одно – неизбежного дракона и мышей, – и не могу отвести от них взор. И это не басня, а это истинная, неоспоримая и всякому понятная правда.

Прежний обман радостей жизни, заглушавший ужас дракона, уже не обманывает меня. Сколько ни говори мне: ты не можешь понять смысла

жизни, не думай, живи, – я не могу делать этого, потому что слишком долго делал это прежде. Теперь я не могу не видеть дня и ночи, бегущих и ведущих меня к смерти. Я вижу это одно, потому что это одно – истина. Остальное все – ложь.

Те две капли меда, которые дольше других отводили мне глаза от жестокой истины, – любовь к семье и к писательству, которое я называл искусством, – уже не сладки мне».

Пытаясь обрести знание смысла жизни, Л.Н. Толстой обращается к духовному опыту мудрецов человечества. Среди них – Сократ, Шопенгауэр, Соломон, Будда. Эти великие пессимисты лишь подтверждают убеждение писателя в том, что жизнь в целом не имеет смысла, ибо преисполнена суеты и страданий, заканчивающихся смертью. Мудрость Экклезиаста, легенда о Будде служат наряду с притчей о путнике тем иллюстративным материалом, при посредничестве которого Л.Н. Толстой подводит итог собственным размышлениям о «греховном» и кризисном этапах своей жизни.

Выход из ужасного противоречия, осознания бессмысленности жизни и тайной ее конца, автор «Исповеди», наконец, преодолевает, обратившись от философии мудрых одиночек, отрицающих смысл человеческого существования «в заблуждении гордости своего ума» к «неразумному знанию», то есть к вере, исповедуемой массой простых трудовых людей. Л.Н. Толстой находит живительный источник в религиозно-нравственном самосознании народа, в его вере в Божественное волеизъявление, в смирении перед тайной этого волеизъявления. Обратившись к народной вере, писатель усматривает источник своей душевной опустошенности в том праздном, паразитическом образе существования, который он вел, подобно всем другим представителям высшего сословия. «Я отрекся от жизни нашего круга, – пишет автор «Исповеди», – признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей».

С точки зрения Л.Н. Толстого, глубоко симпатизировавшего народной вере, ее смысл заключается в целом в том, чтобы реализовать главную жизненную задачу человека – спасение его души. А «чтобы спасти свою душу, нужно жить по-божьи, а чтобы жить по-божьи, нужно отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым». «Смысл этот народ черпает, – пишет Л.Н. Толстой, – из всего вероучения, переданного и передаваемого ему пастырями и преданием, живущим в народе и выражающемся в легендах, пословицах, рассказах». Суть своего обращения к народной внецерковной вере Л.Н. Толстой после размышлений о проделанной им мучительной внутренней работе подкрепляет оригинальной притчей. Это рассказ-иллюстрация о гребце, оказавшемся по своей неопытности посередине реки и сумевшем, несмотря на различные соблазны и препятствия, преодолеть растерянность, найти правильное направление и пристать к берегу. В трактовке автора «берег – это был Бог, направление – это было предание, весла – это была данная ... свобода выгрестись к берегу – соединиться с Богом».

В соответствии со свойственной Л.Н. Толстому аналитической манерой к обобщению «Исповедь» завершается емкой художественной аллегорией, синтезирующей в себе описание всех этапов духовной эволюции писателя. Л.Н. Толстой излагает увиденный им сон, который, по его признанию, выразил в сжатом образе все то, что он пережил и описал, называя его притчей.

3. Притчеобразная поэтика «народных» рассказов.

«Народные рассказы», созданные Л.Н. Толстым в 1880 – 1890-е годы, тяготеет к жанру притчи. Так, по мнению Е.А. Маймина, уже одно название «народные рассказы» у Толстого в значительной степени условно. «Что бы ни думал о них сам Толстой, это не столько рассказы, сколько род притчи, поучения», – считает Е.А. Маймин. Согласно Е.Н. Купреяновой, «притчи – вот самое точное и прямое обозначение жанра «простонародных повествований» Толстого...». Однако утверждение о том, что толстовские «народные рассказы» восходят лишь к одной традиции притчи, не совсем верно, ибо они синтезируют в себе элементы не только притчевого жанра, но и жития, а также таких традиционных фольклорных форм, как легенда, сказка, быль.

Создавая свои простонародные назидательные произведения, Л.Н. Толстой более всего ориентировался на эстетические нормы и принципы древнерусской литературы. По мнению Е.В. Николаевой, исследовавшей роль древнерусской литературной традиции в становлении жанра «народных рассказов» Л.Н. Толстого, «свойственный всей древнерусской литературе, а не только притчам, аллегоризм заставляет, видимо, сопоставлять народные рассказы при беглом рассмотрении именно с притчами». Однако, как считает исследователь, «применительно к народным рассказам вернее было бы говорить об аллегорическом толковании типичных жизненных ситуаций, тогда как в притче ... аллегорические образы чаще всего бывают достаточно условны». Несмотря на большую убедительность доводов Е.В. Николаевой, притчевость, тем не менее, составляет одну из доминантных черт жанровой поэтики толстовских произведений народного цикла. В чем же проявляют себя элементы притчевости, и почему «народные рассказы» вполне справедливо можно назвать притчеобразными, то есть тяготеющими к жанру притчи?

Во-первых, «народные рассказы» дидактичны. Они созданы Л.Н. Толстым с назидательно-проповеднической целью и выражают стремление автора донести до сознания современников основные принципы своего нового жизнепонимания. Вторым признаком, на основании которого можно отнести «народные рассказы» к притчеобразным произведениям Л.Н. Толстого, являются их аллегоризм, ярко выраженный лаконизм стиля, упрощенность, условность в изображении персонажей и фабульных ситуаций. В третьих, «народные рассказы» отличает религиозно-моралистическая тенденциозность, что свойственно классической духовной притче. Рассмотрим проявление каждой из перечисленных примет притчевости в толстовском народном цикле.

Дидактизм. Выступая в роли нравственно-религиозного учителя, Л.Н. Толстой в своих «народных рассказах» выразил в основном три главных с его точки зрения принципа духовного жизнеустроения. Они и выступают в качестве составных элементов популяризируемого писателем его религиозно-этического идеала. Важнейшие из принципов, проповедуемых Л.Н. Толстым, – деятельная любовь к ближнему, всеобщее духовное единение, выводящие людей из эгоистической обособленности (рассказы «Где любовь, там и Бог», «Чем люди живы», «Два старика» и др.). Второй религиозно-этический принцип, проповедуемый автором «народных рассказов», заключается в смирении, в непротивлении злу насилием, отказе от низких чувств злорадства и мести. Популяризация этого принципа привела Л.Н. Толстого к созданию таких, к примеру, рассказов, как «Свечка», «Крестник», «Упустишь огонь – не потушишь», «Вражье лепко, а божье крепко» и др. Наконец, третьим элементом, составляющим поздний толстовский идеал, является идея внецерковного достижения человеком праведничества посредством добрых деяний и скромного подвижничества. Излюбленная мысль Л.Н. Толстого о спасении души, не связанном с официальной церковной догматикой, лежит в основе рассказов «Два старика» и «Три старца».

Иногда в пределах одного повествования из народного цикла можно обнаружить взаимодействие нескольких религиозно-дидактических мотивов. Так, в рассказе «Чем люди живы» определяющей является идея любви, милосердия, деятельного, а не словесного выполнения христианских альтруистических заповедей. Не случайно, что к этому рассказу Л.Н. Толстой отобрал восемь эпиграфов из Послания Иоанна на тему любви. В основе рассказа – история бедного сапожника Семена, самоотверженно приютившего у себя нищего, замерзавшего на дороге странника. Странник впоследствии оказался сверхъестественным существом, Ангелом, который был наказан Богом за ослушание его заповеди. Ангел в человеческом облике, согласно божьей воле, должен был претерпеть страдания, чтобы в конечном итоге уразуметь и возгласить истину о том, что «жив всякий человек не заботой о себе, а любовью», что «кто в любви, тот в боге и бог в нем, потому что бог есть любовь». Однако прозрение Ангела и других персонажей рассказа состояло не только в познании божественных альтруистических заповедей, но также и в том, что божья воля – закон, и в смирении перед Богом, в кротости заключается высшая мудрость человеческая, ибо «не дано людям знать, чего им для своего тела нужно». Таким образом, весь толстовский рассказ есть одновременно проповедь как духовного альтруизма, так и христианского смирения, отказа от всяких сомнений относительно справедливости божьего волеизъявления.

В рассказе «Два старика» дидактическое содержание выражается в призыве к деятельной любви, которой Л.Н. Толстой в мирском бытии отдает предпочтение перед усердным исполнением религиозных обрядов. Как и к легенде-притче «Чем люди живы», писатель к этому рассказу, популяризируя христианскую мораль, ставит эпиграфами стихи из Евангелия от Иоанна о вере. Фабула «Двух стариков» сводится к изображению перипетий, пережитых героями во время странствия в Иерусалим. Один

из них, небогатый мужик Елисей Бодров, не доходит до цели своего паломничества; он возвращается домой, истратив почти все взятые в дорогу деньги на благотворительное дело. Елисей спасает от голодной смерти целую крестьянскую семью, покупает оказавшимся в беде людям продукты и лошадь, выплачивает их долги. При этом свой добрый поступок Елисей сохраняет в тайне даже от родственников, говоря им, что растерял деньги дорогой. Другой старик, зажиточный мужик Ефим Тарасыч Шевелев, доходит до Иерусалима, посещает монастырь, храм Вознесения и другие святые места. Он совершает положенные странникам-богомольцам обряды, но при этом не испытывает того чувства, к которому стремился. В святом храме перед Ефимом предстает чудесный образ: под самыми лампадами, у гроба Господня он видит потерянного в дороге своего товарища Елисея. Возвратясь на родину, Ефим встречается с жильцами крестьянской избы, облагодетельствованными Елисеем, и, услышав от них рассказ о неизвестном, скромном с виду страннике-спасителе, прозревает смысл чуда, произошедшего перед его глазами в иерусалимском храме: «Так вот он где, — думает, — упредил меня. Мои труды приняты, нет ли, а его-то принял господь». Главная идея рассказа выражена Л.Н. Толстым в заключительных строках о том, что «на миру велел бог отбывать каждому свой оброк — любовью и добрыми делами».

Аллегоризм художественных образов «народных рассказов», лаконизм и нарочитая упрощенность их стиля. Как и в притче, почти все персонажи «народных рассказов» обрисованы весьма схематично. Л.Н. Толстой стремился к изображению не индивидуальности и своеобразия конкретной личности, а, напротив, к аллегорическому обобщению в одном персонаже суммы определенных человеческих качеств, составляющих его религиозно-этический идеал. Герои «народных рассказов» деиндивидуализированы, их в полной мере характеризует тот моральный выбор, который они осуществляют в своей жизни. Л.Н. Толстой избегает свойственной его психологической прозе глубокой мотивации в обосновании поступков персонажей. Большой грешник в «народных рассказах» неожиданно для читателя может стать святым, злорадный и мстительный в один момент перевоплощается в кроткого и смиренного. Каждый из героев предстает как проводник авторских представлений о нравственном и безнравственном, истинном и ложном, богоугодном и дьявольском. Так, в рассказе «Бог правду видит, да не скоро скажет» каторжник Макар Семенов, неожиданно раскаивается в своих грехах, испытыва благословение перед смирением и нравственным величием купца Аксенова, ставшего когда-то жертвой его злодеяния. В рассказе «Крестник» Л. Н. Толстой также почти не заботится о правдоподобной мотивации превращения свирепого разбойника-убийцы в праведника. Писателю важно провести дидактическую идею о том, что зло нельзя уничтожить злом, и добро, якобы, торжествует только тогда, когда, согласно заповедям Христа, не вступает в борьбу со злом. Святой отшельник примером своего подвижничества и смирения побеждает жестокосердие разбойника, обращая его к добру.

Отходя от принципа жизнеподобия, Л.Н. Толстой в большинстве случаев пишет свои рассказы, обрабатывая уже готовые, чаще всего

фольклорные сказочно-легендарные и житийные сюжеты. Так, источниками для рассказов «Крестник», «Чем люди живы», «Три старца», «Два старика», «Сказка об Иване-дураке...» и многих других послужили взятые из сборника А.Н. Афанасьева или записанные от сказителей народные легенды и сказки. В народном толстовском цикле присутствуют также рассказы, в основу которых положены сюжеты религиозных повествований, заимствованных Л.Н. Толстым из древнерусского Пролога («Два брата и золото») и произведений других писателей («Где любовь, там и Бог», «Дорого стоит»).

Творчески перерабатывая различные источники, Л.Н. Толстой всецело подчинял их реализации своей дидактической программы. Сверхъестественный, мистический элемент, неизменно присутствующий в сказках и легендах, преданиях и житиях, он умело приспособлял к проповеди христианских заповедей. Писатель следовал принципу, изложенному им в «Исповеди»: «Сближался я с народом, слушая его суждения о жизни, о вере, и я все больше и больше понимал истину. То же было со мной при чтении Четьи-Минеи и Прологов; это стало любимым моим чтением. Исключая чудеса, смотря на них как на фабулу, выражающую мысль, чтение это открывало мне смысл жизни. Там были жития Макария Великого, Иоасафа-царевича (история Будды), там были слова Иоанна Златоуста, слова о путнике в колодце, о монахе, нашедшем золото, о Петре-мытаре, там – история мучеников, всех заявлявших одно, что смерть не исключает жизни». В «народных рассказах», как правило, сюжеты, положенные в их основу, переведены Л.Н. Толстым из плана фантастического в план аллегорико-дидактический. Так, в рассказе «Три старца» старцы, бегущие по морским волнам и распространяющие вокруг себя сияние, – аллегория истинного праведничества и подвижничества духа. В рассказах «Чем люди живы» и «Два старика» Ангел и чудесный образ, увиденный странником-богомольцем, – олицетворения человеческой совести и внутреннего прозрения. Таким же образом можно истолковать и сверхъестественный голос, послышавшийся герою рассказа «Где любовь, там и Бог». Это голос нравственного чувства, проснувшегося в человеке. Сапожник Авдеич под влиянием каждодневного чтения Евангелия, обретает истину о том, что Христос является к людям тогда, когда к ним с просьбой приходят другие люди, когда человек видит, что его помощь нужна окружающим его страдающим ближним. Отказ ближнему в помощи означает отвержение Христа, который есть любовь.

«Народные рассказы» написаны в притчеобразном стиле. Л.Н. Толстой предельно лаконичен в выражении своих мыслей, его язык по-библейски прост и естественен.

Религиозное содержание морали, проповедуемой Л.Н. Толстым в «народных рассказах». «Поздний» Л.Н. Толстой исповедует христианскую нравственность и веру. Сквозной мотив «народных рассказов» – любовь к Богу, отождествляемая писателем с деятельной любовью людей друг к другу. Мораль толстовского народного цикла сводима в основном к христианской формуле «Бог есть любовь» и носит возвышенный характер, требуя от своего адепта отказа от эгоистических чувств и призывая к каждодневному альтруистическому подвигу. «Народные рассказы»

пронизаны таким же человеколюбием, что и притчи Христа О милосердном самарянине, О блудном сыне и др. Не случайно, что многие из сюжетов своих рассказов Л. Н. Толстой весьма умело приспособлял к разъяснению и популяризации ключевых нравственно-христианских постулатов. Такие, к примеру, рассказы, как «Где любовь, там и Бог», «Чем люди живы», «Упустишь огонь – не потушишь», «Свечка», служат своеобразной иллюстрацией к подобранным к ним эпиграфам из Евангелия и других книг Нового Завета. Мораль, проповедуемая Л.Н. Толстым, основана на вере, то есть иррациональном чувстве, которое сам писатель определяет как «неразумное знание». Она учит жить и поступать в соответствии с Божественным волеизъявлением вне всяких сомнений в его истинности и великой мудрости.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫ

Тема 6. Притча в современной православной прозе

1. Современная православная проза и актуализация в ней жанра притчи.
2. Повесть-притча Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа».
3. Евангельские притчи в контексте рассказов Н. Веселовской «Все равно», «Выбор», «Корзинка с фруктами», «Каждый человек», «Учительница второго “А”», «Воздушные ямы».
4. Поэтика «Маленьких притч для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина).
5. Повести-притчи инокa Всеволода Филиппева «Начальник тишины» и «Святогорец».

1. Современная православная проза и актуализация в ней жанра притчи.

Православная проза – одно из самых примечательных явлений в современной литературе. В широком смысле это произведения, авторы которых выражают православное мировоззрение, раскрывают и утверждают христианские идеалы и ценности. На современном этапе православная проза является составной частью духовной традиции в русской литературе, которая, по определению И.А. Есаулова, есть «осмысление христианской сущности человека и православной картины мира в литературе, имеющее трансисторический характер». Знание и понимание основ этой традиции дает возможность более глубоко осознать силу духовной преемственности между разными поколениями писателей, в творчестве которых христианское мирозерцание сыграло особую роль. Среди известных русских православных авторов первой половины XX века, например, И.С. Шмелев, автор книг «Лето Господне», «Богомолье», «Пути небесные». Именно с православной прозой в 1980-1990-е годы и уже в 21 веке связано возрождение дидактической сферы искусства слова, что очень актуально в условиях прогрессирующего, по словам А. Солженицына, процесса «перерождения гуманизма». Создание православными писателями произведений в соответствии с принципами поэтики универсального дидактико-аллегорического жанра притчи – одна из характерных особенностей рассматриваемого направления в современной литературе. В своем «чистом» виде притча в художественной прозе рубежа веков и нашего времени – явление достаточно редкое, с этой точки зрения ее можно сравнить с драгоценной жемчужиной. Притчи, представляющие классический образец жанра, например, созданы иноком Варнавой (Саниным: сборник «Маленькие притчи»). В большей мере современные авторы используют какие-то отдельные свойства притчевой поэтики, одновременно ориентируясь на такие жанры, как повесть, сказка, сказочная повесть. В результате ими созданы произведения, имеющие усложненную, смешанную жанровую природу, отличительной особенностью которых является притчеобразие. Многие из этих произведений предназначены для детского читателя или семейного чтения. Притчеобразие – одна

из главных черт, характеризующих своеобразие художественного строя повестей Ю. Вознесенской («Мои посмертные приключения», «Сто дней до потопа»), произведений инок Всеволода «Начальник тишины», «Ангелы приходят всегда», «Святогорец». Притчеобразие проявляется и в авторском обращении к сюжетам и мотивам евангельских притч, в особенности к притче о блудном сыне. Евангельские притчи, например, вводятся в композицию произведения, как это характерно для творчества Надежды Веселовской для детей. Рассмотрим каждый из вышеназванных вариантов притчеобразной прозы.

2. Повесть-притча Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа».

Литературно-художественная модификация повести-притчи наряду со сказкой-притчей и сказочной повестью занимает особое место в жанровом составе современной православной прозы.

Повесть-притча Юлии Вознесенской «Сто дней до потопа» обращает читательскую мысль одновременно и к современности и к будущему, представляя собой модель апокалипсического бытия человечества, попавшего под власть антихриста и демонических сил. В произведении создан образ отпавшей от Бога греховной эпохи, космополитической цивилизации потребления, в которой преданы забвению извечные нравственные законы и запреты, а взамен их царят блуд и беспредельное беззаконие.

В сердцах людей страны «С ТОГО БЕРЕГА» не остается места для сострадания и раскаяния. Их жизнь проходит в сплошной гонке за модными удовольствиями и развлечениями и уподобляется «большому праздничному базару». Описывая город, символизирующий царство всеобщего греха, героиня повести-притчи, называет его культуру «детской», «почти младенческой», а также «карнавальной»: «Как будто бы дети построили игрушечный город по своему вкусу, а потом пришел волшебник и увеличил его до взрослого размера, ... все здесь было рассчитано на то, чтобы просто удивлять и забавлять». Одной из главных примет облика этого «игрушечного» города являются размещенные повсюду и «обязательно что-нибудь рекламирующие» многочисленные лозунги и картинки: «Тот же образ жизни, к примеру: «Мы – впереди всей Земли!», «Город нефилимов – город счастья и свободы!», «Забудь Творца – твори себя сам!», «Живи на яркой стороне жизни!», «Бери от жизни все!».

Ю. Вознесенская наделяет преступную цивилизацию богопротивными чертами и изменениями, многие из которых, проявились в достаточной степени заметно уже на рубеже XX – XXI вв. «Прототипом» порочного человечества для автора послужил, прежде всего, экологический, социально-психологический и нравственный негатив современности. В мире антиутопического будущего произошли необратимые изменения климата, «самого воздуха на земле, который «настолько перенасытился влагой, что, казалось, его можно выжимать как губку». Простая и полезная для здоровья пища была заменена для масс модифицированными продуктами генной инженерии, а целебные свойства натуральных овощей и фруктов приобрели статус секретной информации, доступной лишь для правящей элиты.

Освещенный разноцветными огнями и яркими, манящими к себе взгляд рекламами город «сладкой жизни» – средоточие самых мерзких грехов и пороков, обобщенно-символический образ состояния крайнего духовного заблуждения и нечестия.

По мнению главной героини произведения Дины, женщины деловой и эмансипированной, научно-технический прогресс – это торжество исканий человеческого ума, гордый вызов Творцу, который «и Сам не предвидел многих возможностей природы и человека». Поэтому «человечество развивается своим путем и в няньках, то есть в руководстве Бога, больше не нуждается!». Соответственно, как считает «бизнес-леди», жить надо «ярко, дорого и с блеском, со вкусом и риском». Вера же в Творца и в Его потоп – заблуждение религиозных фанатиков и консерваторов.

Идеалом для героини является языческое, или «античное счастье» (протоиерей Андрей Ткачев), то есть культ наслаждений и как можно дольше неубывающей телесно-сексуальной привлекательности. Сохранение столетней Диной физической молодости происходит за счет дорогостоящих операций и «Банка Жизни», который, по словам одного из персонажей, сына праведника Ноя Сима, представляет собой, по сути, «ужасное хранилище детских трупиков». С точки зрения Дины, эмбрион – просто кусок ее мяса, и «это не преступление – отдать часть своей беременной плоти в банк на сохранение, чтобы на случай иметь свои собственные запасные клетки и ткани».

Показывая духовную смерть и пустоту бытия людей, отправших от Всевышнего, Ю. Вознесенская обращается к Священному Писанию, к книгам Бытия и к Евангелию, создавая в этом плане проникнутую библейскими аллюзиями и реминисценциями притчу о грехе и наказании, нравственном выборе и покаянии. Литературно-видовая специфика произведения определяется взаимодействием жанрообразующих признаков притчи и особенностей, характерных для художественной формы традиционной повести.

Текст книги Ю. Вознесенской предваряет цитата из Евангелия от Матфея: «Но как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, – так будет и в пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24:37-39). Она содержит опорные имена и реалии (Ной, потоп, ковчег), актуализируемые автором для образования притчеобразного плана усложненной жанровой структуры произведения. Ю. Вознесенская проводит аналогию между погрязшим в грехах допотопным человечеством и миром, созданным дaimонами, то есть «бывшими ангелами, отпавшими от Бога ради творческой свободы». В своем дневнике Дина замечает: «Нравы в городе были совершенно свободны, и мне это, конечно, нравилось. Люди совокуплялись, можно сказать, на ходу. Нет, как раз не на ходу: в сквериках, на остановках общественных повозок – везде стояли под балдахинами удобные топчаны с надувными матрацами с надписью «Почему мы должны ждать, дорогой (или дорогая)?». И с соответствующей картинкой, конечно».

Изображение «СТРАНЫ С ТОГО БЕРЕГА» под управлением бесовскими силами, включает также и описания, вызывающие в памяти библейские строки, посвященные истории гибельной участи Содома и Гоморры. Согласно Библии, жители этих городов отличались крайней степенью развращенности и нравственной деградации, чем навлекли на себя праведную и грозную небесную кару.

Отличительной особенностью художественного мира повести-притчи «Сто дней до потопа» является наличие в нем лиц библейской истории (Ной и его семейство). Их взгляды и поступки выражают основную религиозно-дидактическую идею произведения, составляя нравоучительный, притчеобразный план его сюжета и композиции. Проповедник Слова Божиего и строитель спасительного Ковчега Ной принадлежит к богобоязненному меньшинству и противопоставляется всеобщему духовному растлению и вырождению. В его изображении автор следует Книге Бытия, где Ной характеризуется как человек праведный и непорочный, который «обрел благодать пред очами Господа» (Быт. 6, 8).

По словам Дины, выражающей точку зрения большинства своих современников, Ной – фанатик, «бедный старикан», сбиваемый с толку «еще более древним стариком – самим Творцом». Он – «безумец и дело его безумно», а Ковчег – «дурацкий корабль», который отрадно спалить «просто так, смеха ради». Но праведник храним Всевышним, и «ни один факел так никогда и не долетел до Ковчега...».

Как и в классической притче, все персонажи произведения Ю. Вознесенской предстают, прежде всего, «не как объекты художнического наблюдения, но как «субъекты выбора и действия». Главная героиня должна сделать выбор между погоней за соблазнительным общественным идеалом «античного счастья» (протоиерей Андрей Ткачев) и уходом из обманчиво-прекрасного мира под властью «даймонов» в Ковчег, построенный праведниками. Дина находится в плену греха, в том духовном состоянии, когда невозможно принять в себя и прочувствовать проповедь о покаянии и Божиим Суде. В ее гибели в водах потопа автор не столько выражает свою веру в неминуемый апокалипсис человечества, сколько стремится напомнить современникам о духовно-нравственных уроках Вечной Книги, провести аналогии между прошлым и настоящим, библейской историей и современностью, раскрывая при этом греховную сущность и иллюзорность эгоистического идеала «античного счастья». Обращаясь к современникам и передавая основной идейный смысл повести-притчи Ю. Вознесенской, протоиерей Андрей Ткачев замечает: «Трагедии и катастрофы обитают именно там, где, как нам кажется, живут счастье и исполнение желаний. Нам кажется, что мы хотим счастья и только счастья, но может оказаться, что образ наших мыслей губителен, и в нем – корни всех наших проблем. Мы очень несчастные существа, дамы и господа, а самые лучшие наши мечты на проверку оказываются порнографическими грезами, допотопными, несбыточными, по Божьему милосердию. ... идеальная картинка с надписью «счастье» кажется нам неоспоримо красивой и правильной. Но на самом деле это сущий кошмар, которому, не дай Бог воплотиться».

Таким образом, в основу повести-притчи Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа» положено библейское предание о Всемирном потопе, насланном Богом на человеческий род за его грехи и злодеяния: «Бог воззрел на землю; и вот, она растленна: ибо все человеки на земле совратились с пути своего. И сказал Бог Ною: конец всех людей пришел пред лице Мое; ибо земля наполнилась от них злодеяниями. И вот, Я истреблю их с земли» (Быт. 9,12 - 13). Автор сопоставляет причины истребления первого мира и опасные, ускоряющие духовно-нравственный распад личности процессы и тенденции мирового общественного бытия нашего времени. Из истории глобальной катастрофы, о которой повествует Книга Бытия, Ю. Вознесенская извлекает, прежде всего, предупреждающий и нравоучительный для современников смысл. В притчеобразной форме она выражает идею о том, что разрыв с Богом, отказ от Его заповедей являются реальной основой не только духовного вырождения человечества, но и его уничтожения с лица земли наподобие того, которое произошло во времена, описанные в Библии.

3. Евангельские притчи в контексте рассказов Н. Веселовской о детях.

Рассказы Надежды Веселовской («Все равно», «Выбор», «Корзинка с фруктами», «Каждый человек», «Дороже всего», «Воздушные ямы» и др.), опубликованные в серии «Азы Православия для детей», предназначены для чтения взрослыми детям младшего школьного возраста. Они образуют повествовательный цикл, героями которого являются ученики второго класса, их учительница, родители и священник. В рассказах проводится мысль о значимости в современном обществе христианского воспитания, о незаменимой роли Церкви в педагогическом процессе. Н. Веселовская – один из самых известных авторов русской православной прозы. Основными темами ее творчества являются детство, школа, семья, раскрытие сущности христианского взгляда на мир, его преимущества перед языческим мироощущением в нравственном формировании человека.

Евангельские притчи, включенные в контекст рассказов, подчинены авторской задаче раскрытия важнейших принципов воспитания, которое базируется на учении православной антропологии и педагогики. Поэтому основу повествовательной структуры всего цикла составляет антитеза мир, мирские ценности и христианское понимание человека, смысла его земной жизни. Так, в рассказе «Воздушные ямы» утверждается добродетель смирения, «скромность перед Богом и людьми», поясняемая притчей «О фарисее и мытаре», основную религиозно-этическую мораль которой, батюшка выражает на языке Евангелия: «Бог гордым противится, а смиренным дает свою благодать».

Н. Веселовская показывает, что путь к Богу и вере начинается с осознания духовного значения крестных мук Богочеловека, его подвига, с пробуждения интереса к самым азам христианского учения и Православия. Подобно тому, как первые христиане объединялись в общины, отделяясь от языческого мира, приходят в Церковь шестеро второклассников, принявших в свои сердца учение Спасителя через его притчи и заповеди.

Воцерковление мальчиков и девочек, ставших единым духовным целым, изображено в рассказе «Приглашение», где в доступной для маленьких читателей форме раскрывается сущность и назначение

Таинств Исповеди и Причастия, дается представление об устройстве православного храма. В основу наставлений батюшки, обращенных к детям, положен характерный для притчевой поэтики принцип аллегорического уподобления, аналогии между нравственным миром человека и окружающей его вещественной сферой, природными образами и явлениями. Грехи, от которых должно очистить душу, готовясь к Причастию, уподобляются духовному мусору. Его, по словам батюшки, «приносят в церковь, где он потом будет уничтожен». Значение Причастия для православного христианина поясняется притчей «О званых на пир, но не пришедших»: «... Иисус Христос терпел на Кресте ужасные муки для того, чтобы приготовить верующим совершенного особый пир – возможность причаститься. ... Господин сказал: «Много званых, но мало избранных». То есть те, кто отказываются от приглашения, не войдут в Царство Небесное».

Посредством растительной аллегорезы выражен духовный смысл притчи «О сеятеле», изложение и толкование которой является отличительной принадлежностью композиции рассказа «Выбор». Тернии (сорняки) в ней – это удовольствия, неукротимое желание получать которые, заглушает в нас Божие «слово добра и милости», стремление быть хорошими.

Аллегория, основанная на биологической аналогии, – одна из наиболее примечательных форм передачи поучительного смысла в рассказе «Корзинка с фруктами». Второклассница Настя Фомина узнает, что «Иисус Христос сравнивал дерево с человеком», что «поступки человека – это и есть плоды его жизни», и «всякий, кто живет только для себя», от кого «никому ни пользы, ни радости», «засохнет», подобно бесплодной смоковнице из Евангельской притчи. Центральный собирательный образ-аллегория в рассказе – корзинка для фруктов. Наполняющие ее плоды могут быть разными: свежими и прекрасными, или, наоборот, испорченными, с неприятным запахом. Все зависит от наших мыслей, чувств и поступков.

Каждая из притч в рассказах Н. Веселовской применительно к той или иной ситуации, в которую попадают дети, приобретает прикладной характер, осознается ими в качестве примера правильного или, напротив, греховного поведения. «Евангельские притчи – это не просто житейские иллюстрации некоторых нравственных истин, а обращение к совести человека: понимаешь ли ты, что происходит с тобой», – пишет о. Андрей Кураев. Именно эта специфическая черта притчевой поэтики наиболее ярко и убедительно отражена в историях Н. Веселовской о детях, их нравственно-религиозном выборе. Герои рассказов оказываются в тех же положениях, что и персонажи притч Христа, испытывают их чувства, то есть и сами в этом смысле становятся «субъектами этического выбора» (С.С. Аверинцев). Ребята не просто отыскивают скрытый смысл евангельских иносказаний, но и переносят его в собственную жизнь, на те отношения, которые они выстраивают с окружающими. Что значит быть блудным сыном, по-своему переживает героиня рассказа «Каждый человек» Ксюша Малютина. Ей становится ясно, что «Богу нужен каждый человек», и «Бог хочет, чтобы человек исправился, – оставил, как блудный сын, все плохое и пошел к хорошему, а за плохое попросил прощения». Кое-кто из детей оказывается

в положении, подобном тому, которое представлено в притче «О злых виноградарях». Для Паши и Саши Марковых, более глубоко, чем для других ребят, открывается глубинный смысл притчи о купце, потратившем на одну жемчужину все свое состояние. Для них жемчужина превращается в символ маминого выздоровления, поскольку ради жизни самого дорогого на свете человека не жалко пожертвовать любыми земными сокровищами («Дороже всего»).

Мысль о том, что Евангельские притчи заключают нужную на все времена мудрость, помогая человеку в ситуациях, когда непросто совершить поступок, определяющий дальнейший ход жизни, выражена в рассказе «Учительница второго «А». В его основу положена притча «О талантах». Для молодой учительницы Аллы Артемовны она становится духовным ориентиром, помогая сделать выбор и понять, что в своем профессиональном самоопределении «человек должен не устраиваться как выгоднее, а приносить людям пользу. Иначе получится зарытый в землю талант». В притче Иисус Христос, по словам А. Меня, «дает ситуацию, и человек должен внутренне, как говорят экзистенциально почувствовать эту ситуацию и найти свой ответ». С этой точки зрения один из рассказов не случайно носит название «Выбор». Ее герою – Стасику Рубцову с большим трудом и с Божьей милостью удастся понять, что не все, что внешне привлекательно, является добром, а стремление быть сильным и независимым может принести несчастье не только себе, но и другим.

Обращение к Евангельским притчам позволяет автору в доступной и аглядной форме передать понимание источников пробуждения и развития у детей основных нравственных изъянов и пороков: самолюбия, зависти, гордости, лицемерия, гневливости, тщеславия, жестокости, лживости и др. Корни зависти и злорадства показаны на примере истории «тепы»-«мышки» Ксюши Малютиной, которая в качестве ответной реакции на свое положение в классе «хуже всех» «лишала других праздника», «пакостничала втихую» («Каждый человек»). Различные грани проявления гордости и тщеславия отражены в рассказах «Все равно», «Корзинка с фруктами», «Выбор», «Воздушные ямы».

В рассказе «Все равно» Н. Веселовская раскрывает сущность эгоистического отношения человека к своим близким и к окружающему миру, которое зарождается и глубоко пускает корни уже в детские годы. Восьмилетний Денис Лазарев имеет собственную «философию», основанную на «открытии»: «даже когда ты никого не слушаешься, для тебя ВСЕ РАВНО сделают все, что нужно». Как замечает Ириней, епископ Екатеринбургский и Ирбитский, «каждый человек становится тем, к чему его воспитывают». «Из дитяти можно сделать что угодно. Его душа подобна мягкому воску; на ней можно начертать образ Божий или образ дьявола». Нигилистическая позиция циника и эгоиста «ВСЕ РАВНО» – это плод равнодушного и ленивого отношения взрослых к детям, постепенного свыкания с тем, что среди них есть такие, которые никаких правил не признают.

Во всем плохом девочек и мальчиков с их разными задатками и характерами объединяет «злая воля», средоточием которой является чувство самолюбия, стремление любой ценой защитить свои эгоистические

интересы. Добрые чувства и дела, «скромность перед Богом и людьми» в образно-аллегорическом строе сюжета рассказов – это «страховые детали», оберегающие от «воздушных ям», то есть от ловушек, в которые «дьявол ловит самолюбивых людей» («Воздушные ямы»).

Выполняя в рассказах разъяснительно-дидактическую функцию, притчи помогают передать основы христианского понимания нравственной сферы человеческой жизни. В рассказе «Выбор», например, показаны причины развития состояния внутреннего разлада в человеке. Главному персонажу «иногда казалось, что в нем живут четыре разных человека: Стас, Стасик, Станислав и Стахий». «Все они очень подходили к притче: один был холоден, словно камень, другой развел в себе сплошные тернии, третий вообще смотрел, как бы кому напакостить... словно все хорошее похитил из него злой дух. И только четвертый мог быть землей, взрастившей доброе семя».

Все Евангельские притчи, рассказанные батюшкой школьникам, тесно связаны друг с другом, их объединяет мысль о том, что «человек должен стремиться к совершенству». Однако, полагаясь лишь на собственные силы в изживании из себя «духовного мусора», можно угодить в «воздушную яму»: «Вроде на высоте человек: делает все как надо, соблюдает священные правила. А чуть начнет гордиться да осуждать – становится хуже мытаря». Поэтому, всегда следует помнить о Сеятеле, просить у Него помощи, «чтобы злой дух в образе хищной птицы не похитил из ... сердца добрые семена» («Выбор»).

Притча – один из главных структурных компонентов рассмотренных произведений Н. Веселовской. Она не просто включается в текст рассказов, а разъясняется, последовательно разбирается в составляющих ее иносказательных образах. Глубинный смысл евангельских историй проецируется на ситуации, в которые дети попадают, подобно действующим лицам притч. Каждая из аллегорий служит для героев рассказов своеобразной подсказкой и нравственным ориентиром, пробуждает у них чувства совести, сострадания, раскаяния в недобрых мыслях и зловерных поступках.

4. «Маленькие» притчи монаха Варнавы (Санина)

Тематика «маленьких притч для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина), изданных в двух томах, также почти исключительно носит морально-религиозный характер. Однако в отличие от произведений афонского автора, проникнутых духом православного аскетического учения, назидательные рассказы, истории и высказывания монаха Варнавы представляют собой «удивительный сплав высокой духовности и нравственности с народной мудростью». Многие из них созданы как иллюстрации к известным пословицам и поговоркам, направляя читательскую мысль в сферу выработанной жизненным опытом бесчисленных людских поколений «морали благоразумия» («За двумя погонишься», «Пустая бочка», «Коса и камень», «Шило в мешке», «Ложка дёгтя», «Норовистое яйцо», «Плеть и обух», «Лежачий камень», «Глупец и гора», «Нет худа без добра» и др.). В народной мудрости автор видит выражение слитых воедино глубинных нравственных чувств и трезвого,

правильного взгляда на человека, его земную участь. Одним из дидактических лейтмотивов книг «маленьких притч» является утверждение синтеза морального принципа «золотой середины» (меры) и веры в Бога, благочестия как наиболее приемлемых с нравственной точки зрения ценностных приоритетов и духовных опор христианина-мирянина: «Устал подвижник идти слишком трудным, выбранным им самим путём и свернул на широкий.

А с того на узкий путь свернул возжелавший спасения человек.

Встретились они.

Поговорили.

И пошли вдвоём – средним путём!» («Царский путь»).

Неверие, отрицание Бога, исходя из учительной позиции автора, – следствие уклонения от «царского пути» и впадения в крайности, когда, как часто говорят о ком-либо в таком состоянии, что у него «зашел ум за разум» («Ум и разум»).

Многие притчи, источником которых послужила сокровищница фольклорной мудрости, бессюжетны, являя собой остроумные высказывания и замечания с явным или сокрытым поучительным смыслом: «Плетью обуха не перешибёшь. / Но связать – можно!»; «В темноте все кошки серы. А на свету и чёрная кошка останется чёрной!»; «На Бога надейся, а сам не плошай! А чтобы не оплошать – опять надейся на Бога!». Нередко популярные пословицы и поговорки трактуются автором в христианско-дидактическом духе, выступая отправной точкой для выражения евангельских истин и основ православного вероучения: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе» («Синица и журавль»); «Под лежащий камень вода не течёт» («Лежащий камень»); «Сколько волка не корми, а он всё в лес смотрит» («Непонятное») и др. Значение подлинной веры, укрепляющей духовные силы человека, принявшего христианский путь, раскрывается, например, в лаконичной притче «Синица и журавль»: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе!» – подумав, сделал выбор маловерный человек.

А глубоко верующий сел на синицу – и полетел вслед за журавлем». Народная мудрость начинает звучать на новый лад, переводится автором из обыденной сферы жизни людей в план вневременный: «На семь бед – один ответ:

«Слава Тебе, Господи и благодарение за всё и за вся!»

Ведь беды пройдут.

А Вечность – останется!».

Весьма объёмную группу в книге монаха Варнавы составляют притчи, действующими лицами которых являются персонифицированные добродетели и пороки, а также нравственно-психологические и религиозно-этические абстракции («Зависть», «Сребролюбие», «Трусость», «Покаяние», «Совесть», «Жадность», «Милосердие», «Уныние» и др.). В некоторых случаях персонажи-аллегии, выражающие дуалистический взгляд на духовный мир человека, образуют антагонистические пары («Гнев и Смирение», «Правда и Кривда», «Лень и работа», «Вражда и дружба», «Любовь и ненависть»). Использование приемов персонификации и антитезы позволяет автору в максимально сжатой и ясной форме передать самые

отличительные и рельефные особенности основных грехов и противостоящих им добродетелей. Так, притча «Жадность жадности», состоит всего лишь из трех коротких предложений. Но в ней очень точно и верно отображена сущность одного из самых распространенных людских пороков: «Нашла жадность клад.

И закопала его поглубже.

От жадности...».

Почти столь же немногословна и притча об унынии «Неожиданная радость»: «Захотело уныние радость опечалить.

Опечалило.

От чего даже само обрадовалось.

Да только этого даже и не заметило».

Мысль о том, что всевозможные страстные состояния как болезни души, являются тесно взаимосвязанными, образуя «анатомию» нравственного зла, кратко и остроумно выражена в притче «Обидчивость»: «Обиделась обидчивость на гордыню и решила уйти от нее навсегда.

Но не смогла.

Она ведь и шагу ступить без нее не может!».

Особое место в произведении монаха Варнавы занимают притчи о «злободневных» грехах, о тех пагубных пристрастиях и опасных соблазнах, в плену которых находится большая часть современного человечества (наркомания («Вечная ломка»), увлечение экстрасенсами («Бедные жертвы»), курение («Не убий!»), противоестественные грехи («Страшнее притчи») и др.). Греху как порождению своеволия и самолюбия автор противопоставляет мудрость Божьего миропорядка («Правильный порядок», «Радуга и воробей», «Своя доля», «Благодарность» и др.). Обращение к модели миниатюрной притчи, опора на формирующие ее принципы образно-аналогического мышления, позволили христианским авторам в доступной и занимательной для читателей разного возраста форме передать сокровенный смысл евангельской и святоотеческой мудрости. Рассмотренные притчи, написанные с целью «восстановления храмов человеческих душ», относятся к числу наиболее заметных и плодотворных вкладов современных духовных писателей в возрождение и обогащение прерванной советским атеистическим режимом традиции христианско-назидательного чтения для детей и взрослых.

В своих притчах, представляющих наглядные иллюстрации, основанные на реалиях обыденной жизни, монах Варнава (Санин) разъясняет в соответствии с христианским вероучением, что человек заключает в себе искаженный образ Божий, что он – существо, склонное к греху, нравственному злу. По учению св. отцов, в природе человека «вследствие его отчуждения от Бога произошло коренное изменение, искажение и нарушение гармонического взаимоотношения сил, способностей и потребностей». О том, что телесные и душевные силы человека находятся в противоестественном неправильном порядке, когда душа подчиняется телу, монах Варнава (Санин) пишет в притче «Душа и тело». В ней показывается несовместимость гедонизма с духовной сущностью человека. Согласно нравственно-религиозному выводу, которым завершается притча, человек,

угождавший своему телу, «даже не подозревал того, что чем больше любит свое тело, тем больше ненавидит свою душу». В притче «Знакомая история» склонность человека к греху раскрывается в простой и доступной для обывденного сознания форме, на примере, в основе которого лежат наблюдения, взятые из повседневной жизни, обобщенные автором благодаря приему художественной персонификации. Человек, персонаж произведения, отказывает добродетелям, приглашающим его на прогулку: «И времени нет, и ноги болят, и вообще смертельно устал после работы!». Напротив, со злыми привычками и грехами человек, не раздумывая, отправляется в путь: «Сразу и время нашлось, и ноги перестали болеть, и усталость куда только девалась!». «Хорошо еще, если эта прогулка была временная, а не вечная», – остроумно и лаконично заключает автор притчи.

Композиционной основой многих притчей является антитеза греха и добродетели, добра и зла, любви и ненависти, правды и лжи, светлых и темных сил («Кто сильнее?», «Правда и кривда», «Свет и тьма», «Все наоборот», «Злорадство и любовь», «Любовь и ненависть», «Земное и небесное», «Два пути», «Разные сроки», «Загадка» и др.). В сюжетных притчах персонажи образуют антагонистические пары. Так, в притче «Любовь и ненависть» утверждается созидаящая, миротворческая и победоносная сила любви, благодаря которой вопреки ненависти, уподобленной разрушительному урагану, продолжается жизнь на земле. Плоды ненависти – мор и войны, дары любви – исцеление и мир.

Дидактический мотив выбора между добром и злом, между грехом, поступками, нарушающими божественные заповеди, и осуществлением благих намерений, – один из сквозных в ряде притчей монаха Варнавы (Санина). Писатель неоднократно использует прием моделирования ситуации выбора: «Выбор», «Главное условие», «Вход и выход», «Два пути», «Две дороги», «Плохой выбор», «Витязь на распутье» и др. В притче «Два пути» грешник и праведник противопоставлены друг другу как субъекты выбора. О грешнике, достигшем высокого социального положения, разбогатевшем, православный автор-монах замечает: «Шел вверх по лестнице, ведущей вниз...». Земной путь праведника, «который опускаясь на колени, каялся и укорял себя», напротив, уподобляется движению вниз «по лестнице, ведущей вверх!». Пространственные константы «верх» и «низ», образующие одну из универсальных бинарных оппозиций «низ/верх», наполняются религиозно-нравственным смыслом в свете христианских представлений о земном и небесном, грехе и добродетели, дьявольском и божественном.

Утверждая значимость выбора, а также раскрывая сущность ряда религиозно-этических категорий и понятий, православный писатель нередко выражает поучение в афористической форме. Притчи-изречения в большом количестве представлены в четвертом томе («Аксиома», «Светлый гость», «Шаг в сторону», «Закон чистоты», «Тяжкая легкость», «Разные слова», «Грех и смех», «Верные сестры», «Испытанное средство» и др.). В афористической форме духовная христианская мудрость, значение покаяния выражены, например, в притче-миниатюре «Испытанное средство»:

Грех греху – рознь.

Да на всех – одно средство.

Покаяние!

Иногда монах Варнава (Санин) обращается и к поэтике загадки, одного из малых фольклорных жанров, и это, по-видимому, определяется тем, что притча «всегда заключает в себе некий важный духовный или нравственный смысл, для понимания которого от слушателей требуется интеллектуальное усилие». Слово «загадка» выступает в качестве заглавия некоторых притчей. Так, притча о добре и зле, включенная автором в пятый том, имеет заглавие «Загадка». По своей жанровой природе данная притча действительно сходна с загадкой:

Добро и зло в одном доме живут,

С разными входами.

Почему?

Большое место в сборниках монаха Варнавы (Санина) занимают притчи о страстях как последствиях падения человека, искажения его первоизданной природы. Страсть – одно из важнейших понятий православной антропологии и психологии. В святоотеческом учении это «неудержимая зависимость человека от какого-либо греховного желания, навыка или состояния, поддерживаемая падшими духами». По словам Н.Е. Пестова, «страсти есть болезни, язвы души демонического происхождения, которые при сильном развитии их ведут душу к духовной смерти». Основные страсти – чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Они находятся в зависимости друг от друга, так что развитие одной страсти влечет за собой развитие другой. Святитель Игнатий Брянчанинов, который приводит в своих «Аскетических опытах» классификацию страстей, почерпнутую у св. Иоанна Кассиана, развив и дополнив ее, пишет: «Страсти, как порождение греха, коренятся либо в естестве человека, как, например, чревоугодие, блуд, либо в духовной его природе, как сребролюбие, гордость. В человеке обычно преобладает одна какая-либо особенно пагубная страсть, которая уже порождает другие».

Следуя традиции православной антропологической мысли, монах Варнава (Санин) в своих притчах раскрывает разные проявления всех основных видов человеческих страстей, показывая их взаимосвязанность. Такое крайнее проявление уныния, как отчаяние, которое может довести человека и до самоубийства, иллюстрирует, к примеру, притча «Духовный диагноз», размещенная автором в пятом томе. В притче «Духовный диагноз» православная аскетическая мудрость выражена в афористической форме:

Отчаяние – это раковая опухоль.

На теле уныния.

В притче «Загадка» из тома четвертого раскрывается противоестественность чревоугодия и скупости, представляющей собой разновидность сребролюбия:

Зашли чревоугодие со сребролюбием в ресторан друзьями.

А вышли – врагами!

Почему?..

Скупой человек не позволит себе потратить денег на дорогие ресторанные блюда, но это вовсе не означает того, что он считает чревоугодие грехом и свободен от этой телесной страсти.

Христианско-аскетическое понимание комплексности страстей, их зависимости в разных проявлениях друг от друга составляет основу идейно-дидактического содержания притчей «Смысл жизни», «Обоюдоострый меч», «Несовместимость», «Духовный диагноз» и др. В притче «Несовместимость» автор показывает взаимосвязь хвастовства, одного из проявлений тщеславия, то есть непреодолимого желания человеческих похвал, и зависти:

Встретились хвастовство и зависть.

Хвастовство сразу хвастать начало.

А зависть тут же уши заткнула.

Так и не получилось у них разговора.

А разве могло быть иначе?

Зависть, заключающая в себе одновременно проявления тщеславия, сребролюбия и уныния, отображается монахом Варнавой (Саниным) в притче «Зависть». Автор показывает, что завистливый человек всегда чувствует себя обиженным, находится в состоянии уныния, поскольку он не может смириться с тем, что у других есть много денег, дорогих и красивых вещей. О таких разновидностях сребролюбия, как жадность и скупость, повествуется в притче «Две сестры». Жадность и скупость, выступающие действующими лицами произведения, не смогли построить общий дом: одной из них хотелось, чтобы жилище было многоэтажным, с колоннами, а другой было жалко денег. «Так и рассорились они, наконец. И как жили до этого, так и дальше стали жить, – порознь.

Но все равно людям от этого легче не стало!», – заключает автор.

В притче «Самолюбие» монах Варнава (Санин) обращает внимание читателя на самолюбие, которое, по святоотеческому воззрению, вследствие отчуждения от Бога есть источник нравственного зла, корень, основа всех страстей. Самолюбие после странствий по свету с целью полюбить кого-либо, возвратилось домой «и стало еще больше любить себя!». Тщеславие его даже не слушало, а эгоизм, «его иностранный коллега», «тот и вовсе отвернулся». Самолюбию, решившему, что нет достойных его любви, осталось в гордом одиночестве любить лишь себя.

Выражая христианское представление о пагубных последствиях для человека подчиненности какой-либо страсти, преобладающей в человеке, монах Варнава (Санин) наряду с приемом персонификации, использованном многократно и наиболее плодотворно, обращается и к образному миру, традиционным персонажам народной сказки о животных («Судьба и заяц», «Рыжий пожар», «Косолапость», «Рыжий заяц» и др.). В притче «Рыжий заяц», имеющей комическую стилизовую окраску, автор предостерегает от смертельно опасных последствий зависимости человека от страсти тщеславия. Заяц, персонаж произведения, который сшил себе рыжую шубку, как у лисы, чтобы было красиво и остальные зайцы боялись его, едва не стал для лесной хищницы лакомством: «Лисе только облизнуться и осталось. А заяц с тех пор и думать не смел поменять что-нибудь из того, что даровал ему Сам Господь!».

Действующими лицами ряда притчей, посвященных теме страстей и борьбе с ними, являются помимо людей и животных природные явления

и стихии, времена года: «Гордый ветер», «Туча» и др.; растения: «Привередливая крапива», «Васильки», «Зверобой» и др.; предметы, вещи: «Стул-самозванец», «Кран», «Ключ и замок» и др., а также математические знаки, геометрические фигуры, буквы: «Плюс с минусом», «"Большая" половина», «Я», «Алфавит гордости». В сходных по содержанию притчах «Я» и «Алфавит гордости» раскрывается главная особенность гордыни, заключающаяся в уничижении и презрении окружающих, в превозношении своего «я» вплоть до возведения самого себя в кумиры и самообожения. В лаконичной притче «Алфавит гордости» модель поведения гордеца, его искаженное представление о себе иллюстрирует последняя буква алфавита:

Издала гордыня свой алфавит.

Буква «я» на первом месте.

Все остальные – на последнем!

В притче «Зверобой» показываются последствия тщеславия, превозношения своих мнимых достоинств и способностей:

Узнал зверобой о своем названии.

И отправился на охоту.

Да только далеко не ушел.

Звери его затоптали...

В художественно-иносказательной форме монах Варнава (Санин) утверждает необходимость для православного христианина непрестанной борьбы со страстями. Согласно святоотеческому учению, подавление, искоренение страстей осуществляется с помощью молитвы, хранения христианского чувства любви, смирения. Н. Е. Пестов пишет: «Наиболее же совершенно страсти побеждаются при развитии противоположных страстям добродетелей и очищении сердца путем усиленных молитв и духовных подвигов.

Так, если разовьется смирение, то угаснут гордость и тщеславие. Если расцветет кротость, то не будет места раздражению и гневу; если в душе будет господствовать радость, то не будет места печали и т. д.». В притче «Гнев и смирение», в основе сюжета которой лежит фольклорный мотив поисков истины, монах Варнава (Санин) раскрывает святоотеческое понимание значения смирения в борьбе со страстями. Гнев, персонаж притчи, отправляющийся в странствие по белу свету и оставляющий после себя ссоры, вражду и войны, безудержно стремится к увеличению зла. Антипод гнева – монастырский привратник, тихий и скромный, именуемый себя Смирением. Гневу не удастся вызвать у него раздражение, недовольство своей участью, ненависть к обидчикам: «И что братья его не уважают, раз он в лохмотьях ходит и всего лишь привратником служит, хотя по виду – давно епископом быть пора!». Привратник остается кротким, считает, что находится на своем месте, следя за порядком, в то время как монахи «молятся, чтобы люди в любви и согласии жили». В притче «Корень зла», персонажами которой являются памятозлобие и прощение, автор учит прощать обиды, не быть злопамятными, бороться с гневной страстью. О том, что гнев, как считали христианские подвижники, должен быть направлен только против греха, а не на самого человека православный

писатель дает представление в двух притчах из третьего и пятого томов, озаглавленных «Праведный гнев».

Тема значения соотнесенных с божественными заповедями христианских добродетелей в преодолении греховных желаний, в борьбе со страстями занимает большое место в «Маленьких притчах для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина). Заглавия ряда притчей, посвященных добродетелям, включают в себе их определения: «Милосердие», «Сила смирения», «Закон чистоты», «Вера и дела», «Спасительная вера», «Исток любви», «Вера с надеждой» и др.

Подводя основные итоги, следует отметить актуальность творчества монаха Варнавы (Санина) в сохранении и развитии традиции духовной притчи в современной литературе. В сборниках «Маленьких притчей для детей и взрослых» выражены основы православного учения о грехе, страстях, их проявлениях и взаимовлиянии, о добродетелях, которые приобретаются в непрестанной борьбе с греховными наклонностями и негативными духовно-психологическими состояниями. Особенности поэтики многих притчей являются антитеза и персонификация, моделирование ситуации выбора. Неоднократно писатель обращается к традиционным образам русских народных сказок о животных, плодотворно использует принципы поэтики фольклорного жанра загадки.

5. Повести-притчи инок Всеволода Филиппева «Начальник тишины» и «Святогорец».

Составной частью сюжета «повести-притче для потерявших надежду» инок Всеволода Филиппева «Гость камеры смертников или Начальник тишины» является мотив договора о продаже души дьяволу. Прослеживая внутреннее преображение главного героя, бывшего преступника, его путь к вере через преодоление мирских соблазнов, автор утверждает христианские добродетели смирения и покаяния, преображения страдания и спасения души.

Зло в произведении воплощено в образе демонической личности – ученика и ревностного служителя сатаны Святополка Каиновича Князева. Инок Всеволод противопоставляет мирские ценности (материальные блага, плотские удовольствия, власть) и христианские идеалы (смирение, милосердие, преображение страдания). Главный герой, Влас Филимонов, осмысляя грехи молодости и отрекаясь от мирских ценностей, заключает: «Милые улыбки, красивые фразы, обходительность... А что за этим? Желание любой ценой достичь своей цели. Грязной цели. Какие люди наивные, какие мы все наивные. Так и ведь и сатана, изящный оболститель, с каждым из нас играет. Мы верим ему, а он обманывает и губит».

Глубинная сущность искушения раскрывается иноком Всеволодом в притче о самонадеянном и мечтательном парашютисте, которому диавол с детства внушал, что он будет «лететь по небу, яко ангел». Под парашютистом понимается всякий, кого оболещает злой дух: «Всегда, когда человек совершает грех, он повторяет историю ниспадения диавола с неба. Человек думает, что летит, а он падает и... разбивается».

«Порча» мира, скверна житейская показаны в произведении как плоды успешной деструктивной деятельности Князевых, вездесущих и обо всем

осведомленных проводников демонической воли. Душа Святополка Каиновича принадлежит сатане. В совершаемых поступках, в отношении к людям он – подобие своего «сиятельного» покровителя. Во власти Князева многократные изменения внешнего облика и проигрывание разных социальных ролей. Он и сотрудник милиции, и «земной благодетель», представляющий некую могущественную организацию Содружество Автономно Творящих Авторов, Независимых Агентов, и доктор «эксклюзивной психотерапии», применяющий «передовые методики и психотехники». Князев критически высказывается о душе, о Страшном Суде и мытарствах, о теории греха и будущей загробной жизни. По его словам, все это «ерунда», «необоснованные гипотезы» и «слащавые поповские сказочки». Между тем православному христианину Власу Филимонову Святополк Каинович предлагает заключить контракт, согласно которому в обмен на моральную и материальную помощь, должно будет в момент окончания земной жизни «добровольно передать свой «душевно-духовный субъект в полную собственность БФШП «Утренняя Звезда».. Искуситель внушает, что тому, кому предложен этот контракт, глупо отказываться от него: «Продать душу? Что за высокопарный слог? Ученые, голубчик, до сих пор спорят, есть ли она, душа, и что она такое. А мы, представляете, какую невиданную благотворительность людям оказываем? Даем безвозвратно огромные деньги и за что? За какую-то там душевно-духовную субстанцию, которой, может быть, и в помине нет!».

Сущность «президента фонда «Утренняя звезда» раскрыта в главе «Зеркало», одной из особенностей иносказательной поэтики которой, является символика зазеркалья. Князев показан в ней как всецело одержимый духом «сиятельного», чей облик проступает из «освещенной ярким неоновым светом» залы зазеркального мира. Верховный искуситель олицетворяет inferнальное зло, орудием служения которого на земле ради стяжания материальных благ и власти предстает Князев.

Искуситель в произведениях инок Всеволода Филиппева является художественным обобщением и развитием представлений, сформировавшихся в русле православной святоотеческой традиции мудрости. Он предстает как носитель злой воли, постоянно испытывающий верующих в ситуации выбора между сладостью запретного плода и страданием, сопряженным с верностью Божьим заповедям. Утверждая мысль о необходимости преодоления соблазнов, которые исходят от «князя мира сего», инок Всеволод проповедует «преображение страдания», составляющее «сущность спасительного христианского пути».

«Святогорец» – третье по счету произведение инок Всеволода, жанр которого определен самим автором как повесть-притча. С написанными ранее притчеобразными повестями «Начальник тишины» и «Ангелы приходят всегда» ее объединяет как близость жанрово-стилевых особенностей, так и комплекс сходных религиозно-дидактических идей, ряд общих мотивов, связанных с православным учением о мире и человеке.

В повести-притче «Святогорец» мотив духовного преобразования функционирует во взаимодействии с мотивами искушения и очистительного страдания, изживания гордости и обретения чувства смирения, христианских

добродетелей веры, надежды, любви. Изображению вступления многих персонажей в православное братство, основанное главным героем произведения, подвижником Святогорцем, который по воле Божией был направлен из афонской пустыни «в мир с миссией благовествования и служения», предшествует история их нравственного падения или заблуждений, поисков выхода из кризисного душевного состояния. Внутреннее преображение людей разных социальных кругов и профессий, отличающихся своими жизненными взглядами и интересами, заключается в переориентации их сознания с мирских ценностей на такие, которые являются подлинными духовными сокровищами: «доброту, кротость, смирение, веру, милосердие, жертвенность, терпение, надежду, сострадание и любовь».

Антитеза «мир—не от мира сего», проходящая через православно-аскетическое учение, прочерчивается автором повести-притчи с первых ее страниц, постепенно приобретая значение своеобразной аксиологической шкалы для определения степени духовно-нравственного состояния человека, степени его обожения. Один из полюсов этой шкалы представляют невидимые, или неведомые афонские старцы. Они, в отличие от «внешних людей», «живущих мыслями, обращенными к самим себе, к тленным предметам, к обманывающим их духам злобы», «живут непрерывным общением с Богом, то есть покаянной молитвой Иисусовой: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного”». Инок Всеволод поясняет: «Мир смотрит на внешнее, а неведомые живут внутренним. ... Потому-то мир сей пребывает во тьме, а неведомые, те, кто не от мира сего, пребывают в нетварном Божественном свете». На другом полюсе находятся те «внешние люди», которые, занимая центральные позиции в общественном устройстве, в стяжании тленных земных сокровищ и мирской славы, отвергли Христа и душеспасительную любовь к ближнему. Вступление на христианский путь начинается, по словам Святогорца, исполняющего свою миссию в «мистическом городе на Неве», с выхода из «вымышленного мира», «из заколдованного сатаной круга века сего». А «для этого необходимо остановиться, прекратить участие в навязанной игре, посмотреть со стороны, “стать не от мира сего”»..

Одна из главных христианско-дидактических идей, утверждаемых автором повести-притчи, заключается в том, что «самые богатые люди — это нищие ради Христа, бездомные, странники, истинные монахи, верующие божжи». Именно последние, самые презренные и ничтожные люди с мирской точки зрения, но неизмеримо более чистые в нравственно-духовном плане в сравнении со многими «внешними людьми», оказываются самыми отзывчивыми, составляя значительную часть основанного афонским старцем православного братства. Этих последних людей, менее всего пораженных гордыней и тщеславием, Святогорец вопреки обыденной житейской логике и, вспоминая о значимости подвига странничества в православной традиции, называет «Божьими мужами».

Сущность гордости как самого страшного в соответствии с христианским учением греха раскрывается иноком Всеволодом в заключительных главах произведения, где главный герой, пройдя через

суровые испытания, приходит к парадоксальному на первый взгляд выводу о том, что он и есть тот самый антихрист, «если будет мнить себя спасителем грешников». В условиях мирской жизни афонский пустынник-миссионер приобретает новый опыт самопознания, сохраняя в своем сердце смирение и любовь к врагам, представление о себе самом как о грешнике, поскольку только «Один истинный Спаситель – Христос», и «если верно то, что каждый должен стараться остановить антихриста своего времени, то прежде всего каждый должен остановить антихриста своего времени в самом себе». В предупреждении Святогорца о гипотетическом антихристе писатель-инок выражает представление об одном из самых опасных проявлений гордости, когда, по словам русского религиозного мыслителя Н. О. Лосского, «высокие силы духа, освободившиеся от пути чувственности, используются не ради чистого добра, а как средство для самоутверждения».

Как чудо, свершившееся под воздействием примера истинного смирения и евангельской любви к людям, показано в повести-притче внутреннее преображение бывшего преступного противника Святогорца – Спартак Тимуровича Звездапада, возглавлявшего им же основанное «Общество Петербургско-Афонской Дружбы (сокращенно ОПАД)». Инок Всеволод создает образ общественного деятеля, который ради мирского самоутверждения, в своем всепоглощающем стремлении к глобальной власти не останавливается и перед физическим уничтожением конкурентов, нарушая данный задолго до евангельского учения божий запрет на человекоубийство. Однако изначальное противопоставление смиренномудрого афонского подвижника и председателя ОПАДа, использовавшего «свой имидж благотворителя и доброхота», преобразуется в конечном итоге в их сближение и единение, в «крушение в человеке тайны беззакония». Чудесное с мирской точки зрения преображение злодея в сокрушенного духом сознательного православного христианина отображается в раскрытии его подлинного имени, данного в детстве, согласно православному обряду Крещения, «в честь святителя Николы Можайского». Псевдоним антигероя, как и сокращенное название возглавляемого им общества, – аллюзии на историю мятежа и низвержения в ад Люцифера, возгордившегося божьего ангела, чье имя в переводе с латинского языка означает ««утренняя звезда»». Люцифер, по словам С.С. Аверинцева, – «в христианской традиции одно из обозначений сатаны как горделивого и бессильного подражателя тому свету, который составляет мистическую “Славу” Божества».

Среди последователей Святогорца, людей, кардинально изменивших свои взгляды, отношение к жизни, особое место занимают такие персонажи, как ученый Звездочет и бывший журналист, назвавший сам себя Эн – «от латинского N».. В истории каждого из новообращенных раскрываются причины его неудовлетворенности мирскими интересами и ценностями. Так, в образе Юрия Анновича Звездочета воплощен характерный для православной аскетики взгляд на греховную сущность высокоумия и праздномыслия, когда человек иллюзорно тратит драгоценное время своей жизни на удовлетворение не имеющего предела насыщения любопытства, порождая пустые и вредоносные наукообразные фантазии. Если в качестве

знаковой реалии, подчеркивающей антихристианскую направленность деятельности Звездапада, является находящийся в кабинете антигероя бюст философа-безбожника Ф. Ницше, провозгласившего себя Антихристом, то относительно Звездочета сходную функцию символической детализации выполняет указание самого персонажа на средневековую гравюру, изображающую строительство Вавилонской башни, символизирующей людскую самонадеянность и гордыню. От атеиста, а затем приверженца оккультизма, Юрий Аннович, оказавшийся между жизнью и смертью и спасенный благодаря произнесенной им Иисусовой молитве, приходит к осознанию того, что многие вопросы «не имеют той ценности, которую мы им придаем», поскольку они «не являются необходимыми для самого важного – спасения наших бессмертных душ».

Гибель ««ветхого человека»» и появление нового, «возрождающегося во Христе Спасителе, в вечной Его любви», показана на примере истории журналиста, потерявшего свое мирское «славное и громкое имя». ««Ветхий человек»» был ««рыцарем справедливости»», который боролся за правду, но постепенно, став сердцеедом и запутавшись в хитросплетениях как собственной, так и чужой двойной жизни, превратился в «живого носителя неправды», в «бессердечную марионетку». Не в силах «разорвать нити, которые держали в своих руках кукловоды», Эн после встречи со Святогорцем и вступления в его братство, начинает жизнь во имя Божие, в то время как прежде трудился «во имя свое, питая делами своими гордыню и тщеславие». Преображение ««рыцарем справедливости»» начинается с разрыва им «нитей славолубия и гордости», накрепко связавших его душу с мирской ложью и скверной. «Не ищи правды на земле – она вознеслась на Небо две тысячи лет назад. Не ищи справедливости среди людей – ищи ее в своем сердце», – наставляет Святогорец.

Идейно-дидактическая значимость в повести-притче антитезы между состоянием омирщенности, понимаемым в широком смысле, согласно православно-аскетическому учению, как «богоотчужденный образ мыслей и поведения», и внутренним преобразованием тех, кто вступил на христианский путь, акцентируется автором в главе, где показана духовная непроницаемость учеников Святогорца для психологических испытаний ««сынов века сего»». Секретный специалист в области психотехник Инчедуш (инженер человеческих душ) так и не смог «нажать кнопку ««Пуск»», чтобы его испытуемые начали воплощать в жизнь навязанные им мысли». По признанию Инчедуша, странные люди, расселившиеся на крышах домов, проводящие много времени в молитве, не поддаются внушению помыслов извне, поскольку «живут в ином мире!»».

На протяжении всего текста произведения автор постоянно упоминает о молитве Иисусовой, которую неоднократно произносит Святогорец, последователь афонских исихастов. Большое внимание инок Всеволод уделяет тому, чтобы даже малосведущий в православном учении читатель смог составить представление об исихазме, об особом духовно-нравственном значении покаянной и спасительной Иисусовой молитвы, как для монахов, так и для верующих мирян. Старец со Святой Горы убежден: «Энергия сострадания, любви и добра, являемая в Иисусовой и в прочих подобных

молитвах, есть та возвышенная благодатная несотворенная сила, которая способна преобразить любую душу».

В реализации религиозно-дидактического задания, включающего раскрытие глубинной сущности христианско-аскетической антитезы «мир – не от мира сего», автор следует законам притчевого жанра, в соответствии с которыми персонажи «предстают перед нами не как объекты художественного наблюдения, но как субъекты этического выбора». Мотив духовного преображения в качестве важнейшего компонента идейно-художественной структуры и сюжета повести-притчи. «Святогорец» концентрирует в себе совокупность изображенных православным писателем вне обращения к психологической аргументации резких метаморфоз человеческого сознания под воздействием идеального носителя христианской духовности, подвижника-миссионера из афонской пустыни.

Для самостоятельного изучения выделяется следующая тема дисциплины специализации «Классическая притча»:

– Притча в творчестве Л.Н. Толстого.

Самостоятельное изучение данной темы направлено на реализацию следующих целей:

- формирование у студентов представления о теории искусства Л.Н. Толстого, изложенной им в трактате «Что такое искусство?»;
- формирование у студентов представлений об идейно-художественной роли притчей в контексте «Исповеди» Л.Н. Толстого.
- формирование у студентов представлений о притчеподобной поэтике толстовских «народных рассказов», в основе которых лежат нравственно-религиозные взгляды писателя.

Виды заданий УСР с учетом модулей сложности по теме «Притча в творчестве Л.Н. Толстого».

Цели:

- 1) овладеть знаниями о жанре притчи в творчестве Л.Н. Толстого в свете теории искусства писателя, его нравственно-религиозных взглядов;
- 2) сформировать компетенцию в применении полученных знаний на примере таких произведений Л.Н. Толстого, как трактат «Что такое искусство?», «Исповедь», «народные рассказы» «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Крестник», «Два старика», «Бог правду видит, да не скоро скажет».

1. Представления Л.Н. Толстого о сущности искусства и его назначении. Трактат «Что такое искусство?».

А) Задания, формирующие знания по учебному материалу на уровне узнавания:

Тест.

1. Основатель эстетики, с которого Л.Н. Толстой начинает обзор определений эстетики: А) Баумгартен; Б) Винкельман; В) Шиллер; Г) Фихте; Д) Гюйо.

2. Английский ученый, упоминаемый Л.Н. Толстым в обзоре определений красоты и искусства в главе третьей, согласно которому «красота есть чувство, свойственное не одному человеку, но и животным»: А) Дарвин; Б) Спенсер; В) Гегель; Г) Тэн; Д) Шопенгауэр.

3. Согласно Л.Н. Толстому, «вечная, высшая цель нашей жизни» (глава VIII): А) добро; Б) красота; В) прогресс; Г) творчество; Д) истина.

4. Французский поэт, автор «Маленьких поэм в прозе», смысл которых, по словам Л.Н. Толстого, «надо угадывать как ребусы и большинство которых остаются неразгаданными» (глава X): А) Бодлер; Б) Малларме; В) Верлен; Г) Жан Мореас; Д) Ж. Роденбах.

5. Французский поэт, который «прямо говорит, что прелесть стихотворения состоит в том, чтобы угадывать его смысл, что в поэзии должна быть загадка» (глава X): А) Малларме; Б) Бодлер; В) Верлен; Г) Жан Мореас; Д) Ж. Роденбах.

6. Французский поэт, мирозерцание которого «состоит из дряблой распушенности, признания своего нравственного бессилия, и, как спасение от этого бессилия, самого грубого патологического идолопоклонства» (глава X): А) Верлен; Б) Малларме; В) Бодлер; Г) Жан Мореас; Д) Ж. Роденбах.

7. Лучшей иллюстрацией вредного влияния критики, по мнению Л.Н. Толстого, может служить ее отношение (глава XII): А) к Бетховену; Б) к Вагнеру; В) к Листу; Г) к Берлиозу; Д) к Брамсу.

8. Русский художник, изречение которого «искусство начинается там где начинается чуть-чуть», приводит Л.Н. Толстой в главе XII, когда раскрывает приводимые им условия, содействующие производству поддельного искусства: А) Брюллов; Б) Васнецов; В) Крамской; Г) Ге; Д) Нестеров.

9. Композитор, успех которого Л.Н. Толстой объясняет тем, что он «с большим умением воспользовался всеми, долгой практикой ложного искусства выработанными, средствами подделки под искусство и составил образцовое поддельное произведение искусства»: А) Вагнер; Б) Бетховен; В) Лист; Г) Брамс; Д) Штраус.

10. Произведения Ф.М. Достоевского, которое Л.Н. Толстой приводит в качестве образца в ряду произведений других авторов «высшего, вытекающего из любви к Богу и ближнему религиозного искусства» (глава XVI): А) «Мертвый дом»; Б) «Преступление и наказание»; В) «Братья Карамазовы»; Г) «Записки из подполья»; Д) «Идиот».

Форма выполнения заданий – групповая

Форма контроля выполнения заданий – тест (1 задание).

Б) Задания, формирующие компетенции на уровне воспроизведения:

1. С какой целью Л.Н. Толстой приводит многочисленные определения красоты и искусства?

2. Почему Л.Н. Толстой отвергает теории искусства, основанные на красоте?

3. Почему Л.Н. Толстой считает, что понятие красоты «не только не совпадает с добром, но скорее противоположно ему»? (глава VII).

4. Каковы с точки зрения Л.Н. Толстого отрицательные последствия развития искусства высших классов?

5. Почему Л.Н. Толстой считает важнейшим признаком истинного искусства его связь с религиозным сознанием?

6. Какое искусство Л.Н. Толстой называет поддельным. Каковы выработанные им приемы и условия?

7. Какое искусство Л.Н. Толстой называет всенародным?

8. Какие примеры вредного влияния критики приводит Л.Н. Толстой, утверждая, что «ложное произведение, восхваленное критиками, есть дверь, в которую тотчас же врываются лицемеры искусства» (глава XII)?

9. Каков толстовский идеал искусства будущего?

Форма выполнения заданий – групповая

Форма контроля выполнения заданий – самостоятельная работа (1 – 9 задания).

В) Задания, формирующие компетенции на уровне применение полученных знаний:

1. Напишите сочинение-эссе на тему: «Лицемеры искусства»: Л.Н. Толстой об искусстве истинном и поддельном.

2. Напишите сочинение-рассуждение на тему «Добро, истина, красота и искусство» (по трактату Л.Н. Толстого «Что такое искусство?»).

3. Напишите сочинение «Толстовский идеал искусства будущего», объяснив сущность христианского искусства в понимании автора трактата «Что такое искусство?»

4. Раскройте понимание Л.Н. Толстым искусства как духовного органа человеческой жизни.

Форма выполнения заданий – индивидуальная

Форма контроля выполнения заданий – сочинение (1 – 4 задания).

2. Притчи в «Исповеди».

А) Задания, формирующие знания по учебному материалу на уровне узнавания:

Тест

1. Годы создания Л.Н. Толстым «Исповеди»: А) 1879 – 1882; Б) 1877 – 1881; В) 1878 – 1880; Г) 1879 – 1881; Д) 1878 – 1882.

2. Древняя притча, которую приводит Л.Н. Толстой для иллюстрации (наглядного пояснения) своего внутреннего состояния в период духовно-психологического кризиса: А) о путнике, застигнутом в степи разъяренным зверем; Б) о трубе смерти и четырех ковчегах; В) о серне; Г) о царе на один год; Д) о соловье и ловце.

3. В толковании Л.Н. Толстым древней притчи капли меда – это: А) любовь к семье и писательству; Б) любовь к природе; В) вера в прогресс; Г) научное знание; Д) любовь к земным благам и чувственным наслаждениям.

4. Немецкий философ, цитаты из сочинения которого приводит Л.Н. Толстой, поясняя ими свое понимание бессмысленности жизни в период духовного кризиса: А) Шопенгауэр; Б) Ницше; В) Гегель; Г) Кант; Д) Фихте.

5. Библейская книга, из которой цитирует Л.Н. Толстой для подтверждения пессимистического понимания жизни: А) «Книга Екклесиаста, или Проповедника»; Б) «Книга Притчей Соломоновых»; В) «Песнь Песней»; Г) «Книга Иова».

6. «Неразумное знание» «огромных масс людей», согласно Л.Н. Толстому, в отличие от «разумного знания в лице ученых и мудрых»: А) вера; Б) надежда; В) любовь; Г) эпикурейство; Д) магия.

7. «Самое редкое исключение» в кругу людей, представляющих высшее общество в противоположность людям из народа: А) спокойная смерть; Б) спокойная жизнь; В) беспокойная жизнь; Г) беспокойная смерть; Д) спокойное отношение к болезни.

8. Сознание Л.Н. Толстым «ошибки разумного знания» помогло ему «освободиться» от соблазна: А) праздного умствования; Б) искания истины в книжной мудрости; В) веры в прогресс; Г) самоубийства; Д) эпикурейства.

9. Возвращение Л.Н. Толстого к вере в Бога, в нравственное совершенствование и в предание, «передавшее смысл жизни», подкрепляется

им притчей о гребце, где направление – это: А) предание; Б) Бог; В) вера; Г) нравственное совершенствование; Д) надежда.

10. Одна из книг, ставших, по свидетельству Л.Н. Толстого, его любимым чтением после того, как ему вследствие сближения с трудовым народом открылось знание веры: А) Пролог; Б) «Пчела»; В) «Луг духовный» И. Мосха; Г) «Повесть о Варлааме и Иоасафе»; Д) Киево-Печерский патерик.

Форма выполнения заданий – групповая

Форма контроля выполнения заданий – тест (1 задание).

Б) Задания, формирующие компетенции на уровне воспроизведения:

1. Как Л.Н. Толстой оценивает свою жизнь до периода духовного кризиса?

2. Каковы представления автора «Исповеди» об истинной жизни и вере?

3. Разъясните роль древневосточной притчи о путнике в контексте «Исповеди».

Форма выполнения заданий – групповая

Форма контроля выполнения заданий – конспект (1 – 3 задание).

В) Задания, формирующие компетенции на уровне применение полученных знаний

1. Сравните истолкование аллегорических образов древневосточной притчи и их толстовскую трактовку.

2. Определите значение оригинальных толстовских притчей в идейно-художественной структуре «Исповеди».

Форма выполнения заданий – индивидуальная, групповая.

Форма контроля выполнения заданий – литературоведческий анализ (1 задание), самостоятельная работа (2 задание).

3. Притчеобразная поэтика «народных» рассказов.

А) Задания, формирующие знания по учебному материалу на уровне узнавания:

Прочитайте следующие «народные рассказы»: «Крестник», «Два старика», «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог» ««Бог правду видит, да не скоро скажет».

1. Название «народного» рассказа Л.Н. Толстого, идейно-художественное содержание которого связано с христианской традицией паломничества во Святую Землю: А) «Чем люди живы»; Б) «Где любовь, там и Бог»; В) «Крестник»; Г) «Два старика»; Д) «Бог правду видит, да не скоро скажет».

2. Название «народного» рассказа Л. Толстого, одним из героев которого является Ангел, наказанный Богом и посланный на землю жить среди людей, чтобы узнать «три слова»: А) «Крестник»; Б) «Где любовь, там и Бог»; В) «Бог правду видит, да не скоро скажет»; Г) «Два старика»; Д) «Чем люди живы».

3. Название «народного» рассказа Л. Толстого, в котором преступник-обидчик раскаивается и просит прощения у купца Аксенова, по его вине большую часть жизни проводившего на каторге: А) «Чем люди живы»;

Б) «Где любовь, там и Бог»; В) «Бог правду видит, да не скоро скажет»; Г) «Два старика»; Д) «Крестник».

4. Авторский жанровый подзаголовок «народного» рассказа Л.Н. Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет»: А) притча; Б) сказка; В) быль; Г) предание; Д) сказ.

5. «Народный» рассказ Л. Толстого, к которому в качестве эпиграфа автор поставил 8 изречений из Библии на тему любви к ближнему: А) «Чем люди живы»; Б) «Где любовь, там и Бог»; В) «Бог правду видит, да не скоро скажет»; Г) «Два старика»; Д) «Крестник».

6. Название «народного» рассказа Л.Н. Толстого, персонаж которого Ефим Тарасыч Шевелев понял, что «в миру по смерти велел Бог отбывать каждому свой оброк – любовью и добрыми делами»: А) «Чем люди живы»; Б) «Где любовь, там и Бог»; В) «Бог правду видит, да не скоро скажет»; Г) «Два старика»; Д) «Крестник».

7. Название «народного» рассказа Л.Н. Толстого, одним из персонажей которого является раскаявшийся разбойник: А) «Крестник»; Б) «Где любовь, там и Бог»; В) «Бог правду видит, да не скоро скажет»; Г) «Два старика»; Д) «Чем люди живы».

8. Сапожник Мартын Авдеич, читающий Евангелие, – главный персонаж «народного» рассказа Л.Н. Толстого: А) «Чем люди живы»; Б) «Где любовь, там и Бог»; В) «Бог правду видит, да не скоро скажет»; Г) «Два старика»; Д) «Крестник».

9. «Персонаж «народного» рассказа Л.Н. Толстого, к которому относится «другое слово Бога»: «Узнаешь, чего не дано людям»: А) барин; Б) умершая мать двух девочек; В) сапожник Семен; Г) жена сапожника Семена Матрена; Д) Михайла.

10. Название «народного» рассказа Л.Н. Толстого, одним из эпиграфов к которому поставлены слова из Евангелия от Иоанна «Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме»: А) «Крестник»; Б) «Где любовь, там и Бог»; В) «Бог правду видит, да не скоро скажет»; Г) «Два старика»; Д) «Чем люди живы».

Форма выполнения заданий – групповая

Форма контроля выполнения заданий – тест (1 задание).

Б) Задания, формирующие компетенции на уровне воспроизведения.

1. Распределите указанные выше «народные рассказы» по следующим темам:

- проповедь деятельной любви к ближнему и духовного единения;
- проповедь смирения и непротivления злу насилieм.

Форма выполнения заданий – групповая, индивидуальная

Форма контроля выполнения заданий – самостоятельная работа (1 задание).

В) Задания, формирующие компетенции на уровне применения полученных знаний:

1. Почему Л. Н. Толстой в создании большинства народных рассказов опирался на готовые, чаще всего легендарные и житийные сюжеты?

2. Выявите и охарактеризуйте элементы и особенности притчевой поэтики в «народных рассказах». Можно ли отнести «народные рассказы» к жанру притчи?

Учебно-методическое обеспечение:

1) Учебные пособия, монографии, статьи:

Монографии:

1. Исаев, А.А. Лев Толстой среди мудрецов / А.А. Исаев. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 104 с.
2. Галаган, Г.Я. Л.Н. Толстой. Художественно-этические искания / Г.Я. Галаган. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. – 174 с.
3. Квитко, Д.Ю. Философия Толстого / Д.Ю. Квитко. – Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 226 с.
4. Маймин, Е.А. Лев Толстой: Путь писателя / Е.А. Маймин. Изд. 3. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 200 с.
5. Козлов, А.А. Религия Л.Н. Толстого, его учение о жизни и любви / А.А. Козлов. – М.: Либроком, 2012. – 232 с.
6. Купреянова, Е.Н. Эстетика Л. Н. Толстого [Текст] / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). – Москва; Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1966. – 324 с.
7. Цертелев, Д.Н. Теория искусства графа Л. Н. Толстого / Д.Н. Цертелев. – М.: Либроком, 2012. – 70 с.

Статьи:

8. Березко, А.Ф. Исповедь Л.Н. Толстого: традиционное и новаторское / А.Ф. Березко // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2007. – Вып. 2(17). – С. 89 – 92.
9. Кудрявая, Н.В. Лев Толстой-педагог: от народного учителя к учителю жизни / Н.В. Кудрявая // Историко-педагогический журнал. – 2013. – № 3. – С. 56 – 94.
10. Лещева, В.А. «Крестник» Л.Н. Толстого – род притчи, поучения / В.А. Лещева // Русская речь. – 2015. – № 3. – С. 121 – 125.
11. Лещева, В.А. Влияние религиозно-философских взглядов Л. Толстого на художественное творчество 1880-х годов / В.А. Лещева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 9. – С. 104 – 107.
12. Лещева, В.А. Притчевое начало в народных рассказах Л. Толстого / В.А. Лещева // Новые российские гуманитарные исследования [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.nrgumis.ru/articles/288/>, свободный.
13. Лученецкая-Бурдина, И.Ю. Жанровые трансформации в творчестве Л.Н. Толстого 1870 – 1900-х годов / И.Ю. Лученецкая-Бурдина // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 2 (17) – С. 30 – 34.
14. Лученецкая-Бурдина, И.Ю. Теория искусства Л.Н. Толстого и литературные опыты писателя / И.Ю. Лученецкая-Бурдина // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 214 – 218.

2) Материалы для теоретического изучения в составе ЭУМКа.

Задания к практическим занятиям

Тема 1. Притчи и басня – жанровая кристаллизация и сокровищница мудрости человечества

I.

Назовите основные структурные компоненты и свойства басенного жанра. Охарактеризуйте каждый из них.

Какие основные свойства басни выделил в своей работе А.А. Потебня?

Каким образом А.А. Потебня, Л.С. Выготский объясняют постоянство басенной аллегорезы, то есть устойчивый круг звериных образов-масок?

Охарактеризуйте идейное содержание басен Эзопа. Приведите по два-три примера, относящихся к каждой из перечисленных смысловых групп:

– в мире царит зло и насилие. «Дурного человека» исправить невозможно, его можно только сторониться.

– судьба изменчива, от нее не уйдешь, следует довольствоваться тем, что есть, своим уделом, ибо ничего не зависит от человека.

– внешность обманчива. Надо распознавать лицемеров и сторониться их.

– страсти пагубны, ибо ослепляют человека и мешают ему различать за видимостью сущность.

Почему мораль эзоповских басен пессимистична?

Почему басня является одним из наиболее долговечных и наименее изменчивых жанров?

II.

Приведите философские трактовки мудрости. Объясните отличие житейской мудрости и духовной мудрости.

Каковы основные отличия между басней и притчей?

Почему жанр притчи является жанровой кристаллизацией духовной мудрости человечества?

Раскройте заключенный в христианских притчах духовный смысл. (на примере притчей «В лавке у Бога», «Наклонности» и др.).

Почему притчи издавна служили добру и функционировали в идеосфере нравственно-религиозных традиций и школ человечества? И если возможно создание притчи, служащей злу, то будет ли это произведение притчей?

Проанализируйте притчу «Остров духовных ценностей». Представьте, что на месте Любви оказалась бы Правда. С какими ценностями и мнимыми ценностями она вступила бы в диалог? Можно ли представить Правду, которая покинула бы остров? Если да, то, как развивался бы сюжет?

Тема 2. Притча в древнерусской литературе. Притчи в «Повести о Варлааме и Иоасафе»

I.

Раскройте особенности таких жанровых разновидностей притчи в древнерусской литературе, как притча-пословица и притча-загадка.

В составе каких произведений древнерусской письменности распространялись притчи? Приведите примеры.

II.

Подготовьте сообщение на тему: «Повесть о Варлааме и Иоасафе» – произведение переводной древнерусской литературы».

Раскройте нравственно-религиозное содержание «Повести о Варлааме и Иоасафе».

Определите роль притч в «Повести о Варлааме и Иоасафе». Почему притча «Об инороге» получила особенно широкое распространение в древнерусской письменности? В чем заключается аскетический характер содержания данной притчи?

Тема 3. Притчи в романе Б. Грасиана «Критикон»

I.

Охарактеризуйте композиционное своеобразие романа «Критикон». Почему каждая глава в нем названа «кризисом»?

II.

Почему роман построен в форме путешествия, персонажи и события показаны в обобщенно-трансформированной форме?

III.

На материале «кризиса» VII «Фонтан обманов» раскройте представления Б. Грасиана о социуме, выраженные писателем в «Критиконе». Почему жизнь человека в обществе представлена автором романа как «подлый театр»?

IV.

Какие стороны человеческой натуры олицетворяют Андриено и Критило? Раскройте воплощение Б. Грасианом антиномии природа – культура, лежащей в основе грасиановской двуединой концепции человека.

V.

Выделите черты притчевой поэтики в романе. Какова роль вставных притч в романе? Приведите примеры мастерства Б. Грасиана в создании аллегорико-дидактических образов и притч.

Тема 4. Притча в Ветхом Завете. «Книга Притчей Соломоновых». «Книга Иова»

I.

Раскройте духовный смысл изречения «Господа бояться – вот в чем начало познания». Почему это изречение вынесено в начало книги?

Опишите образ персонифицированной Премудрости. Почему Премудрость представлена в облике добродетельной и проницательной женщины?

Какие этические и религиозные принципы составляют идеал, проповедуемый в «Книге Притчей Соломоновых»? Подтвердите ответ изречениями из текста.

Определите основные этические, религиозные и интеллектуальные оппозиции. Подберите по два-три примера. Образец оформления:

Оппозиция: праведность – нечестивость.

Праведность и непорочность ведут прямой дорогой,
а нечестивец падет в своем злодействе (11: 5).

Оппозиция: мудрость – глупость.

Мудрый страшится и чурается зла,
зато глупец буянит, ничего не боится (14: 16).

Определите значение слова «благочестие», найдите и выпишите два-три афоризма-двустийшия, наставляющих в благочестии.

Почему значительная часть двустийший-афоризмов построена по принципу лексического и синтаксического параллелизма?

II.

Определите виды тропов (сравнение, метафора и др.), фигур поэтического синтаксиса (параллелизм, эллипсис и др.), наиболее полно характеризующих художественное своеобразие притч-изречений. Приведите примеры и охарактеризуйте роль употребленных в них фигур. Образец выполнения:

Параллелизм, эллипсис.

Дому нечестивых – разрушение,
шатру честных – процветание (14:11).

Почему значительная часть двустийший-афоризмов построена по принципу лексического и синтаксического параллелизма?

III.

Охарактеризуйте композиционное своеобразие «Книги Иова», назовите ее основные части.

Почему Бог обрекает праведника Иова на бедствия. Передайте содержание спора между Богом и Сатаном?

Как переносит Иов различные бедствия, посланные ему свыше? Приведите изречения героя, в которых проявляется его кроткий нрав и благочестие.

Когда в душе Иова наступает перелом? Каково содержание бесед Иова с его друзьями? Приведите выдержки из монологов Иова, проникнутые наибольшим отчаянием и пессимизмом.

Определите значение понятия «теодицея». В какой форме осуществлено решение проблемы теодицеи в «Книге Иова»?

Почему «Книга Иова» получила разнообразные трактовки в мировой духовно-интеллектуальной и художественной мысли?

Тема 5. Евангельские притчи: состав, жанрово-стилевые особенности. Выражение в притчах христианской духовности

I - II.

Определите содержание понятия Царствия Божия. Выпишите изречения о Царствии Божием, приводимые Иисусом Христом.

Выпишите названия всех притчей и укажите в скобках номер главы и стихов. Какова роль притчи в евангельском тексте?

III.

Распределите евангельские притчи по их внутреннему смыслу и отношению к проповеди Царствия Божия.

IV.

Рассмотрите особенности растительной аллегории в притче «О Сеятеле». Почему эта притча является двухчастной? Проанализируйте аллегории данной евангельской притчи в стихотворении А.С. Пушкина «Свободы сеятель пустынный...»

V.

Выделите основные структурные типы евангельских притч, назовите их отличительные стилевые особенности.

VI.

Какие идеалы евангельской духовности выражены в притчах «О милосердном самарянине», «О мытаре и фарисее».

Тема 6. Притча о Блудном сыне. Мотив блудного сына в художественной литературе

I.

Какой смысл заключается в сюжете и образах евангельской притчи о Блудном сыне в соответствии с их толкованием в христианской традиции?

II.

Почему история Блудного сына имеет общезначимое гуманистическое значение? В чем заключается ее непреходящий актуальный смысл?

III.

Раскройте роль евангельской притчи о Блудном сыне в создании Симеоном Полоцким «Комидии притчи о блудном сыне». Как решает с помощью притчи автор пьесы проблему «отцов» и «детей»?

IV.

Какую смысловую нагрузку несет мотив блудного сына в пьесе С. Найденова «Блудный сын»?

V.

Какие черты евангельского блудного сына запечатлены в образе лирического героя С. Есенина «Письмо матери»? Приобрел ли мотив блудного сына в есенинском стихотворении автопсихологический характер? Обоснуйте свой ответ.

Проанализируйте стихотворение А. Городницкого «Рембрандт». Какие новые в сравнении с евангельской притчей смыслы раскрыл автор стихотворения в мотиве блудного сына?

Рассмотрите особенности трансформации мотива блудного сына в стихотворениях белорусского поэта Анатоля Сыса «Блудны сын» и «На твары шчацінне...». С какими чертами душевного облика,

мировоззрения лирического героя А. Сыса связано расхождение в его духовном выборе и в финале истории евангельского блудного сына?

Тема 7. Притча в творчестве Г.С. Сковороды

I.

1. Раскройте смысл учения о «природосообразном» воспитании (о «сродности», «сродном труде»), составляющем главную идею трактата.

2. Определите функцию притч-изречений, «притчей-картинок» и притчей-рассказов в контексте размышлений-бесед героев о «сродности».

II.

1. Определите основные дидактические мотивы притчей и охарактеризуйте их.

2. Почему автор обратился к традиции и возможностям животной и вещественной аллегории.

Тема 8. Поэтика «Маленьких притчей для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина)

I.

Изучите основы учения православной аскетики. Сущность каких страстей и грехов раскрывается в притчах монаха Варнавы (Санина)? Приведите примеры притчей, в которых иллюстрируются различные страсти и добродетели.

II.

Какое значение имеют народные пословицы в создании притчей? Проанализируйте притчи, источником которых послужили пословицы? Какой дополнительный или новый смысл приобрели в сравнении со своими источниками авторские притчи?

III.

Проанализируйте такие особенности поэтики притчей монаха Варнавы, как антитеза, персонификация, моделирование ситуации выбора.

Раскройте использование монахом Варнавой принципов поэтики фольклорного жанра загадки? В чем заключается своеобразие притч-загадок монаха Варнавы? Определите значение автора «Маленьких притчей для детей и взрослых» в развитии, обогащении традиции классической притчи и ее жанровых разновидностей в современной прозе.

Тема 9. Повесть-притча Ю. Вознесенской «Сто дней до потоп»

I.

Какие негативные явления, тенденции в развитии современной цивилизации отображены в произведении. В чем заключается духовная деградация главной героини повести-притчи?

II.

Докажите, что по своей жанровой специфике произведение Ю. Вознесенской представляет собой структурный тип повести-притчи. Какие жанрообразующие признаки жанров притчи и повести взаимодействуют в поэтике произведения?

III.

Какова идейно-художественная роль библейского предания о Всемирном потопе в произведении? Усиливает ли обращение Ю. Вознесенской к Библии эффект притчевости в поэтике произведения?

Тема 10. Евангельские притчи в контексте рассказов Н. Веселовской о детях «Все равно», «Корзинка с фруктами», «Выбор», «Каждый человек», «Учительница второго “А”», «Воздушные ямы»

I.

Почему рассказы Н. Веселовской о детях «Все равно», «Корзинка с фруктами», «Выбор», «Каждый человек», «Учительница второго “А”», «Воздушные ямы» образуют повествовательный цикл? Каково их значение в развитии традиции православной прозы для детей?

II.

Рассмотрите роль притчи «О Сеятеле» в идейно-художественной структуре рассказа Н. Веселовской «Выбор». На какие ситуации, изображенные в рассказе, проецируется глубинный смысл евангельских аллегорий.

Раскройте роль притчи «О Блудном сыне» в идейно-художественной структуре рассказа Н. Веселовской «Каждый человек». Какой духовный и нравоучительный смысл, заключенный в евангельской притче, раскрывается персонажам рассказа.

Тема 11. Повести-притчи инок Всеволода (Филиппева) «Начальник тишины» и «Святогорец»

I. Почему произведение «Начальник тишины» автор определил как «повесть-притчу для потерявших надежду»? Рассмотрите особенности раскрытия православным писателем темы пути человека к Богу. Определите своеобразие мотивов продажи души дьяволу, раскаяния в грехах.

II.

Рассмотрите мотив духовного преображения в качестве важнейшего компонента идейно-художественной структуры повести-притчи «Святогорец». Раскройте взаимодействие данного мотива с мотивами искушения и очистительного страдания, изживания гордости и обретения чувства смирения, христианских добродетелей веры, надежды, любви.

III.

Выявите в поэтике произведений инок Всеволода (Филиппева) «Начальник тишины» и «Святогорец» жанровые признаки повести и притчи. Какие из них доминируют? Почему?

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Вопросы к практическим занятиям

Тема 1. Притчи и басня – жанровая кристаллизация и сокровищница мудрости человечества

I.

Особенности поэтики жанра басни. Выражение в баснях житейской мудрости.

II.

Притча как жанровая кристаллизация и сокровищница духовной мудрости человечества.

Тема 2. Притча в древнерусской литературе. Притчи в «Повести о Варлааме и Иоасафе»

I.

Жанровые разновидности притчи в древнерусской литературе.

II.

Притчи в «Повести о Варлааме и Иоасафе».

Тема 3. Притчи в романе Б. Грасиана «Критикон»

I.

1. Композиционное своеобразие романа Б. Грасиана «Критикон».

II.

Мотив путешествия в романе Б. Грасиана «Критикон» и его идейно-художественная роль.

III.

Представления автора романа о социуме.

IV.

Антиномия природа – культура в романе.

V.

Роман Б. Грасиана «Критикон» как одно из выдающихся в мировой литературе аллегорико-дидактических произведений.

Тема 4. Притча в Ветхом Завете. «Книга Притчей Соломоновых». «Книга Иова»

I.

Дидактическая концепция «Книги Притчей Соломоновых».

II.

Художественные особенности «Книги Притчей Соломоновых».

III.

«Книга Иова»: жанровое и композиционное своеобразие, образ Иова – праведника, проблема теодицеи, значение.

Тема 5. Евангельские притчи: состав, жанрово-стилевые особенности. Выражение в притчах христианской духовности

I - II.

Притчи в контексте четырех канонических Евангелий.

III.

Проповедь Царствия Божия в евангельских притчах.

IV.

Притча «О Сеятеле» и ее толкование в Евангелии. Стихотворение А.С. Пушкина «Свободы сеятель пустынный...».

V.

Жанрово-стилевые особенности евангельских притчей, их основные структурные типы.

VI.

Выражение евангельской духовности в евангельских притчах.

Тема 6. Притча о Блудном сыне. Мотив блудного сына в художественной литературе

I.

Толкование притчи о Блудном сыне в христианской традиции.

II.

Общечеловеческая значимость мотива блудного сына.

III. Мотив блудного сына в драматургии.

Мотив блудного сына в «Комидии притчи о Блудном сыне» Симеона Полоцкого.

Мотив блудного сына в пьесе С. Найденова «Блудный сын».

IV. Мотив блудного сына в поэзии.

Мотив блудного сына в стихотворении С. Есенина «Письмо матери».

Мотив блудного сына в стихотворении А. Городницкого «Рембрандт».

Мотив блудного сына в творчестве А. Сыса.

Тема 7. Притча в творчестве Г.С. Сковороды

I.

Притча в идейно-художественной структуре философско-этического трактата «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь Мира».

II.

Религиозно-этическая проблематика и художественное своеобразие притчей «Убогий жаворонок» и «Благодарный Еродий».

Тема 8. Поэтика «Маленьких притчей для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина)

I.

Выражение святоотеческой мудрости, основ православного учения о грехе, страстях и добродетелях в притчах монаха Варнавы (Санина).

II.

Традиция фольклорной мудрости в притчах.

III.

Традиции поэтики классической притчи в «Маленьких притчах для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина).

Тема 9. Повесть-притча Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа»

I.

Образ безбожной цивилизации в произведении.

II.

Взаимодействие жанрообразующих признаков повести и притчи в поэтике произведения.

III.

Идейно-художественная роль библейского предания о Всемирном потопе.

Тема 10. Евангельские притчи в контексте рассказов Н. Веселовской о детях «Все равно», «Корзинка с фруктами», «Выбор», «Каждый человек», «Учительница второго “А”», «Воздушные ямы»

I.

Утверждение христианской нравственности в повествовательном цикле рассказов для детей Н. Веселовской. Идейно-художественная взаимосвязь рассказов.

II.

Притча «О Сеятеле» в идейно-художественной структуре рассказа Н. Веселовской «Выбор».

Притча «О Блудном сыне» в идейно-художественной структуре рассказа Н. Веселовской «Каждый человек».

Тема 11. Повести-притчи инок Всеволода (Филипьева) «Начальник тишины» и «Святогорец»

I.

Тема пути человека к Богу, мотивы продажи души дьяволу, раскаяния в грехах в повести-притчи «Начальник тишины».

II.

Мотив духовного преображения в повести-притчи «Святогорец».

III.

Взаимодействие в поэтике произведений инок Всеволода (Филипьева) «Начальник тишины» и «Святогорец» жанрообразующих признаков повести и притчи.

Рекомендуемые вопросы к зачету

1. Дидактическая словесность и ее жанровый диапазон.
2. Мудрость и ее трактовки. Притча – жанровая кристаллизация и сокровищница духовной мудрости человечества.
3. Притча и басня: общее и отличное.
4. Особенности поэтики классической притчи.
5. Жанровые границы, основные структурные типы притчи. Притча Анатоля Боровского «IX».
6. Притча в древнерусской литературе. Притчи в «Повести о Варлааме и Иоасафе».
7. Притчи в романе Б. Грасиана «Критикон».
8. Поэтика «Книги Притчей Соломоновых».
9. «Книга Иова». Проблема теодицеи.
10. Евангельские притчи: состав, особенности аллегорезы, идейно-религиозное содержание.
11. Притча о блудном сыне и ее толкование в христианской традиции. Мотив блудного сына в художественной литературе.
12. Притчи в философских трактатах Г.С. Сковороды «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира».
13. Притча Г.С. Сковороды «Убогий жаворонок», выражение в произведении морально-философских взглядов автора.
14. Притча Г.С. Сковороды «Благодарный Еродий», выражение в произведении морально-философских взглядов автора.
15. Притча в контексте «Исповеди» Л.Н. Толстого.
16. Притчеобразная поэтика «народных» рассказов Л.Н. Толстого («Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Два старика» и др.).
17. Актуализация жанра притчи в современной православной прозе. Повесть-притча Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа». Образ бездуховной, безбожной цивилизации.
18. Повести-притчи инок Всеволода Филиппева «Начальник тишины» и «Святогорец».
19. Евангельские притчи в контексте рассказов Н. Веселовской «Все равно», «Выбор», «Корзинка с фруктами», «Каждый человек», «Учительница второго “А”», «Воздушные ямы».
20. Поэтика «Маленьких притчей для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина).

Рекомендуемые темы контрольных работ

1. Классическая притча: источники и особенности генезиса.

Почему притча генетически связана с нравственно-религиозной сферой сознания? Обоснуйте свой ответ анализом притч христианской традиции.

2. Духовная мудрость притчи и житейская мудрость басни. Басни Эзопа.

Приведите философские трактовки мудрости.

В чем заключается отличие духовной мудрости и житейской мудрости?

Раскройте на материале евангельских притчей, притчей христианских подвижников заключенную в них духовную мудрость.

На материале басен Эзопа раскройте сконцентрированную в них обыденную, житейскую мудрость.

3. Притчеобразная поэтика «народных» рассказов «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Два старика» Л.Н. Толстого.

Докажите, что вышеназванные произведения Л.Н. Толстого являются притчеобразными. Раскройте их религиозно-дидактический идейный смысл в соответствии с взглядами Л.Н. Толстого на искусство, изложенными им в трактате «Что такое искусство?».

Тесты

Тема 3. Библейские притчи

1. Проблема теодицеи осмысливается: А) в «Книге Иова»; Б) «Книге Притчей Соломоновых»; В) «Книге Екклесиаста»; Г) евангельской притче о Блудном сыне; Д) евангельской притче о талантах.

2. Развернутое поучение, в котором использован аллегорический образ муравья, начинающееся словами обращения мудрого отца к ленивцу: А) «Книга Притчей Соломоновых»; Б) евангельская притча о безумном богаче; В) евангельская притча о Блудном сыне; Г) евангельская притча о мытаре и фарисее; Д) «Книга Иова».

3. Могущество и величие Творца прославляется в образах природы: А) в «Книге Иова»; Б) «Книге Притчей Соломоновых»; В) «Книге Екклесиаста»; Г) евангельской притче о Сеятеле; Д) евангельской притче о брачном пире.

4. Автор стихотворения «Свободы сеятель пустынный...», в котором содержатся реминисценции из евангельской притчи о Сеятеле: А) М.Ю. Лермонтов; Б) А.С. Пушкин; В) А.А. Блок; Г) С.А. Есенин; Д) А.Н. Некрасов.

5. Евангельская притча, к которой восходит универсальный литературный мотив: А) о Блудном сыне; Б) о талантах; В) о милосердном самарянине; Г) о безумном богаче; Д) о мытаре и фарисее.

6. Двухчастная евангельская притча: А) о горчичном зерне; Б) о Блудном сыне; В) о Сеятеле; Г) о милосердном самарянине; Д) о мытаре и фарисее.

7. Притча в форме изречения, которая лежит в основе религиозно-дидактической концепции «Книги Притчей Соломоновых»: А) «Начало мудрости – страх Господень»; Б) «Дом беззаконных разорится, а жилище праведных процветает»; В) «Погибели предшествует гордость, и падению – надменность»; Г) «Разумный воздержан в словах своих, и благоразумный хладнокровен»; Д) «Сердце разумного приобретает знание, и ухо мудрых ищет знания».

8. «Суeta суeta» – лейтмотив: А) «Книги Премудрости Соломона»; Б) «Книги притчей Соломоновых»; В) «Книги Экклесиаста»; Г) «Книги Иова»; Д) Евангелия от Луки.

9. «Книга Притчей Соломоновых» состоит в большей степени из притч, представляющих собой структурный тип: А) притчи-рассказа; Б) притчи-загадки; В) притчи-изречения; Г) притчи-повести; Д) притчи-басни.

10. Евангельская притча, которая предваряется диалогом Христа и законника: А) о милосердном самарянине; Б) о Блудном сыне; В) о безумном богаче; Г) о сеятеле; Д) о неверном управителе.

Тема 4. Притча в творчестве Г.С. Сковороды

1. В притче Г. Сковороды «Убогий жаворонок» собеседник-антагонист жаворонка: А) тетерев; Б) дрозд; В) кулик; Г) аист; Д) ворон.

2. Г.С. Сковорода мораль своих «Басен Харьковских» называл: А) сила; Б) сумма; В) извлечение; Д) суть; Д) вывод.

3. В притче «Благодарный Еродий» Г.С. Сковороды, по словам автора, «разлагольствует обезьяна с птенцом Еродиевым»: А) о счастье; Б) о воспитании; В) о смысле жизни; Г) о душевном мире; Д) о грехах и добродетелях.

4. Последнее философское сочинение Г.С. Сковороды, посвященное его любимому ученику М. Ковалинскому: А) «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира»; Б) «Диалог. Имя Ему – Потоп Змиин»; В) Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни»; Г) «Начальная дверь к христианскому добронравию»; Д) «Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире».

5. Произведение Г.С. Сковороды, в котором идею самопознания выражает нарисованная раковина: «... она говорит самое премудрейшее: “Ищи себя внутри себя”»: А) Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни»; Б) «Диалог. Имя Ему – Потоп Змиин»; В) «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира»; Г) «Начальная дверь к христианскому добронравию»; Д) «Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире».

6. Притчу о безномом и слепом, иллюстрирующую «Божественное супружество» Премудрости и добродетели, рассказывает собеседникам (трактат «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни»): А) Григорий; Б) Афанасий; В) Лонгин; Г) Ермолай; Д) Яков.

7. «Разговор дружеский о душевном мире» – подзаголовок произведения Г.С. Сковороды: А) «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни»; Б) «Благодарный Еродий»; В) «Убогий Жаворонок»; Г) «Диалог. Имя Ему – Потоп Змиин»; Д) «Книжечка Плутархова о спокойствии души».

8. Еродий («Благодарный Еродий») утверждает, что «ничего нет лучше: А) благого воспитания; Б) чинов и почестей; В) здоровья; Г) земных благ и наслаждений; Д) искусства.

9. Библейская книга, незавершенную цитату из которой «Тот избавит тебя от сети ловчей...», Г.С. Сковорода включил в состав «Основания притчи», предваряющего произведение «Убогий Жаворонок»: А) Псалтирь; Б) «Книга притчей Соломоновых»; В) «Книга Екклесиаста»; Г) «Книга Иова»; Д) «Песнь Песней».

10. Мудрый отец-наставник благочестия («Убогий Жаворонок»): А) Алауда; Б) Немес; В) Адоний; Г) Сабаш; Д) Салакон.

Тема 6. Притча в современной православной прозе

1. Мотив продажи души дьяволу, связанный с образом Святополка Каиновича Князева, проходит через произведение: А) «Начальник тишины» инока Всеволода; Б) «Святогорец» инока Всеволода; В) «Сто лет до потопа» Ю. Вознесенской; Г) «Выбор» Н. Веселовской; Д) «Каждый человек» Н. Веселовской.
2. Тема пути человека к Богу через покаяние и жертву, связанная с образом Власа Филимонова, раскрывается в произведении: А) «Начальник тишины» инока Всеволода; Б) «Святогорец» инока Всеволода; В) «Сто лет до потопа» Ю. Вознесенской; Г) «Выбор» Н. Веселовской; Д) «Каждый человек» Н. Веселовской.
3. Персонификация страстей и добродетелей – устойчивая особенность поэтики: А) повести-притчи Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа»; Б) повести-притчи инока Всеволода «Святогорец»; В) «Маленьких притч для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина); Г) рассказа Н. Веселовской «Каждый человек»; Д) повести-притчи инока Всеволода «Святогорец».
4. Образ безбожной цивилизации создан в произведении: А) «Начальник тишины» инока Всеволода; Б) «Святогорец» инока Всеволода; В) «Сто лет до потопа» Ю. Вознесенской; Г) «Выбор» Н. Веселовской; Д) «Каждый человек» Н. Веселовской.
5. Библейский праведник – один из персонажей произведения: А) «Начальник тишины» инока Всеволода; Б) «Святогорец» инока Всеволода; В) «Сто лет до потопа» Ю. Вознесенской; Г) «Выбор» Н. Веселовской; Д) «Маленьких притч для детей и взрослых» монаха Варнавы (Саина).
6. Евангельская притча о Сеятеле – компонент идейно-художественной структуры произведения: А) «Святогорец» инока Всеволода; Б) «Начальник тишины» инока Всеволода; В) «Сто лет до потопа» Ю. Вознесенской; Г) «Выбор» Н. Веселовской; Д) «Каждый человек» Н. Веселовской.
7. Притча о Блудном сыне – компонент идейно-художественной структуры произведения: А) «Святогорец» инока Всеволода; Б) «Начальник тишины» инока Всеволода; В) «Сто лет до потопа» Ю. Вознесенской; Г) «Выбор» Н. Веселовской; Д) «Каждый человек» Н. Веселовской.
8. Народные пословицы – один из главных источников: А) повести-притчи Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа»; Б) повести-притчи инока Всеволода «Святогорец»; В) «Маленьких притч для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина); Г) рассказа Н. Веселовской «Каждый человек»; Д) рассказа Н. Веселовской «Выбор».
9. Основы православного учения о страстях и добродетелях раскрываются: А) в повести-притчи инока Всеволода «Святогорец»; Б) в повести-притчи инока Всеволода «Начальник тишины»; В) в «Маленьких притчах для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина); Г) в рассказе Н. Веселовской «Каждый человек»; Д) в повести-притчи Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа».
10. Образ подвижника, который по воле Божией был направлен из афонской пустыни «в мир с миссией благовествования и служения», создан: А) в повести-притчи Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа»; Б) в повести-притчи инока Всеволода «Святогорец»; В) в «Маленьких притчах для детей и

взрослых» монаха Варнавы (Санина); Г) в рассказе Н. Веселовской «Каждый человек»; Д) в рассказе Н. Веселовской «Выбор».

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по учебной работе
ГГУ имени Ф.Скорины

(подпись) И.В. Семченко

(дата утверждения)
Регистрационный № УД-_____/уч.

КЛАССИЧЕСКАЯ ПРИТЧА

Учебная программа учреждения высшего образования
по учебной дисциплине для специальности:

1 - 21 05 02 Русская филология (по направлениям)
1-21 05 02-01 (Литературно-редакционная деятельность)
специализации 1- 21 05 02-02 02 Литературоведение

2019 г.

Учебная программа составлена на основе образовательного стандарта специальности 1-21 05 02 «Русская филология» ОСВО 1-21 05 02-2013, утвержденного и введенного в действие постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 30.08.2013 № 88 и учебного плана УВО, утвержденного 09.04.2019, регистрационный № D-21-2-02/Д-19 (для дневного) и № D-21-2-02/З-19 (для ЗФ).

СОСТАВИТЕЛЬ:

Цыбакова С.Б. – доцент кафедры русской и мировой литературы ГГУ имени Ф.Скорины

РЕКОМЕНДОВАНА К УТВЕРЖДЕНИЮ:

Кафедрой русской и мировой литературы ГГУ имени Ф.Скорины

протокол № _____ от _____ 2019 г.

Научно-методическим советом ГГУ имени Ф.Скорины

протокол № 8 от 17.05. 2019 г.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

1.1. Актуальность изучения дисциплины

Актуальность и необходимость изучения дисциплины специализации «Классическая притча» обусловлены устойчивой потребностью в изучении специфики такой важнейшей литературоведческой категории, как жанр, в раскрытии его устойчивых черт в поэтике притчи, в определении особенностей генезиса, закономерностей функционирования жанра притчи в историко-литературном контексте.

Учебная программа разработана на основе компетентного подхода требований к формированию компетенций, сформулированных в образовательном стандарте ОСВО 1-21 05 02-2013.

1.2. Цели и задачи учебной дисциплины

Целью преподавания дисциплины специализации «Классическая притча» является повышение качества подготовки студентов-филологов по специальности «Русская филология», связанной с овладением основами научно-теоретических представлений о жанровой специфике художественной литературы, о структурных особенностях универсального жанра притчи, его генезисе в историко-литературном контексте, а также развитие и закрепление академических, социально-личностных и профессиональных компетенций.

Основными задачами дисциплины специализации являются:

- изучение структурных особенностей притчи, принципов функционирования притчевого жанра в разных духовных традициях человечества;
- осмысление факторов генезиса притчи как жанра, выявление путей ее трансформации в процессе эволюции и взаимодействия с другими жанрами;
- обоснование природы притчевого жанра, его отличия от близкородственного жанра басни, генетической связи с нравственно-религиозной сферой сознания;
- определение принципов притчеподобного способа художественного моделирования в художественной литературе.

Специалист должен знать основные тенденции и закономерности становления классической притчи в художественной литературе, ее структурные разновидности, специфику поэтики, особенности трансформации в историко-литературном контексте.

Уметь анализировать особенности генезиса и функционирования классической притчи в художественной литературе, ее структурные особенности и модификации.

Владеть методами научно-теоретической типологии жанра притчи, понятиями и терминами, связанными с изучением жанровой природы произведения, поэтики классической притчи, применяя их в процессе анализа текстов.

1.3 Требования к уровню освоения содержания учебного материала

В результате изучения дисциплины студент должен закрепить и развить следующие группы компетенций, предусмотренные в образовательном стандарте ОСВО:

академических компетенций, включающих знания и умения по дисциплине, умение учиться (АК);

социально-личностных компетенций, включающих культурно-ценностные ориентации, знание идеологических, нравственных ценностей общества и государства и умение следовать им (СЛК);

профессиональных компетенций, включающих способность решать задачи, разрабатывать планы и обеспечивать их выполнение в избранной сфере профессиональной деятельности (ПК).

Специалист должен:

АК-1. Уметь применять базовые научно-теоретические знания для решения теоретических и практических задач.

АК-2. Владеть системным и сравнительным анализом.

АК-3. Владеть исследовательскими навыками.

АК-4. Уметь работать самостоятельно.

АК-5. Быть способным порождать новые идеи (обладать креативностью).

АК-6. Владеть междисциплинарным подходом при решении проблем.

АК-7. Иметь навыки, связанные с использованием технических устройств, управлением информацией и работой с компьютером.

АК-8. Обладать навыками устной и письменной коммуникации.

АК-9. Уметь учиться, повышать свою квалификацию в течение всей жизни.

Специалист должен:

СЛК-1. Обладать качествами гражданственности.

СЛК-2. Быть способным к социальному взаимодействию.

СЛК-3. Обладать способностями к межличностным коммуникациям.

СЛК-4. Владеть навыками здоровьесбережения.

СЛК-5. Быть способным к критике и самокритике.

СЛК-6. Уметь работать в команде.

СЛК-7. Логично, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь, использовать навыки публичной речи, ведения дискуссии и полемики.

Специалист должен быть способен:

Научно-педагогическая и учебно-методическая деятельность

ПК-1. Планировать, организовывать и вести педагогическую (учебную, методическую, воспитательную) деятельность.

ПК-2. Применять различные технологии обучения языку и литературе, русскому языку как иностранному.

ПК-3. Осваивать и внедрять в учебный процесс инновационные образовательные технологии.

ПК-4. Использовать в своей деятельности навыки педагогического (делового) общения.

ПК-5. Создавать и редактировать документы с учётом специфики деловой коммуникации.

ПК-6. Осуществлять мониторинг образовательного процесса, диагностику учебных и воспитательных результатов.

Научно-исследовательская деятельность:

ПК-7. Планировать, организовывать и вести научно-исследовательскую деятельность в области филологии.

ПК-8. Выбирать необходимые методы исследования, модифицировать существующие и применять новые методы, исходя из задач конкретного исследования.

ПК-9. Использовать в работе современные компьютерные методы сбора, обработки и хранения информации.

ПК-10. Представлять итоги научно работы в соответствии с предъявляемыми требованиями.

ПК-11. Применять современную методику реферирования и редактирования текстов.

ПК-12. Пользоваться научной и справочной литературой на русском, белорусском и иностранном языках.

Проектная деятельность.

ПК-13. Применять современную методологию лингвистических и литературоведческих исследований, использовать средства автоматизации проектирования, оформлять проектную документацию.

ПК-14. Проводить анализ проектной деятельности в гуманитарной сфере, разрабатывать предложения по повышению эффективности планируемых исследований.

1.4 Структура содержания учебной дисциплины

Содержание дисциплины представлено в виде тем, которые характеризуются самостоятельными укрупненными дидактическими единицами содержания обучения.

Содержание тем опирается на приобретенные ранее студентами компетенции при изучении гуманитарных дисциплин «Введение в литературоведение», «История русской литературы (11 – 17 вв.)», «История зарубежной литературы (античность и средние века)».

1.5 Методы (технологии) обучения

Основными методами (технологиями) обучения, отвечающими целям изучения дисциплины являются:

- элементы проблемного обучения (проблемное изложение, вариативное изложение, частично-поисковый метод), реализуемые на лекционных занятиях;
- элементы учебно-исследовательской деятельности, реализация творческого подхода, используемые на практических занятиях и при самостоятельной работе.

1.6 Организация самостоятельной работы студентов

При изучении дисциплины используются следующие формы самостоятельной работы:

- контролируемая самостоятельная работа в виде решения индивидуальных вариантов в аудитории во время проведения практических занятий под контролем преподавателя в соответствии с расписанием;

- управляемая самостоятельная работа, в том числе в виде выполнения индивидуальных заданий учебного задания с консультацией преподавателем.

1.7 Диагностика компетенции студента

Для оценки достижений студентов используется следующий диагностический инструментарий (в скобках какие компетенции проверяются):

- проведение текущих контрольных опросов по отдельным темам.

Форма обучения – дневная, курс – 2, семестр – 3. Общее количество часов – 52 (1,5 з. е.); аудиторное количество часов – 34, из них: лекции – 12 часов (в том числе управляемая самостоятельная работа – 2 часа), практические занятия – 22 часа. Форма отчетности – зачёт в 3 семестре.

Форма обучения – заочная, курс – 2, семестр – 3, 4. Общее количество часов – 52 (1,5 з. е.); аудиторное количество часов – 6, из них: лекции – 4 часа, практические занятия – 2 часа. Форма отчетности – зачёт в 4 семестре.

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

Тема 1. Генезис притчи.

Дидактическая словесность и ее жанровый диапазон. Притча – универсальный аллегорико-дидактический жанр. Мудрость как идейно-тематическая доминанта, характеризующая дидактическую сферу словесного искусства. Древнеиндийская «обрамленная повесть» «Панчатантра» – сокровищница житейской мудрости. Древнеегипетская дидактическая афористика. Буддийские Джатаки. Средневековые западноевропейские нравоучительные «примеры», «бестиарий», «зерцало», моралите, миракли и др. Притча – жанровая кристаллизация и сокровищница духовной мудрости человечества. Отличие притчи от басни, обобщающей житейскую мудрость. Мораль басен Эзопа как результат опыта разносторонних жизненных наблюдений. Особенности композиции и аллегии.

Тема 2. Классическая притча: поэтика, жанровые границы, структурные типы.

Поэтика классической притчи (аллегоризм, абстрагированный стиль повествования, деконкретизация места действия и деиндивидуализация персонажей – субъектов этического выбора). Ф. Бэкон, Гегель, Б. Грасиан, Ф. Скорина о притче. Традиции классической притчевой поэтики в притче Анатоля Боровского «IX». Жанровые границы притчи. Структурные типы притчи: притча-изречение, притча-рассказ, притча-повесть. Поэтика притчи в древнерусской литературе. Притчи в «Повести о Варлааме и Иоасафе». «Притча об инороге». Притчи в контексте аллегорико-дидактического романа Б. Грасиана «Критикон». Роль аллегорического типа образности в создании образа «Фальшемира».

Тема 3. Библейские притчи.

«Книга Притчей Соломоновых»: религиозно-дидактическое содержание, стилевые особенности. Отражение фидеистического мировоззрения. «Книга Иова» как притча-парабола. Тема «человек – Бог» и специфика ее иносказательно-поэтического раскрытия. Решение проблемы теодицеи. Евангельские притчи: состав, жанрово-стилевые особенности. Выражение в евангельских притчах христианской духовности. Притча о Блудном сыне, ее истолкование в христианской традиции. Мотив блудного сына в произведениях художественной литературы («Комидия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого, «Блудный сын» С. Найденова, «Рембрандт» А. Городницкого, «Блудны сын» А. Сыса и др.). Общечеловеческая значимость мотива блудного сына.

Тема 4. Притча в творчестве Г.С. Сковороды.

Г.С. Сковорода – философ и писатель-моралист. Библия в жизни творчестве Г.С. Сковороды. Учение о «сродности». Притча и басня в понимании Г.С. Сковороды («Басни Харьковские»). Притчи в философских трактатах «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира». Выражение философско-этических взглядов Г.С. Сковороды в притчах-диалогах «Убогий жаворонок» и «Благодарный Еродий».

Тема 5. Притча в творчестве Л.Н. Толстого.

Религиозно-дидактическая тенденция в творчестве Л.Н. Толстого. Трактат «Что такое искусство?». Притча в «Исповеди». Роль притчей в иллюстрации авторских представлений о смысле человеческой жизни, путях преодоления зла и обретения веры. Притчеобразная поэтика «народных» рассказов. Выражение евангельской духовности. Дидактичность. Лаконизм, нарочитая упрощенность стиля.

Тема 6. Притча в современной православной прозе.

Нравственно-религиозное содержание современной православной прозы. Актуализация жанра притчи в современной православной прозе. Поэтика повести-притчи Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа». Особенности переосмысления библейского предания о Всемирном потопе. Образ бездуховной и безбожной цивилизации. Евангельские притчи в контексте цикла рассказов Н. Веселовской о детях («Все равно», «Выбор», «Корзинка с фруктами», «Каждый человек», «Учительница второго “А”», «Воздушные ямы»). Проецирование автором глубинного смысла притчей Иисуса Христа на ситуации, изображенные в рассказах. Поэтика «Маленьких притчей для детей и взрослых» монаха Варнавы(Санина). Раскрытие глубинного смысла евангельского учения и православной аскетики. Синтез народной пословичной мудрости и христианской духовности. Повести-притчи инок Всеволода Филиппева «Начальник тишины» и «Святогорец». Мотивы покаяния, мученичества, нравственного воскресения. Антидемоническая направленность повести-притчи «Начальник тишины». Идеино-художественная структура повести-притчи «Святогорец». Мотив духовного преображения.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КАРТА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ДНЕВНАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ

Номер раздела, темы	Название раздела, темы	Количество аудиторных часов					Количество часов УСП	Форма контроля знаний
		Лекции	Практические занятия	Семинарские занятия	Лабораторные занятия	Иное		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Тема 1. Генезис притчи. 1. Дидактическая словесность и ее жанровый диапазон. 2. Мудрость и ее трактовки. 3. Притча – жанровая кристаллизация и сокровищница духовной мудрости человечества. 4. Отличие притчи и басни.	2	2	-	-	-	-	Защита контрольной работы
2	Тема 2. Классическая притча: поэтика, жанровые границы, структурные типы. 1. Поэтика классической притчи. 2. Жанровые границы притчи. Структурные типы притчи. 3. Притча в древнерусской литературе. 4. Притчи в контексте романа Б. Грасиана «Критикон».	2	4	-	-	-	-	творческое задание
3	Тема 3. Притча в Библии. 1. «Книга Притчей Соломоновых». 2. «Книга Иова». Проблема теодицеи. 3. Евангельские притчи. 4. Притча о Блудном сыне, ее христианская трактовка и общечеловеческое значение. Мотив блудного сына.	2	6	-	-	-	-	тестирование
4	Тема 4. Притча в творчестве Г.С. Сковороды 1. Г.С. Сковорода как философ и писатель-моралист. Учение о «сродности». 2. Притчи в философских трактатах «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира». 3. Притча Г.С. Сковороды «Убогий жаворонок». 4. Притча Г.С. Сковороды «Благодарный Еродий».	2	2	-	-	-	-	тестирование

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5	Тема 5. Притча в творчестве Л.Н. Толстого. 1. Представления Л.Н. Толстого о сущности искусства и его назначении. Тракта́т «Что такое искусство?». 2. Притчи в «Исповеди». 3. Притчеобразная поэтика «народных» рассказов.	-	-	-	-	-	2	защита рефератов. Защита контрольной работы.
6	Тема 6. Притча в современной православной прозе. 1. Современная православная проза и актуализация в ней жанра притчи. 2. Повесть-притча Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа». 3. Евангельские притчи в контексте рассказов Н. Веселовской «Все равно», «Выбор», «Корзинка с фруктами», «Каждый человек», «Учительница второго “А”», «Воздушные ямы». 4. Поэтика «Маленьких притч для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина). 5. Повести-притчи инокa Всеволода Филиппева «Начальник тишины» и «Святогорец».	2	8	-	-	-	-	тестирование
	Всего часов:	10	22	-	-	-	2	Зачёт

Доцент

С.Б. Цыбакова

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КАРТА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ЗАОЧНАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ

Номер раздела, темы	Название раздела, темы	Количество аудиторных часов					Форма контроля знаний
		Лекции	Практические занятия	Семинарские занятия	Лабораторные занятия	Иное	
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Тема 1. Генезис притчи. 1. Дидактическая словесность и ее жанровый диапазон. 2. Мудрость и ее трактовки. 3. Притча – жанровая кристаллизация и сокровищница духовной мудрости человечества. 4. Отличие притчи и басни.	1					Защита контрольной работы
2	Тема 2. Классическая притча: поэтика, жанровые границы, структурные типы. 1. Поэтика классической притчи. 2. Жанровые границы притчи. Структурные типы притчи. 3. Притча в древнерусской литературе. 4. Притчи в контексте романа Б. Грасиана «Критикон».	1	-	-	-	-	творческое задание
3	Тема 3. Притча в Библии. 1. Поэтика «Книги Притчей Соломоновых». 2. «Книга Иова». Проблема теодицеи. 3. Евангельские притчи. 4. Притча о Блудном сыне, ее христианская трактовка и общечеловеческое значение. Мотив блудного сына.	1	2	-	-	-	тестирование
4	Тема 4. Притча в творчестве Г.С. Сковороды. 1. Г.С. Сковорода как философ и писатель-моралист. Учение о «сродности». 2. Притчи в философских трактатах «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира». 3. Притча Г.С. Сковороды «Убогий жаворонок». 4. Притча Г.С. Сковороды «Благодарный Еродий».	Самостоятельное изучение					тестирование

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5	Тема 5. Притча в творчестве Л.Н. Толстого. 1. Представления Л.Н. Толстого о сущности искусства и его назначении. Тракта́т «Что такое искусство?». 2. Притчи в «Исповеди». 3. Притчеобразная поэтика «народных» рассказов.	Самостоятельное изучение						защита рефератов. Защита контрольной работы.
6	Тема 6. Притча в современной православной прозе. 1. Современная православная проза и актуализация в ней жанра притчи. 2. Повесть-притча Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа». 3. Евангельские притчи в контексте рассказов Н. Веселовской «Все равно», «Выбор», «Корзинка с фруктами», «Каждый человек», «Учительница второго “А”», «Воздушные ямы». 4. Поэтика «Маленьких притч для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина). 5. Повести-притчи инокa Всеволода Филиппева «Начальник тишины» и «Святогорец».	1						тестирование
	Всего часов:	4	2	-	-	-	-	Зачёт

Доцент

С.Б. Цыбакова

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Методические рекомендации по организации и выполнению УСР по дисциплине специализации «Классическая притча»

Для самостоятельного изучения выделяется следующая тема дисциплины специализации «Классическая притча»:

- «Притча в творчестве Л.Н. Толстого».

Самостоятельное изучение данной темы преследует следующие цели:

- активизация учебно-познавательной деятельности обучающихся;
- формирование у обучающихся умений и навыков самостоятельного приобретения и обобщения знаний;
- формирование у обучающихся умений и навыков самостоятельного применения знаний на практике;
- формирование саморазвития и самосовершенствования.

Учебная программа УСР

- Тема 5. «Притча в творчестве Л.Н. Толстого» – 2 часа.

Цели: сформировать достаточные знания по изученному учебному материалу на уровне узнавания; сформировать компетенции на уровне воспроизведения; сформировать компетенции на уровне применения полученных знаний.

Виды заданий УСР с учетом модулей сложности

А) задания, формирующие достаточные знания по изученному учебному материалу на уровне узнавания:

1. Охарактеризовать представления Л.Н. Толстого о сущности и назначении искусства, выраженные им в трактате «Что такое искусство?». Составить конспект.
2. Выявить притчи в тексте «Исповеди» Л.Н. Толстого.
3. Определить идейно-тематическое значение эпиграфов к рассказам Л.Н. Толстого «Чем люди живы» и «Два старика».

Б) задания, формирующие компетенции на уровне воспроизведения:

1. Подготовить реферат по одной из предложенных тем.

Объем реферата по УСР – до 4-5 страниц печатного текста. Шрифт – Times New Roman, размер – 14, без переносов. Поля: верхнее – 20 мм, нижнее – 20 мм, левое – 30 мм, правое – 10 мм. Межстрочный интервал – одинарный, выравнивание – по ширине страницы, абзацный отступ – 10 мм.

Структура работы – реферат может включать в себя следующие разделы: титульный лист; введение; основная часть; список использованных источников (не менее 3 источников).

Текстовая часть реферата нумеруется от первой до последней страницы по возрастанию, титульный лист работы является первым, номер страницы на титульном листе не указывается. В титульном листе указываются: название учреждения образования, название кафедры, номер и тема УСР, данные об исполнителе.

Рекомендуемые темы рефератов

1. Притчеобразная поэтика рассказов Л.Н. Толстого «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Два старика».

2. Притчи в «Исповеди» Л.Н. Толстого.

В) задания, формирующие компетенции на уровне применения полученных знаний:

1. Обсуждение и защита рефератов.

2. Контрольная работа. Проводится на практическом занятии в письменной форме.

Примерный перечень практических занятий

1. Притчи и басня – жанровая кристаллизация и сокровищница мудрости человечества.

2. Притча в древнерусской литературе. Притчи в «Повести о Варлааме и Иоасафе».

3. Притчи в романе Б. Грасиана «Критикон».

4. Притча в Ветхом Завете. «Книга Притчей Соломоновых». «Книга Иова».

5. Евангельские притчи: состав, жанрово-стилевые особенности. Выражение в притчах христианской духовности.

6. Притча о Блудном сыне. Мотив блудного сына в художественной литературе.

7. Притча в творчестве Г.С. Сковороды.

8. Поэтика «Маленьких притчей для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина).

9. Повесть-притча Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа».

10. Евангельские притчи в контексте рассказов Н. Веселовской о детях «Все равно», «Корзинка с фруктами», «Выбор», «Каждый человек», «Учительница второго “А”», «Воздушные ямы».

11. Повести-притчи инок Всеволода Филиппева «Начальник тишины» и «Святогорец».

Рекомендуемые формы контроля знаний

1. Защита рефератов.

2. Контрольная работа.

3. Творческое задание.

4. Тестирование.

Рекомендуемые темы контрольных работ

1. Классическая притча: источники и особенности генезиса.

2. Духовная мудрость притчи и житейская мудрость басни. Басни Эзопа.

3. Притчеобразная поэтика «народных» рассказов «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Два старика» Л.Н. Толстого.

Рекомендуемое творческое задание

1. Сочинить притчу о духовных ценностях, обосновав ее применение в поиске смысла жизни и нравственном самосовершенствовании.

Рекомендуемые вопросы к зачёту

1. Дидактическая словесность и ее жанровый диапазон.
2. Мудрость и ее трактовки. Притча – жанровая кристаллизация и сокровищница духовной мудрости человечества.
3. Притча и басня: общее и отличное.
4. Особенности поэтики классической притчи.
5. Жанровые границы, основные структурные типы притчи. Притча Анатоля Боровского «IX».
6. Притча в древнерусской литературе. Притчи в «Повести о Варлааме и Иоасафе».
7. Притчи в романе Б. Грасиана «Критикон».
8. Поэтика «Книги Притчей Соломоновых».
9. «Книга Иова». Проблема теодицеи.
10. Евангельские притчи: состав, особенности аллегорезы, идейно-религиозное содержание.
11. Притча о блудном сыне и ее толкование в христианской традиции. Мотив блудного сына в художественной литературе.
12. Притчи в философских трактатах Г.С. Сковороды «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира».
13. Притча Г.С. Сковороды «Убогий жаворонок», выражение в произведении морально-философских взглядов автора.
14. Притча Г.С. Сковороды «Благодарный Еродий», выражение в произведении морально-философских взглядов автора.
15. Притча в контексте «Исповеди» Л.Н. Толстого.
16. Притчеобразная поэтика «народных» рассказов Л.Н. Толстого («Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Два старика» и др.).
17. Актуализация жанра притчи в современной православной прозе. Повесть-притча Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа». Образ бездуховной, безбожной цивилизации.
18. Повести-притчи инок Всеволода Филиппева «Начальник тишины» и «Святогорец».
19. Евангельские притчи в контексте рассказов Н. Веселовской «Все равно», «Выбор», «Корзинка с фруктами», «Каждый человек», «Учительница второго “А”», «Воздушные ямы».
20. Поэтика «Маленьких притчей для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина).

Рекомендуемая литература

1. Бэкон Ф. О мудрости древних / Ф. Бэкон // Собр. соч.: В 2 Т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 582 с.

2. Выготский, Л.С. Анализ басни / Л.С. Выготский // Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – Мн.: «Современное слово», 1998. – С. 93-159.

3. Гегель, Г.В.Ф. / Г.В.Ф. Гегель // Эстетика: В 4 т. – Т. 2: Развитие идеала в особенные формы прекрасного в искусстве. – М.: Искусство, 1969. – С. 88-136.

4. Гладков, Б.И. Толкование Евангелия / Б.И. Гладков. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2008. – 845 с.

5. Гринцер, П.А. Древнеиндийская проза: (Обрамленная повесть) / П.А. Гринцер. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 268 с.

6. Маймин, Е.А. Лев Толстой: Путь писателя / Е.А. Маймин. – М: Наука, 1978. – 191 с.

7. Николаюк, Н.Г. Библейское слово в нашей речи. Словарь-справочник / Н.Г. Николаюк. – 2-е изд. испр. и доп. – СПб.: Библиополис, 2012. – 384 с.

8. Пинский, Л.Е. Бальтасар Грасиан и его произведения / Л.Е. Пинский // Грасиан, Б. Карманный оракул. Критикон / Б. Грасиан. – М.: Наука, 1981. – С. 513-575.

9. Радь, Э.А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: монография / Э.А. Радь. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 276 с.

10. Синило, Г.В. Древние литературы Ближнего Востока и мир ТаНаХа (Ветхого Завета): учеб. пособие для студентов филолог. Факультетов вузов / Г.В. Синило. – Минск: ЗАО Изд-во «Экономпресс», 1998. – 471 с.

11. Скарына Ф. Предсловіе в притчы прамудрага Саламона, цара Израілева // Прадмовы і пасляслоўі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 237 с.

12. Срезневский, И.И. Притча / И.И. Срезневский // Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. – М., 1989. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 1481-1483.

13. Цыбакова, С.Б. Дидактическое в литературе. Классическая притча как жанр художественной дидактики / С.Б. Цыбакова. – Гомель: УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», 2003. – 87 с.

14. Цыбакова, С.Б. Мудрость как концепт и ее основные значения в дидактической сфере словесного искусства / С.Б. Цыбакова // Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульнаадукацыйнае ў літаратуры: Міжнарод. навука. чытанні, прысвеч. памяці Івана Навуменкі: зб. навука. арт. / М-ва адукац. Рэсп. Беларусь, УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», Гомельскі абл. Савет депутат., Гомельская спецыяліз. Слав. біблі-ка; редкал.: І.Ф. Штэйнер (гал. рэд.) [і інш.] – Гомель: ЦДІР, 2009. – С. 166-171.

15. Цыбакова, С.Б. Мотив блудного сына в драматургии XVII-XX веков / С.Б. Цыбакова // А.С. Пушкин в современном мире : материалы республиканской научно-практической конференции, Брест, 24 – 25 апреля 2008 г. / под общ. ред. Т.В. Сенькевич ; Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина. – Брест, 2008. – С. 57-62. Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://elib.gsu.by/handle/123456789/6118>.

16. Цыбакова, С.Б. Идеино-художественные особенности «маленьких» притч монахов Варнавы (Санина) и Симеона Афонского / С.Б. Цыбакова // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре [Текст]. –

Сборник научных статей. – Вып. 5. / редкол.: Т.Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – С. 101-105.

17. Цыбакова, С.Б. Евангельские притчи в контексте рассказов Н. Веселовской о детях («Все равно», «Выбор» и др.) / С.Б. Цыбакова // Актуальные проблемы компаративистики ; сборник материалов Республиканской научно-практич. конф. преподавателей и студентов, Брест, 6-7 декабря 2011 г. / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина; редкол. : Е.Г. Кивака, Л.М. Садко, Л.Н. Грицук. – Брест: БрГУ, 2012. – С. 153-156.

18. Цыбакова, С.Б. Роль библейской традиции в повести-притче Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа» / С.Б. Цыбакова // История в зеркале литературы: исторический роман Ю. Крашевского в контексте европейской истории и литературы (к 200-летию со дня рождения): сб. мат-лов междунар. науч.-практ. семинара преп. и студ. – Брест 23-34 ноября 2012 г. (УО «БрГУ им. А.С. Пушкина» / редкол.: Л.М. Садко, И.А. Ворон, Л.Н. Грицук. – Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 77–81.

19. Цыбакова, С.Б. Біблейскае слова ў ідэйна-мастацкім кантэксце прытчы А. Бароўскага «ІХ» / С.Б. Цыбакова // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час: IV міжнародная навук. канф. (Гомель, 31 мая 2013) / рэдкал.: А. А. Станкевіч [і інш.] ; Мін-ва адукацыі РБ. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – С. 216–219. Электрон. версія печат. публ. – Режим доступа: <http://elib.gsu.by/handle/123456789/3458>.

20. Цыбакова, С.Б. Мотив духовного преображения в повести-притче инокa Всеволода «Святогорец» / С.Б. Цыбакова // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре: сборник научных статей. Вып. 9 / редкол.: Т.Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 84–88.

21. Цыбакова, С.Б. Сюжэт аб аблудным сыне ў творчасці А. Сыса / С.Б. Цыбакова // Спадчына І.Я. Навуменкі і актуальныя праблемы літаратуразнаўства / І.Ф. Штэйнер ; М-ва адукацыі РБ, Гом. дзярж. ўн-т імя Францыска Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – Выпуск 3. – С. 153–157. Электрон. версія печат. публ. – Режим доступа: <http://elib.gsu.by/handle/123456789/5550>.

ПРОТОКОЛ СОГЛАСОВАНИЯ УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЫ
ДИСЦИПЛИНЫ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ «КЛАССИЧЕСКАЯ ПРИТЧА»
С ДРУГИМИ ДИСЦИПЛИНАМИ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
1 - 21 05 02 Русская филология

Название учебной дисциплины, с	Название кафедры	Предложения об изменениях	об в	Решение, принятое кафедрой, разработавшей
--------------------------------	------------------	---------------------------	------	---

которой требуется согласование		содержании учебной программы по изучаемой учебной дисциплине	учебную программу (с указанием даты и номера протокола)
Введение в литературоведение	Русской и мировой литературы	Утверждена без изменений	Рекомендовать к утверждению учебную программу в представленном варианте протокол № _____ от _____. _____. 20____
История русской литературы (11-17 вв.)	Русской и мировой литературы	Утверждена без изменений	Рекомендовать к утверждению учебную программу в представленном варианте протокол № _____ от _____. _____. 20____
История зарубежной литературы (античность и средние века)	Русской и мировой литературы	Утверждена без изменений	Рекомендовать к утверждению учебную программу в представленном варианте протокол № _____ от _____. _____. 20____

ДОПОЛНЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ К УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЕ

на ____/____ учебный год

№№ пп	Дополнения и изменения	Основание

Учебная программа пересмотрена и одобрена на заседании кафедры русской и мировой литературы (протокол № ____ от _____ 20__ г.)

Заведующий кафедрой
русской и мировой литературы
к.ф.н., доцент

_____ И.Н. Афанасьев

УТВЕРЖДАЮ

Декан филологического факультета
к.ф.н., доцент

_____ Е.Н. Полуян

Рекомендуемая литература

Основная

1. Гладков, Б.И. Толкование Евангелия / Б.И. Гладков. – М.: Эксмо, 2016. – 944 с.
2. Маймин, Е.А. Лев Толстой: Путь писателя / Е.А. Маймин. Изд. 3. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 200 с.
3. Олесницкий, А.А. Книга притчей Соломоновых (Мишле) и ее новейшие критики. Изд. 2. / А.А. Олесницкий. – М. ЛЕНАНД, 2016. – 152 с.
4. Синило, Г.В. Библия и мировая культура / Г.В. Синило. – Минск: Вышэйшая школа, 2015. – 685 с.
5. Тумина, Л.Е. Притча как школа красноречия / Л.Е. Тумина. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 368 с.
6. Хулап, В., прот. Евангельские притчи вчера и сегодня. Культурный контекст, толкования святых отцов, исторические свидетельства / Протоиерей В. Хулап. – М.: Никея, 2017. – 320 с.

Дополнительная

1. Аверинцев, С.С. Поэтика ранневизантийской литературы / С.С. Аверинцев. – М. : Coda, 1997. – 342,[1] с.
2. Аверинцев, С.С. Премудрость в Ветхом Завете / С.С. Аверинцев // Собр. соч. / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Г.Сигова. Связь времен. – К, 2005. – С. 10–22.
3. Бэкон Ф. О мудрости древних / Ф. Бэкон // Собр. соч.: В 2 Т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 582 с.
4. Березко, А.Ф. Исповедь Л.Н. Толстого: традиционное и новаторское / А.Ф. Березко // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2007. Вып. 2 (17). – С. 89–92.
5. Выготский, Л.С. Анализ басни / Л.С. Выготский // Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – Мн.: «Современное слово», 1998. – С. 93-159.
6. Гегель, Г.В.Ф. / Г.В.Ф. Гегель // Эстетика: В 4 т. – Т. 2: Развитие идеала в особенные формы прекрасного в искусстве. – М.: Искусство, 1969. – С. 88–136.
7. Гринцер, П.А. Древнеиндийская проза: (Обрамленная повесть) / П.А. Гринцер. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 268 с.
8. Исаев, А.А. Лев Толстой среди мудрецов / А.А. Исаев. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 104 с.
9. Козлов, А.А. Религия Л.Н. Толстого, его учение о жизни и любви / А.А. Козлов. – М.: Либроком, 2012. – 232 с.
10. Лещева, В.А. «Крестник» Л.Н. Толстого – род притчи, поучения / В.А. Лещева // Русская речь. – 2015. – № 3. – С. 121–125.
11. Марченко, О.В. Григорий Сковорода, его жизнь, сочинения и учение / О.В. Марченко // Сковорода, Г.С. Наставления бродячего

философа. Полное собрание текстов / Г.С. Сковорода / Вступ. ст., прим. и комм. О.В. Марченко. – М.: Издательство АСТ, 2018. – С. 5–22.

12. Николаюк, Н.Г. Библейское слово в нашей речи. Словарь-справочник / Н.Г. Николаюк. – 2-е изд. испр. и доп. – СПб.: Библиополис, 2012. – 384 с.

13. Пинский, Л.Е. Бальтасар Грасиан и его произведения / Л.Е. Пинский // Грасиан, Б. Карманный оракул. Критикон / Б. Грасиан. – М.: Наука, 1981. – С. 513–575.

14. Радь, Э.А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: монография / Э.А. Радь. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 276 с.

15. Скарына Ф. Предсловіе в притчи премудрого Саламона, царя Израилева // Прадмовы і пасляслоўі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 237 с.

16. Скотт, Роберт Б.Й. Традиция в литературе мудрости / Роберт Б.Й. Скотт; Пер. с англ. Е.С. Сафроновой // Библейские исследования. – Сб. статей. Составитель – профессор Барух Шварц. – Вып. 1. – М., 1997. – С. 614–665.

17. Срезневский, И.И. Притча / И.И. Срезневский // Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. – М., 1989. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 1481–1483.

18. Цертелев, Д.Н. Теория искусства графа Л. Н. Толстого / Д.Н. Цертелев. – М.: Либроком, 2012. – 70 с.

19. Цыбакова, С.Б. Возвращение Блудного сына: мотив евангельской притчи в структуре произведений художественной литературы / С.Б. Цыбакова // Триада бытия: слово – время – личность. Вторые научные чтения, посвящённые памяти В. Соболенко: сборник научных статей / ред. кол.: И.И. Морозова (гл. ред.) и [др.]; М-во образ. РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 193–199.

20. Цыбакова, С.Б. Мотив блудного сына в драматургии XVII–XX веков / С.Б. Цыбакова // А.С. Пушкин в современном мире : материалы республиканской научно-практической конференции, Брест, 24 – 25 апреля 2008 г. / под общ. ред. Т.В. Сенькевич ; Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина. – Брест, 2008. – С. 57–62. Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://elib.gsu.by/handle/123456789/6118>.

21. Цыбакова, С.Б. Образ искусителя в современной православной прозе (на примере произведений Н. Блохина и инока В. Филиппева) / С.Б. Цыбакова // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре [Текст]. – Сборник научных статей. – Вып. 2. / редкол.: Т.Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. – С. 84–88.

22. Цыбакова, С.Б. Мудрость как концепт и ее основные значения в дидактической сфере словесного искусства / С.Б. Цыбакова // Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульначалавечае ў літаратуры: Міжнар. навук. чытанні, прысвеч. памяці Івана Навуменкі: зб. навук. арт. / М-ва адукац. Рэсп. Беларусь, УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», Гомельскі абл. Савет депут., Гомельская спецыяліз. Слав. бібл-ка; редкал.: І.Ф. Штэйнер (гал. рэд.) [і інш.] – Гомель: ЦДІР, 2009. – С. 166–171.

23. Цыбакова, С.Б. Идейно-художественные особенности «маленьких» притч монахов Варнавы (Санина) и Симеона Афонского / С.Б. Цыбакова // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре [Текст]. – Сборник научных статей. – Вып. 5. / редкол.: Т.Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – С. 101–105.

24. Цыбакова, С.Б. Евангельские притчи в контексте рассказов Н. Веселовской о детях («Все равно», «Выбор» и др.) / С.Б. Цыбакова // Актуальные проблемы компаративистики ; сборник материалов Республиканской научно-практич. конф. преподавателей и студентов, Брест, 6-7 декабря 2011 г. / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина; редкол. : Е.Г. Кивака, Л.М. Садко, Л.Н. Грицук. – Брест: БрГУ, 2012. – С. 153–156.

25. Цыбакова, С.Б. Роль библейской традиции в повести-притче Ю. Вознесенской «Сто дней до потопа» / С.Б. Цыбакова // История в зеркале литературы: исторический роман Ю. Крашевского в контексте европейской истории и литературы (к 200-летию со дня рождения): сб. мат-лов междунар. науч.-практ. семинара преп. и студ. – Брест 23-34 ноября 2012 г. (УО «БрГУ им. А.С. Пушкина» / редкол.: Л.М. Садко, И.А. Ворон, Л.Н. Грицук. – Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 77–81.

26. Цыбакова, С.Б. Біблейскае слова ў ідэйна-мастацкім кантэксце прытчы А. Бароўскага «IX» / С.Б. Цыбакова // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час: IV міжнародная навук. канф. (Гомель, 31 мая 2013) / рэдкал.: А. А. Станкевіч [і інш.] ; Мін-ва адукацыі РБ. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – С. 216–219. Электрон. версія печат. публ. – Режим доступа: <http://elib.gsu.by/handle/123456789/3458>.

27. Цыбакова, С.Б. Мотив духовного преображения в повести-притче инок Всеволода «Святогорец» / С.Б. Цыбакова // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре: сборник научных статей. Вып. 9 / редкол.: Т.Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 84–88.

28. Цыбакова, С.Б. Сюжэт аб аблудным сыне ў творчасці А. Сыса / С.Б. Цыбакова // Спадчына І.Я. Навуменкі і актуальныя праблемы літаратуразнаўства / І.Ф. Штэйнер ; М-ва адукацыі РБ, Гом. дзярж. ўн-т імя Францыска Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – Выпуск 3. – С. 153–157. Электрон. версія печат. публ. – Режим доступа: <http://elib.gsu.by/handle/123456789/5550>.

29. Цыбакова, С.Б. Выражение православного учения о грехе, страстях и добродетелях в «Маленьких притчах для детей и взрослых» монаха Варнавы (Санина) / С.Б. Цыбакова // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре: сб. науч. ст. Редакционная коллегия Н.В. Сулова (главный редактор), Е. Л. Гречаникова (зам. главного редактора), А.Ф. Березко, Н.П. Капшай, С.Б. Цыбакова. – Вып. 12. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 51–55.

30. Шабулдаева, Н.И. Слово-концепт МУДРОСТЬ (ПРЕМУДРОСТЬ) в книгах Священного Писания / Н.И. Шабулдаева // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре [Текст]. – Сборник научных статей. –

Вып. 2. / редкол.: Т.Н. Усольцева (гл. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. – С. 153–157.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ